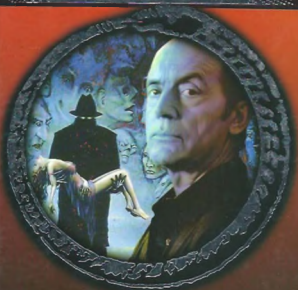

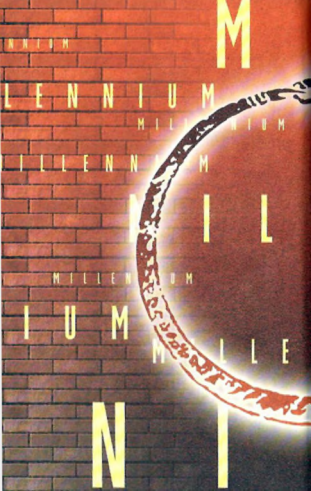
MILLENNIUM

ФРАНЦУЗ

ТЫ С Я Ч Е П Е Т И Е

на основе телесериала
ЯРИСА ВАРТЕРА

MILLENNIUM

M

MILLENNIUM

MILLENNIUM

MILLENNIUM

MILLENNIUM

MILLENNIUM

MILLENNIUM

MILLENNIUM

MILLENNIUM

MILLENNIUM

ELISABETH HAND

MILLENNIUM

На основе телесериала
КРИСА КАРТЕРА

ЭЛИЗАБЕТ ХЭНД

МОСКВА • **act** • 2001
ИЗДАТЕЛЬСТВО
TERRA FANTASTICA • САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7США)-44

X99

Elisabeth Hand
MILLENNIUM:
THE FRENCHMAN

Серийное оформление и компьютерный дизайн С. Шумилина

Перевод с английского О. Макеевой

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством FOTObank.*

Печатается с разрешения издательства

Harper Collins c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 19.09.01. Формат 84×108 1/32.

Усл. печ. л. 15,12. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4093.

Хэнд Э.

X99 Француз: На основе телесериала Криса Картера /
Э. Хэнд; Пер. с англ. О. Макеевой. — М.: ООО «Изда-
тельство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2001. — 285, [3] с. —
(Millennium).

ISBN 5-17-007128-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-7921-0407-7 (TF)

Это — «ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ».

Новый сериал Криса Картера — создателя уникальных «Сек-
ретных материалов».

Это — «ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ».

История самой таинственной, самой секретной группы на
Земле. Группы, которая борется не просто со злом, но с Силами
Тьмы, все чаще находящими путь в наш мир.

Группы, в которой люди, обладающие парапсихическими
способностями, расследуют преступления, носящие — явно ли, нет
ли — ПАРАНОРМАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР. Группы, лучшим из
агентов которой считается телепат Фрэнк Блэк...

Читайте новеллизации нового суперпроекта Криса Картера!

Это — первое дело «Тысячелетия».

Одержимостью идеей «спасти наш мир от порока» страдают
многие безумцы и фанатики, и многие — слишком многие! — из них
ОПАСНЫ.

Но... преступник, который совершает убийство за убийством
теперь, — не просто маньяк, но — человек, и вправду уверенный в
своей Миссии. Миссии странной, страшной и — великой.

Чтобы найти ТАКОГО убийцу, Фрэнку Блэку придется ПОНЯТЬ
ЕГО. ПОНЯТЬ любой ценой...

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7США)-44

© Twentieth Century Fox Film Corporation, 1997

© Перевод. О. Макеева, 2001

© ООО «Издательство АСТ», 2001

® TERRA FANTASTICA

ПРОЛОГ

...Вначале была боль.

И дьявол сказал: это хорошо.

Сдавленные крики, тяжелое дыхание, багровые волны, плещущиеся у ног. И был день первый.

...Вначале был страх.

И дьявол сказал: пусть будет так.

Багровые волны накатывали, подбираясь все выше и выше — к пульсирующей опухоли в паху.

И был день второй.

...Вначале был грех.

И дьявол сказал: пользуйтесь тем, что есть.

Прикосновения чьих-то губ и языка. Взрыв сознания. Горечь наслаждения.

И был день третий.

...Вначале была жажда.

И дьявол сказал: пей, пока не утолишь ее, пей до тех пор, пока во рту не появится привкус крови, желчи и меди.

И был день четвертый.

...Вначале была ненависть. И дьявол сказал: отпусти ее, ибо она обратная сторона любви, а любовь разрушает.

И был день пятый.

...Вначале был огонь. И дьявол сказал: да пожрет пламя всех невинных и праведных, грешников и блудниц... но ты останешься.

И был день шестой.

В день шестой кровь сочилась из глазниц. И хотя голос, который он слышал, всегда был его голосом, а крики — его криками, кровь принадлежала чужим.

Так всегда начиналось. Так всегда заканчивалось. Задыхаясь, он оставался на берегу скорби; прилив шел на убыль, смывая боль и страх, после — ничего не оставалось, кроме этого привкуса во рту и пятен крови на его ладонях.

Ничего, кроме жажды. Жажды смерти.

И тогда наступал День Седьмой.

1

Г Л А В А

Был день седьмой.

Воскресенье.

Час X.

Впрочем, размер этого часа гораздо точнее определяли яркие вывески удаленных кварталов города: XXL, XXXL. Латинская вязь неизменно пугала туристов и добропорядочных граждан, которые забредали сюда из чистого любопытства. Где еще, как не здесь, можно познакомиться с самыми значными уголками Сиэтла. Но, как известно, любопытство кошку сгубило. И не одну. После визита в мир XXL счастливики отделялись потерей двух-трех сотенных, другие — возвращались (если, конечно, возвращались вообще) с синяками и разбитыми скулами. Женщины теряли

кое-что еще. Не все, разумеется, а те, кому в эти дни особо не везло.

Завсегдатаи — совсем другое дело. Они были свои. И прекрасно знали, что заявленные на табло буквы не значат ничего, кроме набора латинских букв. Нормальный размер, обычный. А если присмотреться внимательнее, то здесь все одинаковые. Девочки, мальчики — какая, по сути, разница, у всех одно и то же выражение лиц — жажда денег. Быстрых, легких, не обремененных моралью и совестью. Здесь всегда продавалось все, что только можно продать. С раннего детства аборигены усваивали немудреную истину: если есть спрос — значит, будут и предложения. Между прочим, хорошие предложения. Особенно в вечернее время суток.

Ночь в Сиэтле обостряет восприятие, обнажает чувственность. Алкоголь подогревает и без того разгоряченную плоть. Хочется... хочется всего и сразу. Что ж, черный мир XXL тебе это даст: только протяни руку. Пусть добропорядочные граждане спят в своих широких постелях и видят безвкусные сны, эта ночь не для них. Она — для изгоев. Для охотников. Для жертв.

Он стоял на противоположной стороне переулка, сгорбившись под ледяным февральским дождем. Влажный блеск фонарей без устали полировал асфальт, на котором, словно в старом зеркале, кривились размытые неоновые

буквы. Пытаясь их сложить в слова, он перевел тяжелый взгляд на алую вывеску клуба:

*«РУБИНОВЫЙ КОГОТОК»
ЖАРЧЕ НЕТ В СИЭТЛЕ
ЖИВЫЕ ДЕВОЧКИ ДО 2:00 НОЧИ*

Слегка приоткрыв рот и прикусив нижнюю губу, он механически пересчитывал мигающую надпись, словно она могла открыть неизвестную до этого тайну. Великую истину. Эта истина была уже где-то рядом. Совсем рядом. Он чувствовал ее приближение, раздувая, словно гиена, толстые ноздри. На мокром лице застыла тупая маска вечного отвращения, будто судьба изо дня в день питала воспаленный мозг чем-то горьким и склизким. Настолько горьким, что сегодня чаша терпения наконец переполнилась.

Сейчас ему очень хотелось набраться смелости и войти в ветхое здание клуба. Уже целый час этот человек топтался в грязном переулке, наблюдая за потоком мужчин, желающих на себе попробовать знаменитый «рубиновый коготок». Кто-то с показной лихостью, кто-то, наоборот, воровато нырял в волнующую темноту, откуда легкими всплесками вырывались женские голоса. Однако покидали это заведение все одинаково: дверь равнодушно выплевывала мужские особи, растерявшие все свое достоинство. До последней

капли. Ссутулившись, они виновато отступали в ночь. До следующего раза. Удовольствие здесь порционно.

Наконец он решился. Надвинул на лоб бейсбольную кепку, медленно пересек улицу и толкнул массивную железную дверь.

На него обрушилась лавина техномузыки. Мрачные звуки душной волной окутывали длинный темный коридор. Бешеный ритм, под стать треску отбойного молотка, бился в такт с пульсирующей кровью в висках. Женские визги, мужские стоны и тошнотворная вонь.

Едкий запах хлорки мешался с табачным дымом, заглушая едва уловимый флер дешевых духов. Чуть дальше, у самой кассы, примешивался острый, чуть кисловатый запах спермы. Из темноты статичными призраками проступали контуры дверей, окрашенных в красный и зеленый цвета. Пол заляпан подозрительными белыми кляксами, усыпан окурками и скомканными листовками фривольного содержания: «ТИФФАНИ БРАЙТ: ПОЗВОНИ МНЕ! 24 ЧАСА В СУТКИ!!!», «СУШИ ЧИФ: МЫ ОПРАВДЫВАЕМ ОЖИДАНИЯ». На эти листовки покупались лишь юнцы. Секс по телефону теперь мало кого привлекал. Тем более кто даст гарантию, что на том конце провода не сидит древняя старушка, желающая заработать лишнюю пару баксов на гостинец внукам. Нет, мы хотим друго-

го! Мы хотя бы желаем видеть и слышать, если уж нельзя потрогать.

Ах, вам нужны гарантии?

Да, нам нужны гарантии.

Что же, тогда добро пожаловать в «Рубиновый коготок». Платите в кассу, выбирайте кабинку, и вы получите та-а-акую гарантию!

Приглушенный стук — одна из дальних дверей открылась и спустя секунду захлопнулась.

Он разглядел молодую женщину с копной спутанных рыжих волос. Длинное кожаное пальто, черные сапоги, черная помада. Настоящая королева автострады. Только без короля. Впрочем, временных претендентов на престол и тело пока хватало. По мере того как ее каблуки выбивали замысловатую дробь, одна за другой стали открываться другие двери. В течение нескольких секунд коридор заполнился мужчинами. Они молча выстроились в мрачную шеренгу, провожая эту яркую самку голодными взглядами. Казалось, еще чуть-чуть, и они набросятся на нее, желая урвать для себя самый лакомый кусок.

На мгновение мужчина в кепке тоже засыл, повинувшись мощному импульсу голодной толпы, но затем быстро развернулся и исчез за одной из зеленых дверей.

Тем временем рыжая пошла к выходу, сунув озябшие руки в карманы пальто. Остановившись у кассы, она демонстративно, но

вежливо кивнула молодому человеку, сидевшему внутри импровизированной будки. Всяк будь вежлив с Сэмми, и тогда Сэмми тебе поможет. Сэмми — свой парень, но это только для СВОИХ. Проще говоря, для тех, кого он патронирует. Лучшие клиенты, хорошая реклама, приятная музыка, полная защита в стенах заведения. Сэмми, да кто ж его не знает! К девушкам не пристает, извращенцев не любит. Впрочем, кто любит извращенцев? Назови! Нет ответа. Лишь хлопанье дверей.

Сквозняк. Тишина. Извращенцев никто не любит.

Рыжая королева предупредительно улыбнулась:

— Я пошла.

Сэмми засунул еще одну стопку двадцатипятицентовых монеток-квотеров в ящик кассы и только тогда поднял голову:

— Ага.

Прищурился, наблюдая, как она гибко проскользнула в дверь, слегка придерживав ее для стройной блондинки в мокрой дешевой куртке и узких джинсах.

Столпившиеся вокруг кассы клиенты синхронно выдохнули восхищенное: «О!» Такие девушки даже в непогоду должны ходить в неглиже. Здесь есть на что посмотреть, здесь есть что потрогать, здесь есть за что заплатить.

— Привет, Вторник, — улыбнулся Сэмми, смущенно теребя эспаньолку, которую он ста-

рательно отрачивал вот уже две недели. — Как дела?

Девушка с забавным, если не сказать претенциозным, именем Вторник равнодушно пожала плечами.

— Как тебе сказать? Вот, пришла.

— Отлично. Для тебя уже есть работенка. — Сэмми повернулся на стуле к подошедшему клиенту. — Быстро переодевайся. Увидимся позже.

С нарочитой надменностью Вторник прошествовала по коридору, специально задевая локтями мужчин, останавливающихся, чтобы взглянуть на нее. Миновав голодные взгляды и потные руки, она распахнула дверь раздевалки.

Ее встретили сизое облако дыма и звуки песенки про «когти длиной в девять дюймов», доносившиеся из-за двери, ведущей на сцену. Пара обшарпанных диванов. Стены заклеены пожелтевшими музыкальными плакатами и листовками платного медицинского центра «Пуже Саунд». Стриптиз стриптизом, но иногда приходится решать и маленькие женские проблемы.

Все как всегда. Три танцовщицы в «рабочей одежде». Тиффани в кожаном бюстгальтере и кожаных шортах; Янтарь Ли в розовом кукольном платьице, под которым только она сама; малютка Бобо в свободных брюках с разрезами и лифчике из черного атласа.

Девочки уже отработали свою смену и теперь с удовольствием валялись на диванах, курили дешевые сигареты и листали свежие журналы, принесенные Сэмми.

Вторник подошла к вешалке с одеждой и брезгливо дотронулась до своего костюма. После сырой промозглой улицы хотелось нырнуть в теплую пижаму, натянуть шерстяные носки и забраться в постель. Вместо этого — пропахшие потом тряпочки. Кто сказал, что они могут вызвать желание? Прилив похоти — да. Но желание... увольте. Ничего, кроме отвращения, по мнению Вторник, эти эротические костюмы не вызывали. Однако у хозяев «коготка» были свои представления о рабочей одежде. Ее оптом закупали в ближайшем секс-шопе, а потом уже подгоняли по размеру. Нередко во время выступления застёжки или лямки лопались, словно гнилая бечевка. Зрители, правда, воспринимали это как хорошо исполненный трюк.

Девицы тем временем соизволили оторваться от глянцевого журналов.

— Привет, Торни.

— Тут есть немного кофе, я только что сварила. Выпей, чтобы согреться.

— Как твоя машина?

Вторник благодарно отхлебнула глоток черной бурды и начала стаскивать свитер с блеклым узором.

— Спасибо, девочки. В машине была какая-то неполадка, механик ее уже устранил, и обо-

шлось это всего в сорок баксов. Слава богу, иначе меня бы в конце месяца турнули с квартиры. Я и так всем задолжала.

Позади нее распахнулась дверь, ведущая на сцену, и в комнату вбежала стройная пикантная блондинка в красном бикини. Лицо влажное, золотистые пряди волос прилипли ко лбу. Тушь слегка потекла.

— Как дела, Пандемия? — с улыбкой приветствовала ее Вторник. Больше всех она симпатизировала именно ей.

— Нормально, мой кошмар продолжается! — шутливо бросила через плечо та и поспешила к телефонному автомату, висевшему на противоположной стене, вкривь и вкось исписанной телефонными номерами. — Хочу убедиться, что няня еще не ушла, а то два дня назад я вернулась с работы и обнаружила, что Сюзанна одна. Представляешь? Оставить ребенка одного. В этом квартале...

Она нервно сунула монету в щель автомата и в ожидании устало прислонилась к стене. Отбросила с лица длинные волосы и, вспомнив, поморщилась:

— Кстати, Вторник, — наш таинственный Француз снова здесь.

Девушка по имени Вторник сменила скромный белый лифчик на более вызывающий, бордовый, с открытыми чашечками, окаймленными черным кружевом.

— Парень со стихами?

— Ага, он. И потом... О, привет, моя радость, это мамочка! Ты еще не спишь? Синди с тобой? Я могу с ней поговорить? Конечно, жду...

Вторник медленно стягивала с себя узкие джинсы. Ей очень хотелось дослушать этот ночной разговор до конца, разговор, напоминавший о прошлой жизни. Семье, родных, близких. Девочки не очень любят о себе рассказывать. Пришла — оттанцевала — ушла. Придешь ли еще, неизвестно. Кто ты, как тебя зовут, это неважно. Долгосрочных контрактов в таком бизнесе не бывает.

Здесь нет настоящих имен. Есть только прозвища. Она, к примеру, Вторник. Почему Вторник? Да потому, что именно этот день недели стал самым черным в ее жизни. Во вторник пришлось выбирать — либо бескорыстно сдохнуть в ближайшей канаве, либо торговать собственным телом. Тогда она и встретила Сэмми. Тот отмыл, обогрел, лап не тянул. Вечером привел сюда. Живи. Работай.

Первый испуг прошел сразу. Не проститутка, стриптизерша. Телом торгует на расстоянии. Уже легче. Да и не торговля, а всего лишь грязные танцы. Несколько па — влево, несколько па — вправо. Белье — на пол, ты — на выход. Все — можно отдохнуть. Между тобой и клиентами — стекло. Стекло — гарант того, что с тобой ничего не случится. Правда, очень хрупкий гарант.

Всякое бывало. Попадались сумасшедшие. Вон год назад девочку кислотой облили на выходе — переспать отказалась. А он возьми и обидься. Ему-то что, не поймали, а она через месяц загнулась от боли. У каждой здесь своя судьба, о которой лучше и не распространяться.

Конечно, и у Пандемии в реальной жизни совсем иное имя. Нейтральное, порядочное. Не такое, как здесь. Пандемия, эпидемия, стихия. Выбрала она его, конечно, не случайно. И отнюдь не из-за бешеного темперамента. Напротив, темперамент в данном случае — так себе. Достаточно посмотреть, как она двигается. Пластики ноль, зато фигурой бог не обидел. Фигура — о! Пандемия — это еще и бедствие. Катастрофа...

Впрочем, катастрофа случится, если она не появится вовремя на сцене. Сэмми этого очень не любит.

Вторник быстро натянула черную набедренную повязку. Две тряпочки — и ты готова к профессиональным подвигам. Она скользнула к большому зеркалу в дешевой раме, висевшему около двери на сцену. Музыкальная композиция про когти длиной в девять дюймов уже закончилась, и по трансляции загрохотали вступительные аккорды к песне «Более человек, чем человек» группы «Белый Зомби». Вздерошив пальцами густые волосы, Вторник уверенно провела по губам светло-вишневой

помадой, подкрасила глаза. Затем одарила зеркало недовольной гримасой и прошла на сцену. Пора и помучиться.

Девушки называли это помещение «клеткой». Площадка приблизительно двадцать на двадцать шагов, залитая ослепительным светом цветных прожекторов. Свет мог неожиданно сгуститься до фиолетового или густого красного, цвета тлеющих углей или же, наоборот, серебристо-белого. По периметру клетки — небольшие окошки, сквозь которые угадывались смутные фигуры мужчин, стоявших или сидевших в темных кабинках. Они смотрели на девушек тусклыми, ничего не выражающими глазами. Да и к чему эмоции, когда рука каждого ритмично поигрывала в собственном паху, с трудом оттягивая миг короткого удовольствия.

Вторник пантерой выскочила вперед, оттеснив других танцовщиц. Слабая вспышка внимания — невидимые зрители на мгновение сфокусировали на ней свое второе «я»: новая девица! Прикрыв глаза и соблазнительно облизывая губы, перебирая пальцами пряди волос, она поворачивалась то к одному, то к другому окну, чтобы зрители могли рассмотреть ее высокую грудь, тугий гладкий живот, мелькавшие под повязкой ягодичы. Рассмотреть и оценить. Похоже, действительно оценили.

То тут, то там сквозь мутный блеск черного стекла ей удавалось разглядеть чей-то рот в

еле слышном крике; ладонь, прижатую к окну; вытаращенные глаза в момент абсолютного наслаждения. Все, как обычно. Извиваясь, она профессионально поглаживала себя, старательно изображая приближение экстаза.

Тонкие пальцы, задержавшись на кружеве бюстгальтера, дрожали. Сама невинность. Господа, я здесь случайно, я в первый раз... Она меняла роли, подстраиваясь под ритм и настроение клиентов. Закон заведения гласит: угоди каждому так, как он хочет! И она угождала.

Прямо перед ней было одно из окон. За ним маячила знакомая сутулая фигура. ФРАНЦУЗ. Он бывал в клубе два или три раза в неделю, всегда в одной и той же темной бейсбольной кепке и в темных очках. Женщинам из «клетки» он неизменно приносил один и тот же «подарок» — лист бумаги, исчерканный иностранными словами. Пандемия утверждала, что слова написаны по-французски, но никому из девушек никогда не удавалось разобрать содержания странных записок. Да, в общем, они и не пытались, было не до того: дотанцевать и домой — спать, спать, спать. В одиночестве. Правда, кто-то из новеньких еще мечтал о залетном принце. Вдруг найдется такой, весь в белом, не похожий на остальных. Придет, увидит, заберет. Впрочем, разве встречаются принцы с расстегнутыми ширинками? История об этом умалчивает.

— Все одинаковые, — фыркнула однажды Бриттани, когда Пандемия полюбопытствовала насчет Француза. — Чертов извращенец. Хочешь совет? Держись от него подальше. Не заигрывай. Такие игрушки иногда обходятся очень дорого.

Сейчас Француз находился в кабинке напротив Вторник и снова прижимал к стеклу исписанный от руки тетрадный листок.

Вторник одарила его улыбкой, похожей на презрительную усмешку. Как припечатала. Танцуя и поддразнивая, она приблизилась к его окну. Специально для тебя, малыш! Пальцы скользнули по набедренной повязке, слегка приподняв ее край, затем поползли вверх, вдоль упругого живота, туда, где ее пышная грудь едва ли не выпрыгивала из тесного лифчика. Она поднесла руки к застежке бюстгальтера, будто бы расстегивая ее. И, откинув голову назад, на мгновение зажмурилась: на, получай!

Но когда вновь открыла глаза, он уже ушел.

2

Г Л А В А

За сценой в раздевалке Бриттани закончила яркий макияж и скользнула в «клетку». Ее очередь.

Пандемия застегнула фланелевую юбку, влезла в бесформенный шерстяной свитер и зашнуровала разбитые кроссовки. Теперь она напоминала дамочку средних лет и среднего достатка. В таком виде проще идти по ночным улицам. Шанс, что от тебя потребуют денег или ласк, существенно снижается. Не время показывать свою красоту, да и не место.

Бросив взгляд на часы, она тихо ругнулась. Десять минут второго. А она обещала няне, что вернется никак не позже половины первого. Да где там! После телефонного разговора пришлось утрясать финансовые проблемы. Сэмми никак

не хотел отдавать ту сумму, которую ей положено. Ссылался на опоздание, некачественную работу. Впрочем, можно сослаться на что угодно, если тебе не нравится человек. Пандемия Сэмми не нравилась. Почему, бог знает. Не нравилась, и все тут. Отсюда все ее беды с «коготком». А куда еще податься, когда на руках больной ребенок? И не только ребенок...

— Ну, я полетела, а то, чувствую, няни мне больше не видать, — крикнула она подругам по секс-каторге, сгребая в кучу рюкзак и куртку с капюшоном. — До встречи, девочки.

В этот момент Сэмми просунул голову в дверь. Белое облачко перхоти порхнуло на пол.

— Эй! Ты! — он ткнул большим пальцем в Пандемию. — К тебе клиент.

Она раздраженно вжикнула «молнией» куртки.

— Я ухожу. Извини.

— Двести баксов за десять минут.

Девушки, сидевшие на диванах, как по команде повернулись и поглядели сначала на Сэмми, а потом на Пандемию. Неслыханная сумма для убогого заведения. Да еще чтобы Сэм предложил ее той, кого терпеть не может. Такого раньше не случалось.

Пандемия быстро прикинула. Двести баксов. Несколько дней отдыха. Время только для себя и дочери. Возможность все обдумать спокойно. Принять решение. Двести баксов...

Помедлила и:

— Ладно, черт с ним! Только я позвоню няне...

И начала раздеваться.

В частной кабинке — чувственная темнота. Запах мускуса, пота и спермы. Запах желания. Запах страха. Всего в нескольких дюймах от мужского лица — квадратное окошко, оно запотеваает, когда его смрадное дыхание пеленой ложится на грязное стекло. Там, в клетке, извивается женщина.

Это не танец, это работа. Стриптиз на заказ.

Считай до трех, Француз!

Раз — и я готова показать тебе свое тело.

Два — и звук расходящейся молнии.

Три — о! — что ты хочешь, Француз? Что ты хочешь? Скажи мне.

— Ты хочешь посмотреть на меня? — Ее пальцы ласкают грудь. — Я знаю, ты хочешь посмотреть на меня.

Он молчит.

— Скажи мне, чего ты хочешь? — шепчет женщина, и хриплый нежный голос бритвой проникает ему в мозг.

Сосуды напряжены, еще немного — и лопнут, превратившись в густое кровавое конфетти. Он точно знает — тогда станет легко, очень легко. Тогда он познает ИСТИНУ. Он познает ТАЙНУ.

Она капризно надувает губы и, точно маленькая девочка, придвигается ближе к стеклу.

— Скажи мне.

Шаг назад. Сердце глухо стучит, и каждый удар причиняет невыносимую боль. Он судорожно сглатывает комок, который медленно скатывается вниз — к пульсирующему сгустку.

Шаг вперед. Ближе, еще ближе, рука против воли скользит к паху. Может быть, сейчас это произойдет, и тогда все будет хорошо. Очень хорошо. Сейчас узнаешь...

— Я хочу видеть, как ты танцуешь. Я хочу видеть, как ты танцуешь в кровавом приливе...

— Ты хочешь увидеть меня, не правда ли? — женщина не слышит, что он говорит. Стекло надежно хранит ее безупречное тело и абсолютный слух. Пока...

Он снова дышит на стекло. Ее тело покрывается черным зловонным налетом, вспыхивает багровым светом — это распускаются цветы зла. Ее зрачки проваливаются в черные ямы глазниц, губы, разлагаясь, обнажают белые кости. Господи, только ты умеешь создать столь безупречную красоту! Этот череп совершенен.

По обожженной коже сочится кровь. Вены набухают и взрываются на запястьях огненным фонтаном. Когда она приподнимает руками грудь и чуть наклоняется вперед, — возьми меня! — позади нее, на стене, вспыхивает багровое сияние. И признаки тления отступают. На время. Теперь она снова молода и желанна.

Она танцует для него — здесь и сейчас. Это не работа. Это уже для души. Для тебя — соло. Иди ко мне!

Но мужчина более не видит и не слышит ее. Его глаза устремлены на стену позади — туда, где мутное мерцание превращается в узкий ручеек крови, стекающий на пол. Кровь целует каблуки туфель, подбираясь все выше и выше.

— Ты хочешь увидеть мое тело, — томно вздыхает она, и кровь черной струей забрызгивает голую лодыжку. — Я знаю, что оно тебе нравится. Правда?

Его дыхание учащается, руки дрожат, не в силах справиться с ритмом плоти. Получилось, почти получилось! Сделай чудо, открой тайну. Он придвигается к окну, что-то жалобно шепчет. Голос срывается от волнения, и слова исчезают в узкой темноте.

Женщина начинает двигаться все быстрее, в такт его дыханию. Она ласкает свою шею, соски, живот. Ручейки крови стекают с кончиков ее пальцев, ползут по телу, от пупка на бедра, теряясь в завитках светлых волос. Кажется, что стены дышат, содрогаясь в новых приступах боли. Кровь все течет и течет, затопляя комнату. Пустота цвета крови...

— Я знаю, тебе нравится. Не бойся, я помогу тебе. Хочешь?

...черная пелена, его руки влажны от крови, с ее волос, когда она изгибает спину и встря-

хивает головой, летят алые капли. Мужчина закрывает глаза и из последних сил шепчет:

— Это — смерть вторая...

Кровь продолжает течь: густой, красный водопад бурлит вокруг стройных женских ног. Наваждение исчезает. Чуда не произошло. Все по-старому.

Он смотрит на нее, его голос становится громче, Француз упирается руками в стекло...

— ...и скверных, и любодеев, — бормочет он, хотя она не может его слышать.

— Я знаю, тебе нравится, — женщина наклоняет голову, опускает пушистые ресницы, пряча глаза, а затем бросает на него взгляд сквозь пелену дыма и пламени. — Я знаю, тебе нравится...

Стон. Терпеть боль невыносимо. Горячий пепел окутывает сознание. Человек бросается к стеклу, но не успевает...

Стены извергают пламя. Оно с ревом устремляется вниз в комнату, сжигая все — так, как если бы кровь была сухим трухлявым деревом; бумагой, пропитанной бензином; прядью волос над пламенем свечи. Озеро крови густеет, замирает, а затем взрывается золотыми, черными и алыми искрами. Жар слепит глаза. Языки огня извиваются огромными щупальцами, окружая женщину, которая движется внутри. Огонь, иди за мной!

Она танцует, даже когда ее кожа трескается, закручивается и опадает, словно черная обуг-

ленная кора. Капли жира брызжут на стекло, губы деформируются. Он видит, как светлые волосы обращаются в золу, пальцы выворачиваются, будто ивовые прутья. Костяшки трещат, превращаясь в удушливый дым.

И когда смрад горячей плоти заполняет его ноздри, когда последние слова женщины, точно эхо, продолжают звучать в ушах, — он видит пламя, пожирающее комнату.

И тогда по пепельной щеке скользит слеза. Единственная.

— Я знаю, тебе это нравится.

3

Г Л А В А

Пандемия бережно сложила две стодолларовые купюры и запрятала туда, куда женщины обычно прячут самое сокровенное. Надежно не надежно, но забираться придется долго. Сто одежек и все без застежек.

Раздевалка давно опустела. Три часа ночи. Все уже разошлись. Ей вроде бы тоже нужно идти, но к чему торопиться? Сюзанна давно спит. Ключ под ковриком. Няня, устроив скандал, виртуально хлопнула дверью. Ну и пусть. Теперь у нее появился небольшой, но шанс. Есть несколько дней для того, чтобы сделать передышку. И побыть с Сузи, ребенок и так видит мамочку урывками.

Как объяснить дочери, почему они бегут из города в город, заматывая за собой следы,

словно воры или преступники. За последний год Сюзанна побывала уже в четырех штатах. Только они устраивались, налаживая свою непутевую жизнь, Пандемия вновь срывалась с едва насиженного места. Отели, автостоп, грязные закусовые и вонючие сортиры на автозаправках. Или прямо в кукурузном поле. Дети кукурузы...

Частенько ей приходилось расплачиваться собой, пока Сузи спала на заднем сиденьи. Больше всего на свете Пандемия боялась, что девочка проснется и увидит весь этот кошмар. Мать с покрасневшим от напряжения лицом, пыхтящего мужика. Услышит противный скрип кожаных сидений и стоны. Но Сузи крепко спала. В такие минуты она никогда не просыпалась. Маленький союзник в общей беде. Пандемия отдавалась с мстительным удовольствием. Нате! Не жалко. Получите.

На Сиэтл она рассчитывала не зря. В таком городе можно затеряться. Взять другое имя, придумать себе легенду, замести следы. Так, чтобы он никогда их не нашел. Но он всегда находил — похудевший, озлобленный, появлялся в скромной квартире. И уже через день все летело в тартарары. Соседи отворачивались, а Сюзанна снова не понимала, почему ребята, игравшие с ней вчера, сегодня шарахались от нее, как от чумы. Пандемия глотала слезы и прижимала к себе маленькое

всхлипывающее тельце, не зная, как сказать — это только начало, начало конца.

Но сейчас у нее появилась надежда. Уже три месяца о нем ни слуху ни духу. Говорят, от этого умирают быстро. Очень быстро. Он и так долго держался. Может быть, теперь он оставит ее в покое. Ее и дочь. Они заслужили это. Из Сиэтла уезжать не хотелось. Этот город как никакой другой напоминал Пандемии ее родной город. Место, где она провела самые счастливые дни. Кто же знал, что та первая влюбленность приведет к омуту кошмара, поселив в душе страх и вину. Кто же знал, что, после всех надежд и чаяний, вершиной карьеры окажется «Рубиновый коготок».

Сюда она попала случайно. Зашла и предложила свои услуги. Ей было все равно — какие. Только бы за деньги. Отчаяние обычно придает убедительность. В таком состоянии люди готовы на все. Она — тоже. Теперь она действительно готова на все. Ей нечего терять, даже Сузи. В «коготке» ее ощупали, потом отправили в «клетку». Взяли. Ей повезло, что она блондинка. Даже джентльмены предпочитают блондинок, что уж говорить о классе пониже. Единственный раз она задумалась, когда Сэмми приказал выбрать псевдоним. И тут, вспомнив все, чему ее когда-то учили, выпалила: «Пандемия». Сэмми дернулся, но ничего не сказал. Один черт!

...Пандемия глотнула холодный кофе. Поморщилась. Вытащила сигарету, но потом отложила. Взглянула на себя в зеркало. Красота быстротечна. Молодость мимолетна. Но почему-то люди ценят в женщине лишь это. А если ты к тому же еще и глупа как пробка, твоя стоимость существенно возрастает. Кому нужен ум в постели? Правильно, никому. Поэтому шлюшки вроде Тиффани или Янтарь Ли гораздо счастливее. Они востребованы. Она — нет.

В комнату заглянула уборщица. Сью Полпинты. Как всегда, навеселе. Впрочем, в ином состоянии здесь работать нельзя. Вереница кабинок, в каждой — плевки спермы, кучки фекалий, лужицы мочи, следы рвоты. Все что вырабатывает человеческий организм — на полу. Клиенты бывают разные, каждому, чтобы возбудиться, нужно что-то свое. Особый подход. Фирмой не возбраняется. Хочешь кончить в куче дерьма — пожалуйста. Доплати — и кончай!

Сью всегда работала в ночь. Ночью, как известно, дерьма становится больше. Во всех смыслах.

— Э, мисс... — Сью с трудом ворочала языком. — Сэм велел всем убираться. Закрываемся, мисс.

Пандемия молча поднялась, натянула куртку, взяла рюкзак.

В длинном коридоре тускло горела единственная лампочка.

Пандемия пробиралась к выходу по памяти. Прошла мимо закрытой кассы, толкнула дверь.

Холодный ночной ветер ударил в лицо. Дождь затарабанил по плечам, проникая сквозь хлипкий материал капюшона. Машины у Пандемии не было. Обычно она добиралась домой пешком, держа в карманах скрещенные пальцы, — только бы добраться, только бы добраться. Ввалившись домой, облегченно выдыхала. Если это произойдет, то уже не сегодня.

Она быстро пошла по переулку, свернула на ближайшую улицу, не заметив, как следом почти бесшумно двинулась машина. «Седан».

Через двадцать минут, когда Пандемия совсем продрогла, машина затормозила около нее.

Дверца приоткрылась:

— Подвезти?

Пандемия колебалась. Водитель не внушал особого доверия. Да и машина на безлюдной улице... Но ведь не убьет же он ее в конце концов!

Так хотелось поскорее очутиться дома, забраться в постель и прижаться к Сузи. И не шевелиться до самого утра. А утром обрадовать дочку приятной новостью: несколько дней они будут вместе. Парк аттракционов, сахарная вата, поп-корн и мягкая игрушка. Все, как и раньше.

Она села, прижав к себе старый рюкзак.

«Седан» мягко тронулся. В салоне играла музыка, пахло лекарствами. Пандемия назвала адрес и блаженно откинулась на спинку кресла. Закрыла глаза. Музыка убаюкивала, и она задремала. Память услужливо преподнесла любимую картинку — день совершеннолетия. Улыбающийся отец. Жемчужное кольцо на шее — родительский подарок. И ее звенящий от радости голос: «Я выхожу замуж!»

Колье вдруг стало жечь кожу, превратившись в раскаленный прут. Воздух куда-то исчез, и она, задыхаясь, проснулась.

— Приехали.

Ее дом. Господи, вот она и дома. Если это произойдет, то уже не сегодня. Расплатившись, грациозно выскользнула из машины и быстро подошла к входной двери. Набрала код. Легкое движение, и светлые волосы исчезли в проеме. Хлопок. Тишина.

Водитель, не отрываясь, смотрел на цифровую панель. Губы беззвучно шевелились, запоминая код.

— Я знаю, что ты хочешь...

4

Г Л А В А

Если утро началось хорошо, это вовсе не означает, что день обещает быть прекрасным, не говоря уже о вечере. Любое сражение можно выиграть или проиграть за полчаса. Что уж тут говорить о сутках. С вечера лучше ничего не планировать, утро все равно внесет свои коррективы. И, как гласит закон Мэрфи, если неприятность должна случиться, то она случается, невзирая на планы.

Фрэнк Блэк усвоил данную истину еще с детства. Хорошего никогда много не бывает, плохого — напротив, хоть отбавляй. Впрочем, сегодня он надеялся на маленькое, но исключение. Может быть, на приподнятое настроение в первую очередь повлияла погода. Вместо привычного дождя и тумана над горо-

дом сияло заспанное солнце. В воздухе пахло весной.

Фрэнк вел красный «чероки» по восточному склону холма, жмурясь от солнечных зайчиков. Светлые пятна касались приборной панели, прыгали по стеклу, а затем исчезали в рыжих кудряшках его дочери, шестилетней Джордан.

— Мне кажется, что кто-то подглядывает, — Фрэнк усмехнулся, глядя на сидевшую рядом жену.

Джордан, примостившись на коленях у матери, залилась счастливым смехом. Она удерживала своими ладошками ее руки, и без того плотно прижатые к лицу:

— Мама, не подглядывай! Только не подглядывай! Так нечестно!

Кэтрин, не отнимая ладоней с лица, улыбнулась в ответ и покачала головой:

— Хорошо. Не буду. Скажешь мне, когда будет пора, Джордан.

Фрэнк едва не прозевал нужный поворот. Сбросив скорость, свернул, проехав под яблонями, которые с приходом весны должны были одеться листвой и поразить своих хозяев пышным цветом. Машина оказалась на широкой боковой улице. Один из самых лучших районов Сиэтла.

Опрятные одноэтажные домики и деревянные коттеджи в готическом стиле напоминали

детские игрушки, разбросанные чьей-то шаловливой рукой посреди ухоженных лужаек. Лужайки напоминали знаменитый английский газон. Домики окружали аккуратные живые изгороди и палисадники с засохшими прошлогодними подсолнухами. Мальчик, ехавший по обочине на велосипеде, с любопытством обернулся, чтобы поглазеть на «череки», столь редкий в этих краях. Здесь не любили машины, предпочитая тишину и чистый воздух.

Сейчас Фрэнк чувствовал себя режиссером блестящего импровизированного спектакля — спектакля, в котором с восторгом принимали участие самые близкие ему люди. Он остановил машину на краю тротуара, позади мебельного фургона. Обернулся к Джордан.

Дочь — копия матери! Рыжие кудри. Улыбка. Щербинка между зубами. Глаза... Хорошо, что дочь похожа на Кэтрин, а не на него. Но если дочери в наследство достанется его дар, Фрэнк этого точно не перенесет.

При мысли о прошлом его захлестнула очередная волна беспокойства, не отпускавшая в течение переезда через всю страну из округа Колумбия. Долгое, почти бесконечное путешествие. Липкое беспокойство переросло в новый приступ страха. Приступы возникали теперь часто. Он старался скрывать тревогу от жены, но иногда воспоминания были сильнее разума. Память магнитом притягивала к

себе кошмар, от которого Фрэнк последние годы пытался избавиться. Иногда ему казалось, что все удалось, что все было сном, который ему удалось наконец-то выжечь из сердца и души. Остался багровый рубец. Но теперь все позади. Здесь был их новый дом, новая жизнь...

— Папа? — голос Джордан вывел Блэка из состояния задумчивости.

Не в силах сдержать радостного нетерпения, дочь ерзала на коленях у Кэтрин.

— Пора? Папа, правда уже можно?

Фрэнк рассмеялся и кивнул:

— Можно.

— Пора, мама! — закричала Джордан, наклоняясь вперед и стуча ладошкой по стеклу. — Теперь можешь посмотреть!

Кэтрин неуверенно отняла руки от лица и с опаской выглянула из «чероки».

Какое-то мгновение Фрэнк смотрел на нее с тревогой. Неужели не понравится? Но Кэтрин развеяла сомнения мужа, восторженно воскликнув:

— О, Фрэнк! Ты уже покрасил его!

И когда она выбралась из машины и пошла по дорожке к дому, а следом за ней вприпрыжку помчалась Джордан, он понял, что теперь наконец-то все будет хорошо. Так должно быть.

— Это наш новый дом, папа? — восторженно вопила Джордан. — Это он?

Фрэнк захлопнул дверь «чероки» и взглянул на своих домашних. Те пребывали в эйфории.

— Да, это наш новый дом.

На изумрудной подстриженной лужайке возвышался солнечно-желтый коттедж с белоснежными наличниками. Граненые стекла окон второго этажа, точно хрустальные призм, искрились в лучах утреннего солнца. На крыльце висело несколько ярких фуксий в плетеных корзинах — подарок от риэлтера.

Кэтрин взволнованно оглядела все это великолепие, а затем медленно, как во сне, пошла к веранде. Джордан схватила отца за руку, и они последовали за ней.

Внутри дома грузчики уже расставили самую тяжелую мебель, создав некое подобие домашнего уюта: диван, мягкие кресла, кресло-качалка Джордан в гостиной, плетеный журнальный столик, торшеры, стулья. Повсюду — бесчисленные коробки, узлы, тюки, обрывки оберточной бумаги.

— Боже мой! Какой беспорядок! Нажили мы имущества...

— Какой *замечательный* беспорядок! А без имущества нам сейчас никуда, — мягко поправила Кэтрин.

Фрэнк прислонился к косяку двери, пытаясь понять, чем же таким они были набиты. Книгами? Посудой? Коллекцией конструкторов «Лего», которые так любит собирать Джор-

дан? Что ж, за эти годы, абсолютно не страдая вещизмом, они умудрились собрать большой багаж, где всего было в равных пропорциях: вещей, воспоминаний, опыта, горечи и радости. Багаж для одной дружной семьи.

В нескольких шагах от него возвышалась старинная викторианская вешалка, рядом с ней — зеркало от туалетного столика Джордан. Он увидел свое отражение, заключенное в розово-желтую рамку: высокий, худощавый мужчина, темные волосы тронуты сединой, глубоко посаженные глаза смотрят серьезно, хотя и не без иронии; глубокие борозды морщин у рта и вокруг глаз. Он редко смеялся, только в кругу родных. Однако и без приветливой располагающей улыбки его лицо внушало доверие. Правда, близкий друг Фрэнка по ФБР как-то раз язвительно заметил, что мистер Блэк мог бы выступать в качестве дублера архангела Гавриила: такая физиономия хороша только для того, чтобы приносить дурные вести из небесной канцелярии. Фрэнк не обиделся — они оба осознавали справедливость этих слов: по характеру своей работы Фрэнку и в самом деле приходилось постоянно иметь дело исключительно с плохими новостями. Хорошие в их отделе большая редкость.

— Ой, папа, вот они!

Дочь пронеслась мимо, словно юркая рыжая комета, визжа от восторга. Ей так нравился

переезд и последовавшее за ним новоселье. Все очень интересно и необычно. Кусок новой жизни, который хотелось попробовать сразу. Теперь Джордан заметила коробку, на которой было написано ее имя, и начала доставать оттуда плюшевых зверей. Кукол Джордан не любила. Только мягкие игрушки и конструктор. Современный ребенок. Правда, в последнее время девочка упорно садилась за отцовский компьютер и рисовала на экране замечательные картинки. С одной стороны, Фрэнк приветствовал инициативу дочери, но с другой... Он боялся, что Джордан случайно откроет одну из папок... А вот там уже собраны картинки не для впечатлительных детских глаз.

— Папа! Смотри! Кошка! — Джордан достала из коробки серого плюшевого кота и помахала игрушкой. — Разве не знаешь, на новоселье принято пускать в новый дом кошку! Для счастья!

— Джордан, ты же не любишь кошек.

— Папа, но так положено.

— Знаешь, малышка, давай немного изменим эту традицию... — и вкрадчиво нейтрализовал огорчение дочери, — пустим не кошку, а щенка!

Девчушка вновь завизжала от радости, бросившись на шею отца. Джордан давно мечтала о собаке, но в прежней квартире — тесной и неудобной — они не могли себе этого позво-

лить. Теперь же, после того как у семьи Блэк появился новый дом, мечта, похоже, начала воплощаться в жизнь.

— Только у меня к тебе, дочка, предложение. Давай пока не будем говорить маме о собаке. Пусть будет сюрприз. Подумай, какую породу ты бы хотела.

С видом заговорщика Джордан подмигнула отцу и направилась к коробке с ее книгами. Где-то на дне должен был находиться собачий атлас. Фрэнк деликатно отошел в сторону — в такие минуты Джордан лучше не мешать.

Грузчики снова прошли через комнату, на сей раз они тащили обеденный стол. Их колоритный вид, запах пива и жвачки неожиданно вдохновили и его на работу. Фрэнк поднял одну из коробок и уже был готов последовать за ними на кухню, но тут прозвучал напряженный голос Кэтрин:

— Фрэнк! Не мог бы ты подойти сюда?

Интонация жены заставила сердце Фрэнка тревожно забиться. Он поднял голову и увидел Кэтрин на лестничной площадке второго этажа. Выражение лица у нее очень странное — испуганное, довольное и одновременно сердитое.

— Здесь кое-что есть.

Он буквально отшвырнул коробку. Ступеньки гулко отозвались, прогибаясь под тяжестью шагов.

— Кэтрин? — постарался, чтобы голос оставался спокойным.

Что там могло такого быть, чтобы Кэтрин испугалась?

Нет ответа.

— Кэтрин?!

Блэк нахмурился и быстро зашагал по коридору. Только увидев Кэтрин в дверях спальни, он успокоился. Страх на время исчез, затаившись где-то на дне души.

— Что случилось? — мягко спросил он.

Кэтрин ничего не ответила, обвила шею мужа смуглыми руками, притянула к себе и страстно поцеловала. Тепло родного женского тела, любимый запах духов, ее руки у него на плечах — близость, как биение собственного сердца. Они постояли так, обнявшись. Затем Фрэнк чуть отклонился назад — ровно настолько, чтобы взглянуть в ее зеленые кошачьи глаза и увидеть в них то, что хотел увидеть.

— Я так счастлива сейчас, — прошептала она. В глазах блеснули слезы. — Думаю, мы поступили правильно, переехав сюда. Я действительно так думаю, Фрэнк. Мы начнем все сначала.

Он кивнул, физически ощущая, как утихает тревога и пульс выравнивается:

— Я тоже так думаю. Здесь я чувствую себя дома.

Снаружи раздался слабый глухой удар и знакомый стрекочущий звук. Они синхронно обернулись к окну.

Тот же самый парень, которого Фрэнк видел раньше, со свистом промчался мимо на велосипеде. В руке он сжимал свернутую газету, которая предназначалась уже следующему крыльцу. Они следили за велосипедистом, пока тот не скрылся из виду, а затем рассмеялись: настолько эта картина была обыденной и знакомой. Маленькие кусочки мозаики, составляющей личное счастье.

Иногда хочется, чтобы мгновение действительно остановилось. Хочется нажать на кнопку «Пауза» и в полной мере насладиться радостью и покоем. Увы, ученые пока не придумали, как хранить наши лучшие воспоминания — в засушенном, виртуальном или каком-нибудь ином виде.

Фрэнк усмехнулся:

— Ущипни меня.

Что она и сделала — чуть пониже спины, а потом резко притянула к себе. Они снова поцеловались. Солнце слепило глаза, внизу беззаботно смеялась Джордан. И Фрэнк, будто заклинание, прошептал:

— Дома. Я чувствую себя здесь дома.

...Было далеко за полдень, когда он наконец-то спустился за утренней газетой.

Счастливые часов не наблюдают, тем более в момент новоселья. К середине дня погода испортилась. Солнце скрылось за холмом, длинные тени поползли по насупившимся деревьям, в воздухе снова повеяло ледяной зимой. Фрэнк подобрал газету и собирался уже было вернуться в дом, когда с соседней лужайки его кто-то окликнул:

— Эй, привет!

Он увидел лысоватого мужчину лет шестидесяти, машущего ему точно такой же газетой. Приятное лицо, мягкие, дружелюбные черты лица, брюшко, обтянутое ярко-красным кардиганом. Типичный американец среднего достатка.

— Привет, я — Джек Мередит! — представился типичный американец среднего достатка, пересекая лужайку и лучезарно демонстрируя Фрэнку последние достижения национальной стоматологии. — Полагаю, мы теперь соседи?

— Добрый день. Я — Фрэнк Блэк.

Мужчина цепко ухватил его руку и затряс в продолжительном приветствии. Ладонь была теплой и влажной, и Фрэнк с трудом сдержался, чтобы не отпрянуть. Он вообще не любил незнакомых людей. Не доверял и всегда проверял. Один из принципов собственной безопасности и безопасности своих близких. Слишком дорогим впоследствии могло оказаться любое случайное знакомство. Случаи бывали. У других. Но в отличие от других Фрэнк предпочитал учиться на чужих ошибках.

Наконец Джек Мередит счел церемонию знакомства исчерпанной. Он небрежно сунул газету под мышку и качнулся на стоптанных каблуках.

— Так. Фрэнк. Откуда вы?

На мгновение Фрэнком опять овладело дурное предчувствие, почти легкая тошнота. Усилием воли он подавил его. Вполне понятное любопытство, не так ли? С соседями полагается если не дружить, то, по крайней мере, находиться в приятельских отношениях.

— Последние десять лет мы жили в Вашингтоне, округ Колумбия, — сухо ответил

он. — Но родом мы отсюда, из Сиэтла. И я и моя жена.

Джек Мередит, как бы понимая, кивнул:

— Неужели?! Вот ведь! И что заставило вас вернуться?

— Просто захотелось домой. Пустить здесь глубокие корни, так сказать.

— Конечно же. И это правильно. Корни нужно пускать только на родине, тогда и урожай окажется немалым...

Мередит выдержал паузу, пробуя на вкус собственную сентенцию. Вкус, похоже, оказался неплохим. Но Мередита все же интересовало явно что-то иное. Он задержал оценивающий взгляд на Фрэнке несколько дольше, чем нужно.

— А чем вы занимаетесь, Фрэнк?

— Занимался. Неважно. Я собираюсь менять профессию.

Брови жизнерадостного соседа вспорхнули вверх, словно две ошипанные галки:

— Неужели?! Пристроиться по уму сегодня нелегко, особенно в Сиэтле. Жизнь дорожает, безработица растет. Беда! А вы уже что-нибудь подыскали?

Фрэнк пристально посмотрел на нового знакомого и вдруг улыбнулся.

— Я работаю консультантом.

— Неужели?! — очередное «неужели» у Мередита получилось благосклонно. Похоже, отвлеченный «консультант» соответствовал

представлениям типичного американца среднего достатка о благонадежности и состоятельности. — Что ж, можем ли мы пригласить вас с семьей на обед на этой неделе? Я вижу, у вас маленькая дочь...

Чудеса проникательности! На ярко-желтом крыльце успели расположиться велосипед Джордан по имени «Большие Колеса», огромный игрушечный грузовик и разноцветный мяч.

— Спасибо. Я передам приглашение моей жене.

— Обязательно передайте. Мы будем ждать! — торжественно произнес Мередит, ему не терпелось поделиться полученной информацией с женой.

Миссис Мередит маячила в окне, сгорая от любопытства. Еще бы, такое событие в узком мире!

Фрэнк направился к дому, а голос новоявленного соседа продолжал назойливым шмелем гудеть вослед:

— Эй, Фрэнк! Вы не могли выбрать более красивого места, чтобы вернуться.

Фрэнк небрежно кивнул, не оборачиваясь, и на ходу развернул газету, которую до того бессмысленно теребил в руках. Пришла пора осмысленности, мистер типичный американец среднего достатка, — ваш новый сосед очарован знакомством с вами, но вашему новому соседу хотелось бы ознакомиться с новостями,

а не только служить вам в качестве оной. В смысле новости.

Итак, полистаем. Политика, экономика, новости светской жизни, криминал.

И тут он остановился, как споткнулся.

Аршинными буквами на полосе:

МАТЬ НАЙДЕНА МЕРТВОЙ В ДОМЕ.

**ПЯТИЛЕТНЕЙ ДОЧЕРИ УДАЛОСЬ
СПРЯТАТЬСЯ ОТ УБИЙЦЫ.**

Ниже — фотография безмятежной молодой красивой длинноволосой блондинки. Жертва...

— Фрэнк? — входная дверь слегка скрипнула. — Фрэнк, с кем ты там сейчас разговаривал? — любопытствовала Кэтрин, но... осеклась.

Лицо Фрэнка, ее мужа, четверть часа назад столь умиротворенное... оно напряглось, глаза бездонные, обращенные внутрь. Он смотрел на нее, но мимо нее. Не видя.

— О чем ты думаешь, Фрэнк?!

Он не думает. Он пытается избавиться от навязчивой мысли, оккупировавшей мозг и мешающей трезво думать — с чувством, с толком, с расстановкой. Мысль: «Это никогда не кончится! Это никогда не кончится! Это никогда, никогда не кончится!» Он тщетно пытается избавиться...

Ранним утром следующего дня Фрэнк стоял у здания социальных служб Сиэтла.

Дождь клубился вокруг, точно дым. В тяжелом, серо-стальном воздухе мельтешили зонты и плащи.

Блэк напоминал старого вояку, вернувшегося домой, туда, где его уже никто не ждал. При виде знакомого бетонного сооружения нахлынули странные чувства: тревога, неприязнь, воспоминание о бесчисленных бессонных ночах с привкусом плохого кофе и еще более отвратительных снах. Странный коктейль, от которого мгновенно пьянеешь, но не получаешь никакого удовольствия.

Ладно, довольно воспоминаний. Или, по крайней мере, пора их обновить. Сложил зонт, вошел.

Он пробирался сквозь толпы спешащих на работу людей — социальных работников, офицеров в форме, нетерпеливых адвокатов в мантиях, зевающих административных служащих. Ничего не изменилось. Все тот же неистребимый общий затхлый душок, но и запах озона от работающих лазерных принтеров, но и ароматы из кафе для служащих на первом этаже. Все тот же будничный вид людей, идущих на работу, и горький повседневный феномен — мужчины и женщины с профессиональным спокойствием спешат навстречу кризисам, ужасам и горю.

На третьем этаже также все осталось неизменным. Бесконечные ряды маленьких отсеков, кабинок, в каждой из которых мерцал монитор. Служащие, стар и млад, чье нервное напряжение неожиданно сменяется циничным смехом. Потрескивание портативных офицерских раций.

Фрэнк шагал мимо, не обращая внимания на откровенные любопытные взгляды. Он слишком выделялся из серой толпы. Изредка он останавливался, хмуря брови и разглядывая таблички на дверях, пока не нашел то, что искал.

Табличка: «Лейтенант Роберт Блетчер. Отдел убийств».

Фрэнк помедлил, словно еще оставалась возможность поскорее убраться отсюда. Навсегда. Но секундная пауза не значила ровным счетом ничего. Решение он принял еще

вчера, а свои решения Фрэнк Блэк не менял. Вперед и только вперед!

Высокий и весомый человек в пристойном сером костюме и ядовито-желтом галстуке сидел за письменным столом. (Ну, привет, Боб!) В кабинете — еще трое. Детективы. Молодые, да ранние. Таланты, одним словом. Один из них с выражением зачитывал компьютерную распечатку. Остальные слушали, изредка позевывая. Рутин.

— По делу один-шесть пока ничего. Возможно, понадобится минимум еще несколько часов, чтобы...

— Передай, что у них есть максимум час. Ну два... — проручивал по касательной лейтенант Блетчер. Впрочем, без особого энтузиазма. Рутин... — И вызови этого парня...

Он, лейтенант Блэтчер, чуть не икнул, прервав фразу. «Вызови этого парня...» — отнюдь не относилось к парню, который неожиданно-негаданно предстал перед ним. И то не парень, то призрак — в дверном проеме стоял призрак. И призрак, как две капли воды, — старина Фрэнк! Дружище Фрэнк! Срань господня, Фрэнк!

— Не верю! — жалобно и по-детски воскликнул старший лейтенант из отдела убийств.

Слабая улыбка тронула губы Фрэнка.

— Ну, привет, Боб! Правильно делаешь, что не веришь. Как был сугубым материалистом, так им и остался. Но тем не менее это я.

Троица молодых, да ранних детективов синхронно повернулась к Блэку.

М-да, тут действительно было на что посмотреть. Вечно невозмутимый суровый начальник в стремительном па пересек комнату, схватив Фрэнка за полу пиджака. Удивленно-радостная гримаса вечно (а точнее — ранее) невозмутимого сурового начальника — лицо восторженного идиота. Не в силах сдержать бурю эмоций, Блетчер полез обниматься, смахнув со стола стеклянную пепельницу. Грохот и звон разбитого стекла. Какие, право, пустяки! Старший лейтенант занят гораздо более важным — он убеждается, что перед ним не фантом, а живой человек. И не просто человек, но друг, который исчез из его жизни вот уже сколько лет тому назад и при весьма неоднозначных обстоятельствах. А вы ему, старшему лейтенанту, про какую-то пепельницу, прах и пепел ее побери! Отстаньте! Он... э-э... производит идентификацию личности, личности Фрэнка Блэка. Органолептически. Сия метода в корне разнится с классической методой идентификации личности, но... у каждого своя метода. У старшего лейтенанта — своя. По отношению к старине Фрэнку — именно такая...

— Бог мой! Что ты здесь делаешь, Фрэнк?

— Ну, я не бог все-таки, не твой бог. А в данный момент я разговариваю с тобой.

Фрэнк позволил Блетчеру увлечь себя на середину комнаты, где не было хрупких предметов. Боб всегда славился неуклюжестью, в минуты волнения резко возрастающей. В управлении об этом знали: каждый начальник перед тем, как вызвать Блетчера к себе в кабинет, предусмотрительно убирал со столов и подоконников все ценное и бьющееся.

— Мы вернулись в Сиэтл, Боб.

— Ты и Кэтрин?

— Ага. И дочь. Джордан... Соскучились по здешней погоде. Чем славен Сиэтл? Полгода — плохая погода, полгода — совсем никуда. Это нам сейчас необходимо. Врачи рекомендуют.

Торжественно водрузив мощную ручищу на плечо Фрэнка, Блетчер обратился к присутствующим. Ни дать ни взять — представитель крупной корпорации на презентации нового проекта!

— Парни, это Фрэнк Блэк. Он работал здесь, в отделе убийств, до того, как стал легендой ФБР. Фрэнк, это Боб Гибелхауз, Пит Нортон, Роджер Камм.

Гип-гип! Ура!.. Приглушенный хор приветствий.

Один из детективов (Гибелхауз? так, кажется?) перегнулся через стол, шурясь и пристально разглядывая Фрэнка. Не каждый день увидишь ходячую легенду ФБР!

— Послушайте, вы и есть тот парень, поймавший того парня?! Ну, маньяка! Который жрал своих жертв. Как там его звали?

Лицо Фрэнка превратилось в белую маску.

— Леон Коул Пиггетт.

— Точно! — Гибелхауз прищелкнул пальцами. — Слушайте, мне всегда было любопытно: а как он их ел?

Борозды морщин у рта Фрэнка стали еще резче.

— Жарил на сковороде, — ответил он непроницаемо, — с картошкой и луком.

Гибелхаус фыркнул от неподдельного отвращения.

— Черт побери! — воскликнул он, приглашая коллег-детективов разделить с ним неподдельное отвращение. — Вы можете в это поверить?!

Коллеги-детективы готовы были поверить. Мальчишки... Ранние, да. Но все-таки пока молодые.

— У тебя найдется минутка? Для меня? — přátельски, но и субординационно осведомился Фрэнк у Блетчера.

— О чем речь, дружище?! Само собой!

Они вышли из кабинета, оставив молодняк делиться мнениями относительно нового рецепта «картошка по-каннибальски».

— Как работа? — приятельски, но и субординационно осведомился Фрэнк у Блетчера. Тон — по инерции.

— Нормально. Количество убийств рекордно низкое, — изрек Блетчер не без самодовольства. — Всего тридцать четыре за год. Оно, конечно, само по себе каждое убийство — это кошмар. Но всего тридцать четыре за год — это нормальный кошмар, хороший кошмар.

— Поздравляю, хотя и кощунственно звучит.

— Спасибо, хотя и звучит не менее кощунственно.

Поравнявшись с группой других сотрудников, Блетчер замысловато махнул рукой в приветствии.

— Я бы поставил это в заслугу исключительно себе, но справедливость превыше всего. Суть в том, что у нас в спасательной группе работают чертовски хорошие врачи.

Фрэнк позволил себе иронически усмехнуться. Прекрасный способ борьбы с убийствами, ничего не скажешь! Ну да не суди — и не судим будешь. Медикам Сиэтла подчас действительно удавалось невозможное. Фрэнк сам не единожды наблюдал, как они вытаскивали людей с того света. Так что, возможно, Блетчер и прав, в других управлениях и того нет. Кадровая текучка, господа!

Они прошли до конца коридора и свернули в другое крыло, безлюдное. Кабинеты и люди здесь встречались в значительно меньшем количестве.

Постоим у окна? Покурим? Постоим, поОКаем? Хотя насчет ОК, то бишь пресловутого «о'кэй!», — как ни верти в этих стенах, сомнительно. По определению.

— Что насчет женщины, убитой два дня назад? Той, с маленькой девочкой? — как бы для завязки разговора спросил Блэк. О чем же беседовать двум старинным не просто друзьям, но и коллегам по работе? О работе, разумеется!

— А, в прессе прочел?

— В прессе.

— Стриптизерша, — как бы о неважном бросил Блетчер. — Трудилась в пип-шоу... если это можно назвать трудом. Хотя... Как там в Библии? В поте лица своего будешь есть хлеб свой. Тогда — да. Тяжелый и вредный труд. Что-что, а семь потов при деятельности подобного рода сойдет, пока не... Хоть отжимай! И с нее, и с этих... подсматривающих. И не только пот. Гм! Вероятно, кому-то из этих... подсматривающих в окошко захотелось кое-чего большего, чем просто подсмотреть. Все-то им дай потрогать, пощупать, поковырять! Онанисты ублюдочные!

Фрэнк подчеркнуто скучающе разглядывал скучный пейзажик за окном.

— Вы кое-что скрыли от прессы, не так ли? — сказал он наконец.

Блетчер вздохнул, бросив исподлобья мрачный взгляд.

— И сознательно скрыли, между прочим. Это было прмерзко. И жестоко. В городе могла бы начаться паника. Сам знаешь, как обычно бывает. Шумиха на телевидении, в газетах, обвинение полиции и прочее. Мы не хотим огласки. Она помешает поиску убийцы. Все осложняется тем, что на первый взгляд убийство абсолютно безмотивное.

— А что с девочкой?

— Находится под опекой социальных служб. Тут свои проблемы. Девочка больна.

— Она видела, как все произошло?

— Нет, не видела. Но слышала. Такое из памяти не вычеркнуть. Ее нашли рядом с телом матери. Сейчас с ребенком работают лучшие психологи, но, похоже, все безнадежно. Она в шоке... Фрэнк?

— Да, Боб?

— Фрэнк?

— Слушаю тебя, слушаю.

— Да нет, это теперь я тебя слушаю. Давай начистоту. Ты же явился сюда к нам не затем, чтобы вымолить сигаретку со стариной Бобом и потрепаться о том о сем? Фрэнк?

— Вы дьявольски проницательны, лейтенант Блетчер! От вас ничего не скроешь!

— Перестань, Фрэнк. Твоя ирония неуместна.

— Уж какая тут ирония!

— Короче! Ты что, ищешь работу, Фрэнк?

Фрэнк Блэк отсутствующе глядел мимо старины Боба, за его спину. Там, напротив окна, аккуратно над последней по коридору дверью светилось в красном плафончике: «ВЫХОД». Запасной, надо понимать, аварийный. Или — единственно верный выход: влезть в это во все, как встарь, и...

Понимай в меру благоприобретенной испорченности. Или в меру все-таки сохранившейся неиспорченности. Всего один шаг, и ты уже вне игры. Впрочем, пока тебя, мистер Блэк, в эту игру еще не приняли. За то время, пока ты, мистер Блэк, обитал в Вашингтоне, правила изменились. И не в лучшую сторону изменились.

— Преступления на сексуальной почве. То, чем я занимался десять лет, Боб.

— И то, что стало причиной твоей преждевременной отставки. Не так ли, Фрэнк? Отставки... — угрюмо уточнил Блетчер.

— Добровольной отставки! — угрюмо уточнил Блэк. — Не так ли, Боб? Добровольной...

— А теперь, значит, заскучал и созрел для...

— Я не скучал. Но созрел, да. Считаю, созрел. Впрочем, считай как угодно.

— Гм-гм... И вот ты здесь.

— И вот я здесь.

— И... чего же ты от меня ждешь?

— Уж не жду от Боба ничего я...

— Фрэнк!

— Ну ладно. Но я действительно ничего сверхъестественного не жду от тебя. И не требую.

— Договорились! Насчет сверхъестественного договорились. Уже проще. Так, и что насчет *естественного*?

— По-моему, нет ничего естественнее, чем твое согласие на то, чтобы я для начала осмотрел тело жертвы. А по-твоему? Иначе?

— Гм-гм... Да как тебе сказать...

— Так и скажи. Однозначно. Да? Нет?

Легко сказать: скажи! Нелегко сказать, — что «да», что «нет»! Однозначно — это вечное состояние души зашоренных придурков, мнящих себя вождями. Жизнь богаче наших представлений о ней. Все неоднозначно в этом лучшем из миров.

— Боб? Ну и? Да? Нет?

— А! Пошли!

За годы службы в ФБР Фрэнк Блэк не раз слышал, как морги называли то склепами, то скотобойнями, то лабораториями или даже храмами, оскверненными или, наоборот, освященными смертью. Рядовой обыватель неизменно говорит о покойницких с суеверным страхом. Вполне понятно, что рано или поздно туда попадает каждый, но... Но хотелось бы попозже. Когда-нибудь потом. Отдельный ужас тому же обывателю внушают и, так сказать, *приходящие* морга — врачи, следователи,

патологоанатомы и, увы, трупы. Впрочем, если бы не трупы, морги давно бы закрылись за ненадобностью.

Фрэнк никогда не разделял подобные эмоции. Для него морг — всего лишь налаженное бесперебойное производство, обычная фабрика, если угодно. Конвейер. Когда трупы доставляли сюда, зачастую еще теплыми, на лицах покойников без труда читалась история их смерти. У каждого — своя. Человеческую плоть скрывала изорванная и окровавленная одежда, дорогая или поношенная; на некоторых мертвецах поблескивали золотые украшения, у других, напротив, не оказывалось ничего, кроме россыпи рубиновых вшей. Жизнь относилась к ним по-разному. Смерть мгновенно уравнивала в правах и возможностях. Право одно — быть в конечном итоге погребенным. Возможность — сделать это как можно быстрее.

Каждый труп до поры до времени — непрочитанная книга, нерешенная задача, ответ на которую таится внутри спиралей ДНК, переплетений вен и артерий, внутренних органов, зубов и ногтей. Мертвецы прибывали в морг таинственными незнакомцами, защищенные загадкой смерти. Покидая его, все они выглядели одинаково — снабженные ярлычком обмытые тела, упакованные в специальные мешки. Переработанная плоть, хрящи и кости — оболочка бессмертной души.

«Просто бесперебойное производство, обычная фабрика», — привычно подумал Фрэнк, спускаясь по лестнице вслед за Блетчером.

Этот морг ничем не отличался от всех остальных. Просторная комната размером со склад, залитая бледным холодным светом флюоресцентных ламп, висевших рядами высоко над головой. Так высоко, что, когда свет достигал пола, он становился совсем слабым и слегка зеленоватым, отражаясь в мерцавших, точно искусственный лед, кафельных плитах.

Металлические столы возвышались, словно острова в арктическом море, а разбросанные между ними каталки — вроде стоящих на рейде кораблей. Экипажи тех кораблей, правда, несколько специфические... То здесь то там можно было заметить лаборанта или санитаря, бесстрастно склоненного над бледным телом. В воздухе целый... м-м... букет: тухлое зловоние, запах хладагента, но более всего — сладковатое амбре бальзамирующих составов, спирта и дезинфицирующих веществ. В морге было настолько прохладно, что пар валил изо рта. Зябко содрогнувшись, Фрэнк застегнул замшевую куртку.

— Сюда! — Блетчер указал на сидящего неподалеку патологоанатома.

На том был несвежий халат в подозрительных пятнах. Очки в стальной оправе. Взъерошенные волосы. Серое от усталости

и мертвого света лицо. Очкарик внимательно изучал папку с протоколами вскрытия, не обращая внимания на вновь прибывших. Вы, вновь прибывшие, пока живы? Ну и с какой стати ему обращать на вас внимание?! Он патологоанатом, знаете ли.

— Эй, Мэсси! — окликнул Блетчер. — Я Блетчер. Я звонил вам.

Патологоанатом поднял голову и приподнялся. Руки в таком месте лучше не подавать. Ограничились устным приветствием.

— Курт Мэсси, — представился он.

— Фрэнк Блэк. Мы по поводу той стриптизерши.

— Ах да. Ну да. Сейчас ее вывезут. Ну, что я могу сказать... Она так просто убийце не далась. Могу вас уверить. Сопротивлялась до конца. Несовместимая с жизнью рана нанесена тупым предметом. Но в области грудины и брюшной полости — следы от ударов, нанесенных еще до наступления смерти... Она была сильной женщиной. Кому-то пришлось сильно повозиться, чтобы сломить ее сопротивление. Причем сломить в буквальном смысле.

Раздался писк резиновых колес и скрежет металла.

Фрэнк и Блетчер одновременно обернулись — ассистент толкал стальную каталку через двойную дверь в дальнем конце комнаты.

На каталке — черный мешок.

— Убийца тоже не из слабаков. То, что он с ней сотворил... — Мэсси запнулся. Кивком подозвал помощника, и они стали разворачивать каталку вдоль стола.

Фрэнк ощутил слабый толчок в основании черепа. Сигнальчик! Сигнальчик, предшествовавший знакомой волне жара.

Волна сползла к вискам — острая, пульсирующая боль.

Затем волна запорошила глаза нагонным песком.

На мгновение он ослеп. Проморгался, сглотнул горькую слюну и замотал головой, стараясь сфокусироваться до того, как видение исчезнет.

Но не успел. Мешал чужой взгляд. Тяжелый. Немигающий.

Все же, преодолев боль, Фрэнк обнаружил, что на него уставился ассистент патологоанатома. Круглолицый человек лет тридцати, с рябой и рыхлой кожей лица, которая, казалось, вонется внутрь, стоит только надавить пальцем. Но вот пальцем как раз надавливать и не хотелось. Из гигиенических соображений. Ассистент вызывал смешанные ощущения: брезгливость и смутное беспокойство. Фрэнк не мог понять, чего было больше. На мгновение их глаза встретились. Затем ассистент резко отвернулся, протянул Мэсси папку с подколотыми бланками и стал ждать,

пока тот проставит свою подпись. Наконец Мэсси вернул ему папку, и рябой ушел.

Мэсси собрался расстегнуть молнию на мешке с телом, но Фрэнк остановил его легким, однако властным касанием запястья.

И снова толчок, резкий и болезненный. Снова жар, сквозь который он слышал...

...Пронзительные крики...

— В чем дело, Фрэнк? — нахмурился Блетчер.

...Вопли...

...Прерывающийся от страха плач ребенка...

...И другой голос, женский, переходящий от душераздирающих стонов в предсмертные хрипы. Агония...

...Треск разрезаемой ножом ткани...

...Монотонное, бессмысленное завывание, более низкое, хриплое... Мужское?..

Горячая волна расплзлась по телу Фрэнка от основания черепа, паутиной огня разрослась под кожей и вспыхивает в глазах. В немигающих глазах, которые уставились на лампу, упавшую на пол, на беспорядочно разлетевшиеся журналы. Из-под тахты торчит лапа плюшевого медвежонка... Неестественно вывернутая вялая рука на ковре. Теплые, кровавые брызги на щеках, в угол-

ках глаз, приторная алая паутина, затягивающая лицо.

— Он отрубил ей голову!

Слова рухнули, словно холодные камни.

Блетчер недоверчиво уставился на Фрэнка. Что ты несешь, дружище?!

Патологоанатом слегка замялся, но подтвердил:

— И голову так и не нашли.

Фрэнк облизал губы — полузабытый привкус соли и меди. На смену мощному приступу тошноты пришло ощущение... такое ощущение... Как бы объяснить? Хотя бы самому себе! Будто его вытолкнули в безвоздушное пространство. В небытие. Только отдаленный гул в ушах... Скорость, с которой душа покидает землю.

— Расположение тела, когда его обнаружили?

Мэсси отвечал невозможно и четко. Почти бесстрастно. Работа такая, сэр!

— Тело — на спине. Руки скрещены на груди.

Фрэнк прищурился. Если б охотничьи собаки могли щуриться, то сказать бы: он стал похож на охотничью собаку. Но охотничьи собаки не щурятся, они застывают в стойке. Тогда — он прищурился, застыв в стойке. Не отрываясь смотрел на мешок с искалеченным, то есть обезглавленным трупом.

...Помещение потеряло свои очертания, превратившись в другую комнату. Комнату, где на белоснежном фоне стен пляшут багровые тени.

На мгновение воцаряется абсолютная тишина, от которой, словно струны, лопаются натянутые нервы.

Крики смолкают, как смолкает дождь в июле. Неожиданно и необратимо. Только вместо ветра и солнечного света на смену приходит звук учащенного дыхания. Откуда-то издали слышится поспешное шарканье ног, точно убегает маленькая зверушка. Скунс? Еж? Топ-топ.

В ноздри ударяет запах металла, гари и жженой резины — опрокинутая лампа подпалила дешевый ковер.

Острая боль между пальцами, причиненная чем-то холодным, липким от соленой влаги.

У его ног — спящая женщина. Навзничь...

Фрэнк снова проморгался: нет, не спящая. Гулко произнес:

— Вы не нашли орудие убийства. Он унес его с места преступления.

Блетчер окинул Блэка заинтересованным, но слегка неприязненным взглядом.

— Она была одета, — продолжал Фрэнк, точно во сне, — никаких следов изнасилования.

— Еще? — потребовал Блетчер.

...Она лежит на ковре. Руки сложены, словно в молитве. Светлые волосы разметались вокруг лица. Кажется, что на руках у женщины — тонкие алые перчатки, а щеки и лоб усыпаны лепестками роз. Розы, которые темнеют на глазах, превращаясь в черные застывшие капли. Запах горелого полистирола смешивается с вонью экскрементов.

Кровь. Нож.

Скрежет металла по коже и позвонкам...

Голос Фрэнка ломается:

— Он отрезал ей пальцы.

Мэсси шумно втянул воздух и — Блетчеру:

— Человек-рентген, а?

Фрэнк не слышит. Он сосредоточен. Он смотрит на черный мешок с телом. Уголки рта судорожно подергиваются.

— Что дал анализ волос и тканей?

У Блетчера то ли ухмылка, то ли оскал. Дружба дружбой, но ревность ревностью. Белая зависть, черная зависть — несущественный нюанс. Без разницы. Зависть и есть зависть. Ревность и есть ревность.

— Может быть, ты сам мне расскажешь? Кажется, ты все знаешь и без нас. Фрэнк?

Дай ответ! Не дает ответа.

— Ну хорошо. Если ты настаиваешь...

Фрэнк не настаивает. Фрэнк безмолвствует. Правда, выжидающе безмолвствует.

— Если ты настаиваешь... Мы обнаружили два волоса. Определенно чернокожего мужчины. М-м... С головы чернокожего мужчины.

Фрэнк на мгновение прикрыл глаза, ожидая новых картинок.

Пусто.

Ну?! Ну?! Казалось, сейчас, вот сейчас!

Сейчас Фрэнк скажет еще что-то. Что-то очень важное!

Блетчер выжидал.

Но Фрэнк развернулся на каблуках и пошел прочь. Шаги гулко разносились по залу, напоминавшему оледенелую пещеру Иблиса. Стальная дверь запасного выхода захлопнулась. Блэк вышел на лестницу и стал подниматься наверх.

Патологоанатом проводил его долгим ошарашенным взглядом.

— Как он это делает?

— Не знаю... Чертов фокусник! Дэвид Копперфилд доморощенный!.. Не знаю... Простите, я за ним!

Блетчер побежал наверх, перескакивая через две ступеньки и задыхаясь от напряжения. Все-таки, при его комплекции...

— Фрэнк, Фрэнк! Да погоди ты!

Фрэнк ждал на верхней площадке. Лицо неестественно спокойно, точно маска, надетая в мертвецкой, намертво прилипла, став второй кожей. Защитным слоем.

— Будем... уф-ф!.. играть... уф-ф!.. в молчанку, Фрэнк? Уф-ф-ф!

— Не будем. Но ты сначала отдышись.

— Отдышался. Уф-ф...

— Еще нет. Дыши глубже, ты взволнован.

— Уф-ф!.. Вот сейчас отдышался... Ну и?

— А мои умозаключения и впрямь тебя занимают?

— Разумные — да.

— Что мы знаем о разуме, Боб!

— Пресли — велик. Доллар — лучшая валюта. Кетчуп — красный. Убийца должен сидеть за решеткой. Вот разум. Разумные умозаключения.

— Красный не только кетчуп, Боб. Кровь — тоже... А убийца должен сидеть, но пока гуляет, потому что не установлен. Разумно?

— Не бреди душу, Фрэнк! К делу, а?

— Изволь. Я в своей практике сталкивался с чем-то подобным. И знаю, по какой схеме будет действовать убийца. Это — серийный убийца.

— Знаешь наверняка или предполагаешь?

— Предполагаю, что знаю.

Лейтенант переступил с ноги на ногу, с трудом сдерживая нетерпение.

— И каковы же его дальнейшие действия?

— Снова будет убивать. Снова и снова.

— Послушай, а ты не можешь ошибиться?

Ты же знаешь, в качестве кого она подвизалась... Легкая мишень. Подобные ей всегда оказываются случайными жертвами.

— Случайными, так... Боб, давай начистоту. Я сейчас разговариваю со старинным другом-приятелем, которому всецело доверяю и не без оснований рассчитываю на взаимность, в этом смысле? Или я сейчас разговариваю со старшим лейтенантом, начальником отдела, у которого просто удивительные показатели — всего тридцать четыре убийства за год, и очень не хочется портить статистику?

— Ты разговариваешь... с Робертом Блетчером.

— Хороший ответ! Исчерпывающий.

— Уж какой есть... Довольствуйся малым.

— Придется. Так вот, он, этот *серийный* убийца, выбрал жертву не из-за ее виктимности. Доподлинно.

— Тогда почему?

— Еще не знаю.

Блетчер поджал губы, но, прежде чем успел ответить Фрэнку, тот примирительно коснулся его руки:

— Послушай, старина. Я ведь как-никак состою в специальной консультационной группе. У наших парней огромный опыт в подобного рода делах. Они могли бы помочь. За этой жертвой будут другие.

Блетчер неожиданно вспылил:

— У меня у самого отличные ребята! Я им доверяю. Я сам подбирал команду — под себя... Это профессионалы. Знатоки своего дела.

Фрэнк промолчал. Что называется, без комментариев. Его всегда коробили речи о профессионализме и служебном долге. Как ни маскируй, а дешевый пафос все равно так и прет. Если ты натуральный профи, зачем об этом лишний раз напоминать всем окружающим. Знающий оценит, дурак не поймет. Но Блетчер, сколько они знакомы, неизменно злоупотреблял красивыми фразами, пустоватыми велеречивостями. У каждого свои недостатки. Горбатого могила исправит. Поэтому Фрэнк снова занял примирительную позицию:

— Послушай, старина. Я прекрасно знаю, что ты ас в расследовании убийств. И еще какой ас! Мы же с тобой вместе начинали, вместе работали. Помнишь? Но пойми, времена изменились. И психология преступника изменилась. Есть люди, которые специально занимаются подобными делами. Особая группа. У них свои эффективные, *очень эффективные* методы расследования. Если мы объединим усилия, то сможем предотвратить череду новых убийств. Если же нет — вам не справиться. И тогда появятся новые жертвы. Блетч, тут не просто убийца, который забрался в дом в поисках наживы. У него совсем иные цели, точно предсказать дальнейшие действия маньяка ты не сможешь. Не потому, что Роберт Блетчер сдал, а потому, что ты с таким еще не сталкивался.

Но Блетчер проигнорировал попытку примирения:

— У меня три детектива занимаются этим делом! Целых три! — продолжал он уже на крике. — И что я им скажу?! Извините, парни, работенка не для вас, вы только для грязной работы, а парни из особого отдела — для чистенькой! Они будут разрабатывать дурацкие теории, чертить графики и диаграммы в теплых кабинетах, а вы — соскребать мозги с асфальта и разыскивать отрезанную голову! Так, что ли?!

— Ты не прав. Мне жаль, что после долгих лет дружбы у нас — такой разговор. Очень жаль. Не бывает, Боб, грязной и чистой работы. Убийство — всегда грязь. И то, что за ним тянется, — тоже грязь. Мерзость человеческих отношений, похоть, корысть, жадность и прочее. Мы не санитары, мы не подчищаем, а зачищаем. Почувствуй разницу... Этого маньяка будет очень сложно поймать. Твоим парням придется надеяться на его ошибку или просто счастливый случай. Что ж, такие примеры бывали. Но пока случай подвернется, появится новая кровь. И она, Боб, отчасти будет на твоей совести. Никогда не отвергай помощь, даже если сейчас в ней не нуждаешься, потому что второй раз тебе ее могут не предложить.

Фрэнк толкнул дверь, ведущую наружу. И, не оглядываясь, вышел.

Блетчер вослед недовольно рыкнул. Он осознал, что вспылil не по делу, напрасно он вспылil. Но на то были объективные причины. Слишком часто приходилось мотаться по двое-трое суток, лазать по вонючим подвалам и заброшенным свалкам, беседовать с разной мразью. И добиваться того, чтобы истинный преступник сидел в тюрьме. Но столь же часто их ставили на место. Лавры, почести и двухнедельные пляжи Майами доставались другим. Да, его ребята терпеть не могли пришлых, представителей специальных отделов, подразделений, канцелярий. Обычно чужаки приходили и начинали давать дурацкие советы, разрабатывали кучу ненужных резолюций и сбивали с толку весь отдел. После чего — исчезали. На их место приходили другие. И все начиналось сначала. Конечно, бюрократизм есть в любой структуре, но в структуре полиции — это благо лишь для преступников. Пока бумажки будут подписаны, пока выдадут ордер — птичка, тю-тю, улетит в далекие края.

Фрэнк — другое дело. Он свой, но и не свой. Блетчер еще не разобрался в своем новом отношении к Блэку. Слишком много времени прошло со дня их последней встречи. Оба изменились. В душе Боб понимал, что легенда ФБР не зря появилась на пороге кабинета. Фрэнк никогда и ничего не делал случайно. Что-то обязательно должно последовать.

Тем временем Фрэнк, чуть сутулясь, прокладывал себе дорогу через наводненный людьми вестибюль. Когда его худая фигура растворилась в толпе, Блетчер облегченно вздохнул. Он тихо прикрыл дверь и медленно побрел в свой кабинет.

— Принесла нелегкая!

Умри, Блетчер, — лучше не скажешь! То есть живи, конечно, живи! Но... лучше не скажешь...

А куда теперь, после пикировки с Блетчером, понесло мистера Блэка, позвольте поинтересоваться?

Куда, куда! В «Рубиновый коготок»! И отнюдь не для того, чтобы выплеснуть... адреналин. А кто что подумал иное?

Узкая улочка, где солнце никогда не касалось тротуара, где Фрэнк был едва ли не рад зловонию гниющих отходов и плесени: бог знает, какие запахи он мог бы уловить в противном случае. Ежедневно в городе бесследно пропадают люди. Счет — на десятки. И куда они только исчезают?

Он оказался здесь в первый раз, но не требовалось особо изощренного ума, чтобы догадаться, куда попал. Злачное место, где все что

ни есть ставится на кон: истина, надежда, преданность, даже вера. Все продается, все покупается. И у каждого продавца-покупателя оправдание: «Я занимаюсь этим только ради денег. Это ненадолго. Это временно. Я занимаюсь этим, только пока дети не вырастут. Я занимаюсь этим только потому, что у меня нет выбора. Я занимаюсь этим, потому что... занимаюсь. Впрочем, вам-то какая разница?»

В общем-то, никакой. Но им ничто не мешает продолжить... Так мрачно размышлял Фрэнк под мокрым хлопчато-крупным снегом, наблюдая за мужчинами, которые толклись около клуба. Ничто не заставит девушек прекратить танцевать, и ничто не заставит этих мужчин перестать приходить сюда. Ничто. Даже убийство.

Он стиснул зубы до скрежета, ощутив знакомую боль в глазах, у основания черепа, в висках.

Ага! Прошла. Боль прошла. Надолго? Да не прошла — затаилась.

Фрэнк запахнул куртку и потянул на себя тяжелую дверь.

Ритмичная музыка, прыгающая по коридору...

Проходя мимо служки, подтирающего пол в одной из кабинок, Фрэнк непроизвольно содрогнулся. Тьфу, мерзость какая! Однако... копаясь в дерьме, прибереги лайковые пер-

чатки для иного случая, для более подходящего и соответствующего случая.

Грязно-зеленые и ржаво-красные двери выстроились в ряд вдоль коридора, точно гнилые зубы в очереди на удаление. Он замедлил шаг, разглядывая приклеенные к дверям кабинок блеклые фотографии женщин, обладательниц стандартных бюстов и стандартных пышных волос. Ну и стандарт у вас, леди! Их имена — что приторные сиропы. Тиффани, Бренди, Янтарь Ли. Попробовал на раз — м-м, своеобразно, но... больше не надо, пожалуй, достаточно, и ныне, и присно, и вовеки веков. Аминь? Но не ура — это точно!

Дойдя до двери, на которой было написано «Вторник», Фрэнк тормознул. Разглядывая фотографию, задумался, почему убийца выбрал Пандемию, а не эту девушку. Те же модные хищно-слащавые черты лица (Памела! Шарон! Клаудиа!). Та же модная блонда (Памела! Шарон! Клаудиа!). Та же узкая ложбинка на груди, стиснутой дешевым платьем а-ля «Секрет Виктора-Виктории».

Он прислушался к себе, но — ничего... Ни теплой волны вдоль позвоночника, ни вереницы смутных образов, которые могли бы подсказать правильный ответ.

Что ж... Глубоко вздохнул и вошел в кабину.

Это помещение могло вызвать приступ клаустрофобии, если бы клиенты обращали

внимание на подобные мелочи. Но клиенты приходили сюда совсем за другим. Кабинка тускло освещалась красной лампочкой-грушей, одиноко свисавшей с потолка. Висит груша — нельзя скушать. Детская загадка. Детям сюда еще рановато.

Передаваемая по трансляции музыка, наполненная охами, стонами и завываниями синтезированных женских голосов. Металлический откидной стул. На полу перед ним — большая измятая коробка с бумажными салфетками. Запах хвойного дезодоранта так интенсивен, что глаза слезятся.

Фрэнк отодвинул стул в сторону и подошел к стеклянной перегородке. С другой стороны стекло завешено невзрачной вельветовой шторкой *профессионального* красного цвета. Рядом со стеклом в стене — щель.

Фрэнк достал из бумажника несколько банкнот, сложил так, чтобы они пролезли внутрь, пропихнул и стал ждать.

Добро пожаловать на встречу с виртуальной жрицей любви'

Музыка стала громче.

Через несколько секунд за стеклом появилась женская рука, занавеска поползла в сторону, и перед ним предстала молодая женщина с фотографии. Гораздо симпатичнее, чем на фотоснимке, но при том — более усталая и... уязвимая, что ли. Толстый слой темного тонального крема, черная тушь, графитом осы-

павшаяся под глазами. Потрескавшиеся губы небрежно в жирной розовой помаде. Трусики-бикини розового же атласа и откровенный лифчик с большим вырезом.

Когда шторка отползла в сторону, ее глаза на мгновение встретились с глазами Фрэнка, но девушка тут же отвернулась. Правило номер один: никогда не смотри в глаза мужчине, тем более если ты на работе.

Слегка надув губки, она улыбнулась:

— Привет. Ты поймал меня.

Вторник изогнулась так, чтобы длинные волосы рассыпались по плечам, провела руками по контуру груди, подчеркивая напрягшиеся соски. Телесный атлас натянулся.

Эротика?

Дешевая эротика...

Мягкий, нарочито детский голос и просто-душные голубые глаза.

— А я как раз подумывала о чем-нибудь эдаком... Необычном. Скажи мне, что ты хочешь?

— Я хотел только с тобой поговорить, Вторник. Мне почему-то кажется, что тебе есть что мне рассказать.

Вторник начала извиваться в такт музыке, приоткрыв рот и умело вторя стонам, наполнявшим комнату.

— Я не против. Поговори со мной... — мурлыкнула она. — Скажи мне, что ты хочешь?

Фрэнк полез во внутренний карман куртки и достал газетную фотографию Пандемии. Прижал к стеклу.

Вторник продолжала томно раскачиваться, массируя собственную грудь, но — рассмотрела фотографию. Наконец-то! Резко выпрямилась. Скрестила руки на груди, точно защищаясь. Инстинктивное движение девушки почему-то напомнило ему позу убитой. Похожи, да! Только одной досталась жизнь, а другой — смерть.

— Ты знала ее, не так ли?

Сначала показалось, что — пустая трата времени, и она ничего не ответит. Обычно так и происходит. На подобные вопросы не получаешь ничего кроме холодного молчания.

Простодушные голубые глаза мгновенно повзрослевшей нимфетки вдруг стали стеклянными. Ненавидящими.

Скорее всего, это цветные контактные линзы. Настоящий цвет глаз у нее совсем другой. Как, впрочем, и имя.

Наконец она выпалила:

— Это не кабинет для допросов. Сюда приходят за другим.

— А я не полицейский.

Она облизала губы, но уже не обольстительно, а нервно:

— Я уже давала показания. Рассказала все, что знала. Что вы от меня хотите?

Фрэнк постарался заинтересовать дамочку по имени Вторник. Хорошо еще, что она —

не Четверг. Человек, который звался Четвергом, м-да... Пришлось бы дожидчка накануне ждать. Классика жанра. Но — Вторник.

Спокойно и *нащупывающе* он задавал девушке отстраненные вопросы. Может, в нем погиб талант психотерапевта?

Почему, собственно, погиб?

Постепенно она успокаивалась, но все же избегала смотреть прямо в глаза. Правило номер два: никогда не смотри в глаза мужчине, особенно если он коп.

— Вторник, я, может быть, смогу найти того, кто убил ее.

— Неужто? Никто не сможет, а ты, супергерой, — да! — она наконец взглянула глаза в глаза. Вызывающий тон, однако явственная умоляющая нотка: — Да, но как?!

Если б Фрэнк знал!

— Расскажи мне о ней, — попросил он.

Вторник еще крепче обхватила себя руками. Окинула взглядом крошечную кабинку, будто надеясь найти там ответ или кого-нибудь, кто ответил бы за нее. Наконец заговорила:

— Ее звали Пандемия. То есть ее на самом деле звали не так... Но мы звали ее Пандемией. Она так называлась. Она не воровала, не употребляла наркотики, даже не курила. Танцевала здесь ради денег, ради своей малышки дочки. Больше ничего не знаю.

— У нее были поклонники?

— Поклонники?! Издеваетесь?! Если вы заметили, наши клиенты — не самые высоко-моральные представители общества. Разумеется, они бы с удовольствием нам поплодировали, но... для этого нужны обе руки.

Фрэнк деликатно улыбнулся, оценив шутку. В усталых глазах он прочел всю историю ее жизни.

Задрипанный поселок.

Отец-алкоголик, от которого сбежишь не только в Сиэтл, но и к черту на рога, в Россию, срань господня, в Ичкерию, срань господня!

Неудачные пробы на видеостудии.

Квартира с одной спальней, которую приходится делить с двумя другими девицами, чтобы оставалось достаточно денег для учебы в колледже.

Вдруг показалось, что еще немного — и он сможет угадать ее настоящее имя.

А с другой стороны — зачем оно ему?

— Ты не заметила здесь кого-нибудь в ту ночь, когда ее убили? Кого-нибудь, кто мог бы последовать за нею домой?

— Я давно перестала их разглядывать. И что можно разглядеть через стекло?! Даже тебя я вижу нечетко. Здесь специальные окна. К тому же, в тот день я ушла намного раньше, чем Пандемия.

— Не догадываешься, что могло стать причиной убийства? — Фрэнк постарался не пе-

режать. Настойчивость хороша сама по себе, но... не сейчас...

— Причина? — Вторник уставилась на него в искреннем изумлении. — Мужчинам не нужны причины, чтобы иметь то, что хочется. Им не нужны причины, чтобы убить. Они просто приходят и делают это, — голосок задрожал от негодования и страха, унижения и обид.

Похоже, ей досталось немало. Фрэнк увидел, как она частит ресницами, скрывая накапливающие слезы.

— Им нужен только повод! Я давно поняла: — если мужчина чего-то хочет, его не оставишь. Даже если он к тебе хорошо относится, он все равно использует тебя. И при этом не испытывает никаких угрызений совести.

Его охватило чувство жалости. Последняя фраза лишила возможности продолжить простой разговор. Пора?

Он взглянул на Вторник последний раз. И мозг вновь взорвался паленой болью.

...Она вся в огне. Языки пламени извиваются у ее груди, лифчик обугливается, чернеет, рассыпается золой, волосы плавятся, как тонкая проволока.

Она широко раскрывает рот, но ни единого звука!

Женщина медленно движется к центру ада, и собственная кровь плещется у ее бедер,

стягивается горячим поясом вокруг талии, струится по обугленным плечам. Черные брызги летят ей в лицо — так распускаются цветы зла.

Фрэнк невольно прынул к ней... Жгучее желание помочь, защитить маленькое измученное существо...

Но как только он коснулся стекла, все исчезло... Ни пламени, ни крови — ничего, кроме не по годам заморенной женщины с облезлым лаком на ногтях, пятнами пота и грязи на узком бюстгальтере.

Фрэнк, повинувшись порыву, достал из бумажника еще одну купюру и просунул ее в щель:

— Мне очень жаль. Спасибо за потраченное время. Будьте осторожны... леди.

Он уже направлялся к двери, когда удивленная подобным обращением Вторник так окликнула его:

— Есть тут один парень... — тон независимый, но во взгляде невольная признательность. — Он постоянно нам показывает стихи через стекло.

— Стихи?

— Ну, не знаю. В столбик. Буквы в строчки. Строчки в столбик. Они на французском, поэтому мы зовем его Французом.

— Он приставал к кому-нибудь? Например, к Пандемии?

— Нет, но в ту ночь заплатил ей за персональное обслуживание. Двести долларов за десять минут. Обычно это стоит неизмеримо меньше. Пандемия танцевала до тех пор, пока он не ушел. Девочек к тому времени уже не оставалось. Она была одна. Я не знаю, что произошло потом.

Фрэнк постарался, чтобы его голос по-прежнему звучал спокойно:

— Здесь есть видеокамера?

Она помедлила. Использование видеокамер, конечно же, запрещено законом, но Фрэнк знал, что во многих местах владельцы их все же устанавливали. Для надежности. Для шантажа. Просто так. Кто знает, что принесет тебе завтра лишнюю сотню баксов!

Открыто признаться о существовании камеры — означало предать фирму, в которой работаешь. Но Вторник недолго мучили моральные соображения. Похоже, раскрывая Фрэнку этот секрет, она тем самым вступала с ним в молчаливое соглашение. Баш на баш. Ей что-то было от него нужно... Но вот что?

Прежде чем он успел сказать еще что-нибудь, Вторник сделала шаг назад и еле заметным взглядом скользнула по стене над его головой:

— Не говорите никому, что это я вам сообщила.

В самом дальнем верхнем и темном углу кабинки мерцала красная точка лазерного сигнала.

Вот это да! Молодец малышка! Ей бы в разведке работать! Впрочем, Фрэнк Блэк, пожалуй, с ней бы в разведку не пошел. Искушение велико — ночь, дебри, мох, и они вдвоем... ползут, и надолго замирают при малейшей тени опасности, и лежат, и лежат, и лежат. Разведка — главное, чтоб было на кого положиться. На Вторник?.. Заманчиво, заманчиво. Однако... чревато боком, как выражаются дуболемы-генералы.

Фрэнк позволил себе лишь мимолетную благодарную улыбку.

Она ответила многозначительным взглядом. Очень многозначительным: страх? благодарность? облегчение?

Спустя минуту тяжелая вельветовая шторка упала на стекло, взбив облако пыли. И он снова оказался один.

— Что ты ему наговорила? — Сэм был взбешен.

Вторник устало откинулась на спинку потертого дивана.

В этот ранний для онанистов час раздевалка была пуста, и они наконец могли поговорить по душам.

— Может, ты сначала спросишь, что было нужно ему? Почему я должна молчать, Сэмми? Недомолвки вызовут серьезные подозрения в наш адрес. Новые расспросы, предположения. Тогда наружу выплывет все. И в первую очередь проблемы возникнут у тебя. Тебе это надо? Запомни, лучше всегда говорить правду, но — не всю. Понимаешь? Выдавай ее порционно, и тогда останешься чистым.

Сэмми молчал, ругая себя за мимолетную вспышку ярости. Нервы сдают. Вторник права. Черт подери, эта смазливая девчонка всегда оказывается права. Недаром два года назад, когда он подобрал ее, плачущую и избитую, у автобусной остановки, внутренний голос шепнул: «Сэм, вот твоя удача!» С тех пор удача действительно не оставляла его. Вместе с Вторник они прокрутили не одно дельце, существенно поправив свое материальное положение. Он обеспечивал ее безопасность — она привлекала в заведение новых клиентов. Нормальные деловые отношения с капелькой нежности. Только так можно выжить в этом вонючем мире. Вторник же дала несколько ценных советов по реорганизации «Рубинового коготка», одобренных владельцами клуба. Вскоре Сэм, Сэм-недочка, умеющий в этой жизни лишь считать деньги и считывать человеческие души, стал управляющим стриптиз-клуба. Дела шли великолепно, пока не произошло это зверское убийство. В клубе появилась полиция и, соответственно, сократилось число посетителей. Постоянные клиенты предпочли отсидеться дома, пока не затихнет шумиха. Но дело даже не в том, что могла накопать полиция. Дело было во Французе...

Он появился здесь в конце прошлого года. И потом приходил каждую неделю. Став постоянным клиентом, всегда выбирал одну и

ту же кабинку — посредине. В клубе ее шуточно называли «императорской ложей». Оттуда хорошо просматривалась вся клетка, свет выгодно оттенял извивающиеся женские тела. Немудрено, что эта небольшая кабинка практически не пустовала. Неизменно находились желающие побывать здесь и испытать удовольствие для избранных. Ну да желающих искать-находить — не проблема. Проблема — выстроить их в упорядоченную очередь. В очередь, сукины дети, в очередь!

Француз бывал в кабине два-три раза еженедельно, всегда в одно и то же время. Иногда, но, правда, очень редко, заказывал конкретную стриптизершу, чаще всего блондинку, но особого удовольствия, судя по всему, не испытывал. После него всегда было чисто. Даже стерильно, если это, конечно, возможно в «Коготке». Несколько раз он указывал на Вторник, и тогда Сэм, сам не понимая почему, начинал волноваться. Он всегда дожидался конца выступления подруги, а после провожал ее домой. И оставался на ночь. В прихожей. Вздрагивая от каждого шороха на лестнице. Вторник сперва посмеивалась, но затем, после одного ночного и очень откровенного разговора с Сэмми, перестала. Француз внушал обоим страх. Болезненный страх. Рядом с ним они чувствовали себя загнанными лошадьми, которых

вот-вот пристрелят. Последнего не хотелось. Поэтому даже девочкам были даны строгие указания держаться от этого извращения подальше. Указания, конечно, дали... Однако сие действо имело обратный эффект. Кто поймет логику женщины?! Ей говорят: нельзя! А она лезет прямо в пламя. Ей разрешают: можно! Она презрительно фыркает: не хочу!

Будучи неплохим психологом, Сэмми быстро разобрался, что к чему. Этого клиента секс не интересовал. По крайней мере, секс с женщинами. Не интересовал его и стриптиз, который исполняли девочки. Тогда, спрашивается, почему он вновь и вновь приходил сюда. Сэм терялся в догадках.

...А потом появилась Пандемия. И впервые Вторник и Сэмми поссорились. Поссорились из-за новенькой. Вторник очень понравилась эта молодая женщина, которой самой приходилось зарабатывать на хлеб себе и дочке. Сэмми, напротив, с первого взгляда испытал неприязнь, которую так и не смог побороть. Причина неприязни скрывалась отнюдь не в ревности. Вторник буквально помешалась на Пандемии, проводя с ней все свободное время в клубе. В свою частную жизнь Пандемия никого не впускала. Никто не знал, где она живет. Четыре раза в неделю Пандемия приходила в «Рубиновый коготок» и танцевала. В перерывах — звонила домой до-

чери. Вот и вся жизнь. Личная или нет, решать уже бессмысленно. Однако была в ней, в Пандемии, глубокая червоточина, внутренний надлом, притягивающий к себе новые беды и горе. Сэм же всегда подсознательно чувствовал обреченных. Неважно, на что: смерть, нищету, вечные неудачи. Пандемия была обречена.

Однако тогда к его мнению не прислушались, решив, что Пандемия отказала Сэмми кое в чем, и он теперь таким образом решил отомстить. Забавно, если учесть, что женщины Сэмми в этом смысле никогда не интересовали. А работа в подобном заведении и вовсе отбила охоту рассматривать потасканные прелести стандартных красавиц. Если каждый день находишься в лавке с мясом, то поневоле захочется свежих фруктов. Фруктов для Сэмми хватало, но в другом месте. Он тщательно заметал следы так, что даже Вторник не догадывалась, где ее дружок проводит свободные часы. Впрочем, у нее тоже имелись свои секреты.

Пандемию взяли на работу почти сразу. Заведение нуждалось в постоянном обновлении не только эротических костюмов, но и обслуживающего персонала. Девочки быстро приедались и требовали замены. В общем так обычно и происходило. Поработав месяц-два, максимум полгода, они бесследно исчезали. Кто переходил в клуб получше, кто спивался,

кто находил себе постоянного сутенера-любовника. Разные судьбы, никого, кроме их обладательниц, не интересующие. Как правило, исчезновения девушек клиенты не замечали. Тиффани, Бренди и прочие имена получали новых хозяек, похожих на предыдущих как две капли воды. Долше всего продержалась Вторник, но это исключительно благодаря заботам Сэмми. Иногда он делал перерыв, и Вторник исчезала, отправляясь на заработки в другие клубы. Но потом появлялась снова. Что поделатъ, мужчины любят блондинок, а блондинок в «Рубиновом коготке» — раз-два и обчелся. Вторник в этом смысле — незаменима.

Увидев Пандемию в первый раз, Француз не обратил на нее особого внимания. Спокойно отстоял весь сеанс и после незаметно ушел. Так было еще несколько раз. Но вдруг что-то случилось. Француз стал приходить только ради нее. Тогда же появились и таинственные листочки со стихами. Сперва Сэмми предположил: случилось невероятное. Love story в стриптиз-клубе. Давненько такого не бывало, а если быть точным — подобного не случилось никогда. Даже в их отношениях с Вторник на первом плане всегда стояли деньги. Но чуть позже управляющий понял свою ошибку. Клиента в бейсболке привлекала отнюдь не любовь. Так же, как и он, Француз ненавидел Пандемию, только в отличие от Сэма не-

навидел со всей страстью фанатика. Сильно. Очень сильно. Только вот за что?

В тот вечер он подошел к кассе. Все в той же бейсболке, поношенной куртке и темных очках. Дохнул на Сэма гнилью и предложил очень выгодную сделку. Услышав названную сумму, Сэмми удивленно округлил глаза и присвистнул. Первым его желанием было предложить Французу Вторник. Те же черты, похожая фигура. Сразу и не разберешь, недаром эти девушки никогда не работали вместе. Кредо заведения: разнообразие и еще раз разнообразие. Вдобавок она танцевала гораздо лучше, пластичнее. Вторник искрилась на сцене жизнью, Пандемия, напротив, напоминала мертвую куклу. Но Француза интересовала только Пандемия. Он был готов на все. И тут Сэм совершил ошибку. Взяв комиссионные, он подхватил под руку Вторник и ушел, посчитав, что Пандемия справится сама. Благо на часах было начало третьего. А живых девочек «Рубиновый коготок» предоставляет только до двух ночи.

Следующим вечером они узнали об убийстве... Сопоставили некоторые данные и поняли, кто мог убить Пандемию. С полицией разговаривать бесполезно, отношения с копами в этом районе не приветствуются. С тех пор Француз исчез, но страх остался. Оба боялись, что он появится вновь, и тогда...

В комнату заглянула Сью Полпинты. В грязном тряпье, с вечной бездонной бутылкой

в руках, эта сморщенная старушонка была местной достопримечательностью. В молодости — проститутка, потом — мадам в местном бордельчике. Однако любовь к виски вытеснила все. За бутылку Сью ежедневно, а то и не раз приходила в «Рубиновый коготок». Помимо того, что она была идеальной уборщицей, Сью нередко развлекала клиентов рассказами о конце света, пока те маялись в очереди, ожидая посадочных мест.

— Опять надралась? — Сэм спросил скорее для проформы, чтобы завязать со старухой разговор.

— Так за помин невинной души, господин хороший. Девочке-то нашей, говорят, этот душегуб голову отрезал. Только несколько прядей на полу оставил. Хорошие были волосы, светлые, чистое золото. Я тогда зашла сюда, помыть, прибрать, а мисс сидит и плачет. Болела она. Это ведь не каждому видно, только, сэр, если человека изнутри червь грызет, то на лицо черная печать ложится. Смерть свою отметину делает.

Сью вновь щедро отхлебнула из бутылки. Вторник зачарованно слушала пьяную каргу, поджав под себя голые ноги. По ее щекам катились слезы.

— Вот смерть ее и отметила. Она сама ее позвала, выбрав себе такое имя. Плохое имя. Оно притягивало боль, а за болью всегда приходит ужас. Я ей говорю: «Идите домой, мисс».

Она встала, качаясь, к выходу пошла. Я за ней. Вышла она из «Коготка», в переулок свернула, а за ней машина. Она здесь раньше часто стояла. И там был всадник, бледный, как смерть. И ад следовал за ним. Так они и скрылись во тьме тысячелетия. И тогда пришел великий день гнева Его. А кто может устоять против него, когда сняты уже шесть печатей, и осталась седьмая. Миллениум. А дальше — огонь. Дальше — безмолвие.

9

Г Л А В А

На спящий город опустилась ночь.

Впрочем, для него всегда была ночь, в его жизни царствовала темнота. Дождь бился в ветровое стекло, оставляя на нем замерзшие потеки. Отдаленный глухой шум, напоминавший рокот волн или раскаты грома, забивал уши тяжелой пробкой. Он переехал через мост. Навстречу «седану», по направлению к Сиэтлу, непрерывной цепочкой двигался поток машин.

Город отражался в зеркале заднего вида, сверкая в темноте зелеными, красными, желтыми и белыми огнями.

Город был позади, впереди — атласной лентой бежала ночь.

Линия горизонта напоминала упавшую рождественскую елку, чьи цветные огоньки рассыпались вдоль Пуже Саунд.

В такое время суток романтики Сиэтла всегда возмущаются. Смешные, они утверждают, что блестящие огни автострады уродуют небо и не дают увидеть звезды. Но зачем искать ковш Большой Медведицы или созвездие Стрельца? Эти яркие точки — враги. Звезды убивают ночь и разгоняют темноту.

К счастью, автостраду ругают только романтики, а их становится все меньше. Время не то. Да и люди другие. На пороге Миллениума все меняется. Даже Бог смотрит по-другому с древних икон. Он чувствует, что скоро всему придет конец. И никто не сможет остановить его, когда он снимет седьмую печать.

Человек, которого Вторник назвала Французом, не романтик. Он понимает, что жизнь — чистое безумие. Он знает, что на всей земле не хватит огня, чтобы разогнать эту темноту. Тем более не теперь. Не сегодня вечером. В наше жесткое время выживает только хитрый, выживает сильнейший. Он — сильнейший. И он выживет в этом городе, с его бесконечными дождями и снегом, сквозь которые не видно ничего, кроме зла и похоти. Только чума разевает щербатую пасть в поисках новых жертв.

Впереди Француза вырисовывается съезд с автомагистрали, ведущий на тихую улицу, она идет параллельно границе Волонтир-Парка.

Он поворачивает и несколько минут слышит лишь скрип стеклоочистителей и хрип собственного дыхания, стеной отделяющие его от ночи. Дорога здесь разбита, асфальт расколот, а обочины размыты до булыжника и глины. Чахлый подлесок уступает место редкому, изрезанному тропинками лесному массиву. Даже внутри машины он чувствует запах сырой земли и заплесневелой листвы, соленый привкус испарений, поднимающихся от луж вдоль старой исчерпавшей себя дороги.

Он едет осторожно, очень медленно, заботливо уговаривая свое второе «я», что все дело в отвратительном асфальте, что если он хоть немного увеличит скорость, то потеряет колпаки. Убеждает себя в том, что просто не спешит добраться домой. Ему там нечего делать. Убеждает и крепко, очень крепко сжимает руль. Но что бы он ни говорил в тишину салона, ловя собственное отражение в зеркале, неважно.

Это ложь во спасение. А он должен спастись.

Дорога поворачивает направо. Здесь ночь пока еще только вступает в свои права. Его встречает холодная, промозглая темень. Сердце начинает стучать быстрее и громче. Гулкие удары отбивают особый ритм, знакомый только ему одному. С каждой секундой это ощущение разрастается, словно гигантская опухоль. Как будто кто-то тяжелым кулаком тол-

кает его в грудь, пытаюсь сплющить меж ребрами жалкий кровавый комок. Он делает глубокий вдох, изо всех сил пытаюсь справиться с растущим чувством, похожим на панику. Бесполезно. Подсознательно он знает, что это нечто другое, с иным названием. Но познать смысл тайного имени сейчас невозможно. Женщина не успела его открыть. Она умерла, скрывшись за высокой стеной. Той самой, что сейчас его окружает.

Он никогда не услышит, что говорится за этой стеной, как называется чувство, которое он испытывает, как ТЕ, что прячутся за тяжелой кладкой, окликнули бы его. Он боится, очень боится. Его дыхание становится все тяжелее, он борется с собой, стараясь, чтобы руки, лежащие на руле, были неподвижны. Потому что сегодня он не собирается останавливаться. На этот раз он поедет своею дорогой, нажмет на педаль акселератора, и его темный «седан» промчится мимо, и он не остановится, не остановится, пока не доберется до дома. ПРОЧЬ! Прочь от этого места, притягивающего к себе. ПРОЧЬ!

Он мужественно минует очередной поворот, и прямо перед ним расстилается новый отрезок дороги. Темнота с укоризной смотрит на Француза красными глазами встречных огней. Ну что же ты, иди сюда! Здесь все готово. Здесь тебя давно уже ждут. Нога висит над педалью газа. «Седан» медленно плывет

вперед, дождь серебрит ветровое стекло, а дорога струится из-под колес, словно река.

Он движется совершенно беззвучно, он скрыт стеной, и ОНИ не могут услышать его. Облака выхлопных газов поднимаются от разбитого асфальта.

Он еще плотнее натягивает бейсбольную кепку, отгораживаясь матерчатым щитом от ядовитых испарений.

Позади чертовым призраком возвышается мост, который он только что пересек, его чудовищные опоры растворяются в тени деревьев, а пролет окутан туманом.

Он смотрит на мост, и его дыхание убыстряется; он быстро моргает, лишь на мгновение ослабляя руки, сжимающие руль. Человек боится, боится того, что впереди. Стена делает шаг навстречу, он пытается удержать ее на прежнем месте, стараясь не смотреть на то, что движется сейчас в темноте.

Он не пойдет туда, не пойдет. Никогда. «Never say never» — шепчут в ответ мокрые ветки, «никогда не говори никогда» — вторят капли слепого дождя.

На этот раз стена выдержала.

Вдоль правой обочины сквозь туман выступают контуры машин. Некоторые из них пусты. Но далеко не все: он видит силуэты людей, устроившихся в уютных салонах. Они разговаривают, целуются, обнимаются. Туман выбрасывает новый кадр. Мерзкий, позор-

ный. Чья-то голова, быстродвигающаяся в синхронном порыве — туда-сюда, вверх и вниз. Губы в форме упругой буквы «о» то сжимаются, то разжимаются. Между ними — кусок восставшей плоти. И снова — вверх и вниз. Сначала ты мне, потом я тебе.

Его дыхание разбивается на сотню хрипов, сердце в груди болит так, будто бы его пронзили ножом. Тело дергается, как от удара — камень за камнем. Кто без греха, пусть бросит в тебя камень. Камнепад. Один грех цепляет другой, и они тяжелой гранитной лентой катятся с небес на землю, пробивая в ней гигантские дыры.

Задышавшись, он широко открывает рот, и воздух, вырвавшись из легких, замирает в беззвучном вопле. Потому что стена начинает разрушаться. Сначала медленно, потом быстрее.

Он чувствует, как обломки темноты с грохотом разбиваются о его грудь, а во рту остается такой странный привкус, как если бы он грыз металл, раздирая в кровь губы, язык и десны, выплевывая острые осколки зубов. Неясные фигуры движутся снаружи, проникая сквозь туман. Раздается приглушенное хлопанье дверей. И снова — вверх и вниз, туда-сюда.

Он трясет головой, стараясь нащупать педаль акселератора, но нога предательски застряла. Теперь он уже не чувствует ни руля, ни биения собственного сердца, ни даже свиста

воздуха в горле. Разве тут можно что-либо чувствовать, разве можно ожидать от человека, чтобы он что-либо чувствовал под этим ужасным весом? Стена рассыпается, расплющивая его под своей тяжестью. Нет больше ничего. Его тоже нет.

— Эй!

Глухой незнакомый голос!

Он мельком видит бледное лицо. Чужое. Какой-то человек поворачивается, чтобы посмотреть, как он проезжает мимо. Просто посмотреть. Непростительная ошибка. Он оглядывается назад, в неслышном крике наваливаясь на руль всей тяжестью своего тела. Главное — почувствовать. Остальное придет потом. Он не виноват. Не виноват потому, что собирался поехать прямо домой. Не виноват, что неправильно свернул, поехал кратчайшим путем, он хотел только посмотреть. А кто винит? Грани стерты, стена разрушена. Эй, есть ли тут кто-нибудь?

ЭТО всегда начинается так. И этот привкус во рту, когда он сбрасывает скорость и начинает очень медленно и осмотрительно разглядывать фигуры, движущиеся сквозь деревья, — привкус крови, земли и спермы, привкус камня, выпавшего из трещины в стене, — это тоже начало. Начало ада.

ЭТО всегда заканчивается так. Какой смысл сопротивляться?!

Он останавливается. На некотором расстоянии от других машин, но не настолько, что-

бы привлечь к себе внимание. Очень скоро рядом с его машиной появятся другие. Никто не вспомнит о «седане». Если что... Несколько минут он сидит в крошечной темноте. Он слышит шум одинокого ветра, украдкой вползающего в приоткрытое окно машины, треск веток и тихий смех на опушке леса. К нему подползает другая машина, притормаживает, и Француз мельком видит чье-то лицо за стеклом, ловит вопросительное выражение глаз. Глубоко вздохнув, отворачивается, уставившись в зеркало заднего вида немигающим, невидящим взором. Не поймав нужного импульса, та машина проезжает мимо. Он терпеливо ждет, пока она скроется из вида, натягивает кепку на лоб, а затем выходит из «седана» и направляется в лес. Шелест мертвых голосов, опавших листьев, отдаленный гул транспорта. Топкая твердь под ногами. Каждый его шаг высвобождает что-нибудь, скрытое под землей: — облако вонючего газа, запахи разложения, мертвенно-бледные грибы, похожие на торчащие из земли кончики пальцев. Ветер, обдувающий его лицо, кажется вязким и приносит с собой зловоние тухлого мяса. Он моргает, вглядываясь в грязно-белесый туман, напоминающий вязкую жижу серого цвета. Эта жижа прорезана темными глубокими бороздами: черными, темно-коричневыми, тускло-красными, как кровь из случайного струпа. Деревья

медленно раскачиваются на ветру. Их стволы пахнут аммиаком и формальдегидом, ветви чертят в воздухе слова, он читает их по складам, и покрасневшие глаза слезятся от напряжения. Губы шевелятся, словно лапы паука, но вслух он не произносит ни звука.

...Теперь пора ночного колдовства. Скрипят гроба и дышит ад заразой.

ОНИ снова здесь. Он видит, как они движутся между высохшими стволами у подножия моста, как туман клубится у их костяных ног. Глаза — сгоревшие дотла свечи, черные с малиновой каймой. Лица испачканы землей и тронуты узором разложения, плоть облезает кровавым кружевом, бледные черви деловито снуют по разорванным щекам. Туда-сюда. ОНИ молчат. Рты защиты наглухо, крест-накрест, и швы страшно чернеют на бескровной коже. У некоторых также защиты и глаза, нитки туго натягиваются, когда они пытаются разъять землистые веки. «Поднимите нам веки!» Вытянув руки, ОНИ, покачиваясь, бредут сквозь лес. Шипы рододендрона впиваются в остатки плоти, листья хлещут по обнажившимся сухожилиям, по черным буграм, там, где оторваны кисти рук. И хотя рты их защиты наглухо, они сдавленно всхлипывают, когда падают навзничь, когда совокупаются на сырой земле — извивающиеся тела — без ртов, без глаз. Этот акт тут же рождает потомство — юрких бе-

лых личинок. Там, куда они падают, из земли извергаются сгустки пламени. Пламя окружает пары: но мертвецы продолжают совокупляться, не обращая на огонь никакого внимания. Француз останавливается.

Прислонившись к дереву, он жадно глотает ядовитый воздух. Старается не видеть и не слышать того, что происходит в мертвом лесу. Он отчаянно пытается воздвигнуть стену между собой и мертвецами под мостом. Новую стену взамен старой.

И у него начинает получаться. Камень за камнем, тень за тенью, стена поднимается прямо перед ним. Языки пламени, трепещущие в уголках его глаз, наконец гаснут; безногие чудища, извивающиеся на земле, постепенно растворяются в тумане, превращаясь в камни и заросли ольхи. Шорох мертвых голосов тоже исчезает, хотя он знает, что ничего не закончилось. ОНИ все еще там, ОНИ все еще бредут по утоптаным тропинкам, которые ведут под мост. Однако у него есть передышка. Сейчас он ИХ не видит, действительно не видит — в это мгновение он отделен стеной. Мужчина в кепке и темных очках разворачивается и, спотыкаясь, идет к своей машине, не замечая ничего вокруг. С треском пробираясь сквозь заросли и отшвыривая камни из-под ног. Мелькают испуганные лица, от него брезгливо отворачиваются. Но кто-то касается его руки. Кто-то говорит ему:

«Эй, хватит, все хорошо, все хорошо. С вами все в порядке, сэр?» — слышится тихий свист и другой голос произносит: «Он выглядит так, как будто вышел из ада».

...А затем он снова оказывается на дороге, чувствуя под ногами разбитый бетон. Цивилизация, дело рук человеческих. Лес позади отступает в благословенную темноту. Под мостом — тишина. В нескольких ярдах стоит его машина: теперь он может дойти до нее, забраться в салон, включить зажигание, повернуть руль — и сбежать.

Сбежать от всего этого и через полчаса быть дома. ЭТО больше никогда не случится, этому придет конец, этому все же придет конец: «Never say never!».

Он доходит до машины. Отпирает дверь и проскальзывает внутрь, захлопывая дверцу с глухим треском. Сердце бешено колотится в груди, он дышит быстро и неглубоко. Затем на него накатывает приступ тошноты, и он едва не теряет сознание.

Наклонившись вперед и коснувшись ледяным лбом руля, он сидит неподвижно, глубоко дыша и заставляя себя выдыхать как можно медленнее. Важно удержать стену от падения. Через несколько минут его дыхание действительно становится ровным, и, хотя сердце все еще тяжело бьется в груди, он уже может сосчитать промежутки между ударами. Ему становится лучше. Он осторожно бе-

рется за руль и думает: «Я смогу, я смогу, мне пора ехать», — но в это мгновение кто-то стучит в стекло. Never say never, Француз!

Он дергается, откидываясь назад так резко, что колени ударяются о нижний край руля. Стук повторяется, на этот раз уже более настойчиво. Очень медленно Француз поворачивается и смотрит наружу. В окне, как в дешевой рамке, появляется лицо молодого человека с коротко стриженными темными волосами. На нем фланелевая рубашка, небрежно расстегнутая под замшевой курткой. Куртка усыпана жемчужными капельками дождя. Молодой человек наклоняется и смотрит на него, а затем неуверенно расплывается в ободряющей улыбке: «Эй, остынь, все хорошо, все в порядке!»

Француз оборачивается. Вокруг него грохочет гром. Камни падают с огромной высоты. Стена. Между ним и стеклом висят клочья темноты, и в одном из них проступает лицо молодого человека. Парень уже не улыбается — что-то мешает ему улыбаться. Он уже не смотрит на сидящего в машине, поскольку его веки стягивают швы. На замшевой куртке блестят капельки крови, скатывающиеся в небольшой ручеек, который бежит по груди, по открытому вороту фланелевой рубашки, пропитывая ее насквозь.

Откуда-то издалека доносится резкий звук открывающейся дверцы, однако он не слышит,

как она хлопнула, поскольку у него в ушах оглушительно грохочет гром. Это грохот рушащейся стены, это грохот прибоя, рокот багрового прилива, поднимающегося ввысь, до тех пор, пока он не затопит весь город. Это конец света, где не будет ни взрыва, ни криков — лишь глухой стук машинного двигателя и хруст гравия под колесами темного «седана», отъезжающего от моста и разрезающего пену тумана светом фар.

10

Г Л А В А

В небе появляются просветы. Сквозь них он видит звезды, которые ему напоминают отражение мерцающих внизу городских огней. Теперь он совершенно спокоен, его мозг и тело опустошены. Пустая оболочка, в которой слабо бьется маленький черный комок сердца. Иногда он вспоминает о рухнувшей стене, но это уже не имеет никакого значения. Все хорошо. Он — человек, живущий в большом городе у моря; человек, у которого есть работа; есть дом и мать, фанатично обожающая сына. Человек, у которого есть дело. Свое дело. ЦЕЛЬ.

Он едет по темной дороге, и машина умиротворенно подпрыгивает на выбоинах и камнях. Когда он останавливается и открывает

дверцу, воздух кажется сладким и свежим, очистившимся от запахов земли, пота и гнили — воздух пахнет покоем. Пахнет морем. Некоторое время он просто стоит, втягивая в себя легкий бриз, и думает о том, как он любит этот город, и еще о том, как это хорошо — иметь возможность спасти того, кого любишь. Издалека доносится гул автострады и гудки автомобильного парома, приближающегося к главному причалу, расположенному к северу от площади Пионер. Сейчас ему нравятся эти звуки. Сейчас его снова окружает мир, в котором можно жить.

Он обходит машину и открывает дверцу со стороны пассажирского сиденья. Внутри начинается какое-то движение, и он на мгновение застывает.словно в замедленной съемке, к его ногам падает мужское тело. Коснувшись земли, оно застенчиво застывает в неловкой позе, и неестественно вывернутая рука сползает по обивке салона. На мгновение раскрытая ладонь замирает, словно прося последнего подаяния, но затем движется дальше, оставляя на плюшевом сиденье темную полосу, напоминающую след улитки на склоне.

Француз переводит дыхание. Потом резко наклоняется, хватая труп за лодыжки и тащит к багажнику. На руках — привычные резиновые перчатки. Перетаскивая тело, он безучастно смотрит на изуродованное лицо, на котором уже невозможно различить ни глаз,

ни носа, ни губ. Огромный разодранный рот полуприкрыт спутанными волосами, а из-под кожи выступают осколки кости.

...Над смертью властвуй в жизни быстрой, и смерть умрет, а ты пребудешь вечно...

Подтащив труп, он бросает его на землю. Отпирает багажник, аккуратно обитый изнутри слоем пластика. Вновь нагибается и поднимает тело. Наконец оно с приглушенным звуком шлепается на дно, пачкая пластик. Француз долго глядит на него, рассеянно теребя козырек кепки, а затем захлопывает багажник. Обходит машину, садится за руль и трогается с места. Уже почти рассвело. Его ждут важные дела.

Накануне конца света на него возложена миссия — спасти погибающий город от проклятия. Он выводит машину на автотрассу. Играет тихая музыка, и Француз напевает. Почти мурлыкает в такт французского танго.

А когда видит светловолосого паренька, голосующего на шоссе, не задумываясь, останавливается.

— Простите, сэр, не подвезете меня до города? — с мягкой, почти девичьей интонацией шепчет блондинчик. Щеки вспыхивают пунцовым румянцем. Под глазами — черные круги. Парня шатает от усталости и напряжения. Похоже, он не спал всю ночь, бродя по заросшим аллеям Волонтир-Парка.

— Садись.

Мальчик очень хорош, он еще пахнет невинностью, правда, уже с легким привкусом виски. Но это не беда. Его еще можно спасти. Господи, накануне Тысячелетия, ты вновь услышал меня. Ты послал новое испытание, и я его выдержу во что бы то ни стало. Да свершится воля Твоя.

— Как тебя зовут, ангел мой?

11

Г Л А В А

Утро сияло словно редкостный драгоценный камень.

Солнечный свет играл на граненых стеклах окна спальни, превращая их в сверкающие призмы.

Рай для любящих и любимых. Маленький парадиз Сиэтла.

Фрэнк расслабленно лежал на своей половине огромной кровати, наблюдая, как радужные блики на полу собирались в причудливые узоры. Деревья за окном, тихо раскачивающиеся на ветру.

Рядом прикорнула Кэтрин, натянув одеяло до самого подбородка. Она притворялась, будто еще спит, искренне подыгрывая домашним. Кэтрин улыбалась, украдкой подглядывая из-под темных шелковистых ресниц.

Прямо перед ними поверх одеяла в позе шемаханской царицы восседала Джордан. На ее пижаме подмигивал Микки Маус в орнаменте из красных сердечек. Скрестив ноги и серьезно хмурия брови, она просматривала раздел объявлений во вчерашней газете.

Снаружи доносилось знакомое стрекотание велосипедов, быстро пронесившихся мимо и радостно позвякивавших своими старомодными звонками. Звонки на мгновение заглушали пение птиц и тихое посвистывание соседки, подстригающей живую изгородь.

— Что такое боксер?

Фрэнк с интересом взглянул на озадаченное лицо дочери.

Прикусив губу, Джордан решала важную проблему — она выбирала породу будущего щенка.

Перспектива завести в доме боксера Фрэнка не очень устраивала. Он любил пушистых и ласковых собак.

— Боксер — большая собака во-от с такой мордой, — ответил он, старательно вытягивая лицо наподобие очень уродливой собачьей морды. — Жуткая, но очень симпатичная.

Кэтрин снова улыбнулась, продолжая делать вид, что спит. Щенок, по недавнему сговору отца и дочери, по-прежнему оставался секретом для Кэтрин. Псевдосекретом.

Сдвинув брови, Джордан внимательно посмотрела на Фрэнка, а затем отрицательно закрутила рыжей головой.

— Мне так не кажется, — объявила она и вновь уткнулась в объявления. Однако через минуту задала следующий вопрос, на ту же тему. — А что такое шарпей?

— Большая складчатая собака. Во-от с такой... м-м... попой.

— Ее что, куда-то надо складывать?

— Нет, просто шарпей весь состоит из мягких бархатных складок. Но нам, думаю, шарпей не подойдет. Посмотри, нет ли там чего-нибудь попроще из собачьих пород.

Кэтрин улыбнулась еще шире: в самом деле, разве кому-нибудь удавалось что-нибудь скрыть от мамы? Хоть когда-нибудь?

— А как насчет бассета?

Джордан укоризненно посмотрела на отца: ну вот, мама все испортила. Теперь никакого сюрприза. Однако она выжидала, пока он скажет веское слово по поводу бассетов.

— Ну уж нет, — сказал он веское слово, ухмыляясь и поворачиваясь к жене, — в этом доме и так слишком много длинных ушей.

Кэтрин вскочила, одарив его свирепым взглядом, изображая Эдварда Д. Робинсона в роли бандита. Бандит почему-то получился очень женственным и совсем не злым.

— Ах, так! Кому-то не нравятся мои уши? Зато теперь мы знаем, почему у папы лицо, как у боксера.

Джордан скорчилась от беззвучного смеха.

Газета смялась, когда Кэтрин дотянулась до дочери и ласково обняла ее:

— Что это вы вдвоем задумали?

Муж и дочь лукаво переглянулись, но не успели ничего ответить, поскольку утреннее спокойствие нарушилось пронзительным блеянием телефонного аппарата.

Фрэнк нехотя взял трубку. Больше всего не хотелось нарушать замечательную идиллию.

— Алло?

— Фрэнк? — голос глухой, сквозь шум и треск. Радиотелефон? — Это Боб Блетчер. Мы нашли еще одно тело. Я подумал, что ты захочешь взглянуть... Ты был прав... Он, похоже, снова убивает.

Фрэнк резко поднялся и сел на край постели.

— Да, пожалуй, я сейчас подъеду, — ответил он, чувствуя настороженный взгляд Кэтрин.

— На девяностом шоссе, по дороге к Снокуэлми, — голос Блетчера становился все слабее. Очевидно, связь ухудшалась.

— Хорошо. Встретимся там через полчаса.

Связь оборвалась, и Фрэнк положил трубку. Сидя на кровати за его спиной, Кэтрин с любопытством смотрела на мужа.

— Кто это был?

Фрэнк помедлил. Нужно ли говорить всю правду? Она, как и многие жены, не слишком жаловала его работу. Правда, Фрэнк не винил ее — работа, скажем прямо, была не из прият-

ных. Он никогда не лгал Кэтрин, просто умалчивал о некоторых особо неприятных деталях. Супружеская дипломатия — великая вещь. Обученный ее искусству сумеет сохранить и любовь, и независимость, и внутренний покой. Если тебя спрашивают прямо — отвечай, если нет — промолчи.

Сейчас Фрэнк избрал один из самых любимых дипломатических ходов. Он сказал ровно половину той правды, которую нужно знать Кэтрин:

— Звонил Боб Блетчер. Хочет, чтобы я кое-что для него сделал.

Кэтрин сделала над собой усилие, чтобы ее голос не прозвучал раздраженно:

— Что именно сделал?

— Просто дружеская услуга... — выдержал ее пристальный взгляд, потом указал в сторону Джордан.

Девочка насторожилась и внимательно прислушивалась к начинающейся ссоре родителей.

Сдержав рвущиеся наружу эмоции, Кэтрин поджала губы и кивнула в ответ.

Фрэнк потрепал Джордан по волосам:

— Мы закончим после. Хорошо, малышка?

Джордан вздохнула с облегчением и широко улыбнулась.

— Конечно, папа!

Фрэнк еще некоторое время постоял у кровати, глядя на Джордан. Ему припомнился тот день в больнице, когда рожала его жена. Долгие

часы ожидания, закончившиеся чудом, которого они с Кэтрин уже не надеялись дожидаться, — их новорожденной дочерью, — которую акушерка триумфально подхватила на руки. Беременность была сложной, но что могло сравниться с тем, как они ждали этого события. Несколько лет ожидания, балансирование на грани отчаяния и надежды, когда специалист за специалистом утверждали, что они не смогут зачать ребенка, а все результаты анализов только подтверждали эти слова.

Врачи ошиблись. Любовь способна на многое, а надежда лишь подтверждает эту истину. Истина — вот она, Джордан. Он посмотрел на дочь, которая, склонив голову, вновь принялась за чтение объявлений. Врачи ошиблись, и доказательством тому была сама Джордан — их чудо, их счастливый билет, их шанс — один на миллион.

И ничто не могло этого изменить. Ничто и никогда не отнимет ее от них. Впрочем, «Never say never», говорили древние. Древние знали толк в мудрости. А если подумать, и в жизни тоже. Зачем сотрясать воздух ненужными фразами, когда достаточно просто прикоснуться к своему счастью и никуда его не отпускать.

Застигнутый врасплох неожиданным наплывом эмоций, Фрэнк вздрогнул, отгоняя прошлые видения. Он пересек комнату, собрав по пути разбросанные листы газеты, не понадобившиеся Джордан. Одной рукой он выд-

винул ящик и начал рыться в нем в поисках носков и нижнего белья, а другой стал записывать газету в письменный стол. И тогда в глаза ему бросился заголовок:

УБИЙЦА В СТРИПТИЗ-КЛУБЕ

Под заголовком — еще одна некачественная фотография Пандемии с подписью: «Данные судебной экспертизы указывают на то, что это был чернокожий мужчина, возможно...»

Фрэнк подхватил одежду в кучу и сунул газету под мышку. Теперь все бросятся на поиски чернокожего мужчины, будто негров в Сиэтле один на миллион. Это облегчит задачу истинному убийце, который, почувствовав себя неуязвимым, начнет снова убивать. Еще с большей жестокостью. Хотя, может, не стоит так мрачно смотреть на жизнь. Похоже, Блетчер признал свою ошибку, и ему требуется помощь.

— Я вернусь к обеду, — крикнул он по дороге в ванную.

Но Кэтрин ничего не ответила. Сжавшись в комок, она смотрела в окно. Только что, тихонько шурша шинами, от их дома отъехала машина. Та САМАЯ машина. Кошмар вернулся, едва успев закончиться.

Он снова здесь.

12

Г Л А В А

Фрэнк ехал по девяностой автомагистрали, направляясь к Снокуэлми. Если проехать вдоль реки на север, по направлению к каскадам, то вы непременно увидите водопад Снокуэлми — впечатляющее крещендо белоснежной стены воды, со знаменитой террасой, возвышающейся над ледяными радужными брызгами. Если же вы отправитесь дальше по шоссе, то оно проведет вас через всю страну. Так говорится в путеводителях для туристов. Правда, Фрэнку нет необходимости заезжать столь далеко — по крайней мере, в тот день.

Место возможного преступления он нашел легко. На расстоянии около двадцати миль от города на шоссе, под углом к обочине располо-

жились полицейские машины и кареты скорой помощи. Под ними расстился широкий пустынный склон, спускавшийся вниз к реке и поросший редкими молодыми березами и дубами. Их оголенные серые ветви под порывами ветра царапали тяжелое стальное небо.

Фрэнк припарковал «чероки» у края дороги и пошел вниз по склону. Мерзлый лишайник хрустел под ногами, опавшие листья и стволы деревьев, тронутые инеем, слегка искрились. Внизу, где склон расширялся к реке, несколько десятков полицейских и сотрудников спасательно-поисковой службы деловито прочесывали местность.

Чирикание портативных раций и радиотелефонов.

Хрипы радиопередатчика, обеспечивающего связь с вертолетом.

Назойливый гул приглушенных голосов.

Командные окрики.

Поскуливание и лай поисковых собак, рвавшихся с поводка...

Фрэнк окинул цепким взглядом происходящее и начал было спускаться вниз по холму, но тут к нему, задыхаясь, подбежал одетый в форму человек.

— Извините, сэр, но территория закрыта для посторонних.

— Все в порядке, офицер, — раздался голос Блетчера. — Это я попросил его приехать сюда.

Пожав плечами, коп ретировался.

Блетчер издала приветствовал Фрэнка. Похоже, его мучили противоречивые желания. Он явно сожалел об утреннем звонке Блэку, но, с другой стороны, Боб интуитивно чувствовал, что Фрэнк может помочь. В конце концов он выбрал середину — дружеское участие и минимум информации.

— Кажется, я немного поторопился звать тебя сюда, — произнес Блетчер, приглашая Фрэнка следовать за ним.

— Что у вас тут происходит?

— А происходит у нас следующее. Объявился неизвестный. Труп. Мужской, — Блетчер сделал ударение на последнем слове. — Тело настолько обуглено, что мы поначалу не могли определить пол. Возраст — предположительно тридцать — тридцать пять лет. Из одежды на нем мало что осталось. Все сгорело. Время смерти — опять сложно сказать без заключения экспертов, но, скорее всего, его убили сегодня ночью.

Фрэнк замедлил шаг и посмотрел туда, где группа людей в форме и в штатском неплотным кольцом окружила покрытое брезентом тело.

— Кто-то поджег его?

— Угу. Решил развлечься после вечерней прогулки. Убивал он его, кстати, долго и жестоко. Как и ту женщину. У него тоже отрезаны пальцы. Но голова на месте. Правда, тоже

отделена от тела. Профессионально... Но ее он почему-то не взял. Видимо, не известный нам пока парень специализируется на женских скальпах.

Блетчер беспокойно забарабанил пальцами по портативной рации, висевшей у него на боку. Годы расследования происшествий подобного рода, безусловно, приучили старшего лейтенанта к необходимой выдержке. Он привык вести себя спокойно при обсуждении повседневных ужасов, которые, как ни крути, являются частью его профессии. Он даже не брезговал выпить стаканчик кофе в непосредственной близости от покойника. Покойнику — что, он ведь своей порции не потребует. Боб даже позволял в компании друзей цинично шутить по поводу очередного жмурика. Единственное, чего он так и не научился скрывать, было отвращение к человеческой жестокости.

— Его действительно подожгли, до или после того, как оно было обезглавлено. Этого мы пока не можем определить.

Фрэнк обратил внимание на вдруг проявившуюся плотную сетку морщин вокруг рта Блетчера, на размытые усталостью круги под глазами. Да уж, последние дни дались Бобу нелегко. Затем перевел взгляд на группу людей у подножия холма. Он узнал Гибелхауза и других детективов из подразделения Блетчера. Им также были привычны и трупы, и

жестокость по отношению к человеческой плоти — это являлось частью работы. В отличие от чужаков. Чужаков, которые вмешиваются в ход следствия, считая себя профессионалами из секретного отдела. Специалисты!

Словно не замечая холодно-бесстрастного выражения их лиц, Фрэнк неспешно прошел мимо, мысленно усмехнувшись. Не нравится? Мы обиделись, да? М-да, ребятки, по правде говоря, такого я от вас не ожидал, но если так, то не пойти ли вам поиграть со сверстниками? А? Но секундное раздражение улеглось, как только он подошел к трупу. Теперь взгляд сосредоточен на том, что покоилось под брезентом.

— Его трогали, перетаскивали?

Блетчер отключил потрескивавшую на боку портативную рацию. Босс, что с него возьмешь!

— Нет. Не успели. Тело обнаружили случайно. Впрочем, как это и водится. Случайная парочка осматривала... м-м... местные лишайники. Почувствовала запах гари. Очень специфический. Пока пришли в себя, пока преодолели страх, пока позвонили — столько времени прошло. Мы приехали за двадцать минут до того, как я тебе позвонил. Так что пока сами мало знаем...

Но Фрэнк уже смотрел мимо темных фигур полицейских, голодными стервятниками окруживших покойника. Его внимание сфо-

кусировалось на краю размытого водой оврага. Взгляд перебегал от одной группы хилых деревьев к другой, задержавшись на камнях, сложенных в кучу у подножия огромного упавшего дерева.

В дальних уголках пространства, пойманного сознанием Блэка, появилась и забилась тонкая нить пульса. Она то затихала, то становилась более настойчивой. С каждым ударом он видел новые картинки — призрачные фигуры, силуэты машин и порывы ночного ветра.

— Кажется, тот, кто убил его, сделал это где-то в другом месте, а затем притащил его сюда, — продолжал Блетчер. — Он, вероятно, остановился наверху, на шоссе, и столкнул тело вниз по склону. Предположительно, все случилось ранним утром, когда поток машин минимален. Значит, убийца неплохо ориентируется в этом районе. Это облегчает поиски. Будем искать в заданном радиусе.

Фрэнк автоматически поддакнул.

Стоявший в нескольких шагах от него Гибелхауз поднял голову и с явным неудовольствием спросил:

— Вы, вероятно, хотите взглянуть на тело?

Фрэнк сощурился. Впечатление, что он прикидывает расстояние между двумя ободранными деревцами. И другого, более важного, занятия на сей момент у него нет, и просто не может быть. Обманчивое впечатление...

— Нет. Не хочу, милейший.

Он направился размашистым шагом к заинтересовавшим (да?) его деревьям.

— Фрэнк, — неуверенно окликнул Блетчер.

Блэк не ответил. Он двигался точно в трансе, не чувствуя, как ветви деревьев хлещут по рукам и лицу, как ледяная влага просачивается в ботинки, хлюпая и причмокивая.

Будет ли когда-нибудь конец этому кошмару?

...Пульсирующие образы перед глазами.

Во рту — привкус крови и грязи. Язык выталкивает какой-то мягкий и сырой сгусток, типа изжеванной бумажной салфетки.

Небо над головой меняет цвет — уже не сплав олова со свинцом, а серебро. С востока на горизонте возникает розовое сияние. Рассвет над Сиэтлом.

Нет, свет разгорается слишком ярко, слишком быстро. Пламя, стремительная стена огня, пожирающая все на своем пути.

Сквозь лес, покачиваясь, словно в агонии, — смутная фигура. Темный силуэт корчится и вздрагивает, точно мотылек в эпицентре свечи. И это человек?

Это человек! Размахивает руками, над которыми, как и над его головой, взлетают языки пламени.

Фрэнк давится зловонием тлеющих волос и горящей плоти.

Треск лопающихся костей почти полностью заглушает утробные мученические крики и хриплые стоны горящего.

Он пытается кричать даже тогда, когда язык сгорает дотла.

Окружающий пейзаж переливается черными и багровыми тонами, деревья и кусты вспыхивают.

Смутные тени без глаз, без ртов и ног ползут по земле.

Запах гари вызывает тошноту, рвоту.

Он хочет, но не может отвести глаза. Он не в силах сделать шаг назад — горящий человек бежит прямо на него, искры и хлопья золы разлетаются вокруг, словно мертвые светлячки.

В месиве того, что было когда-то лицом, Фрэнк различает два ряда мелких стежков там, где некогда были глаза, и... стянутый швами и горящий рот.

— Фрэнк, — голос Блетчера пробился сквозь темноту тоненькой ниточкой света, — не мог бы ты...

Фрэнк молчит, потому что теперь он замечает еще одну фигуру, притаившуюся меж двумя деревьями. Это мужчина, в джинсах, в темной куртке, лицо закрывает бейсбольная кепка, руки вяло свисают по бокам. Смутное беспокойство. Еще миг, и он сумеет поймать разгадку, но...

— Фрэнк?

— Тот же самый убийца.

— Что?

Фрэнк заморгал, возвращаясь в реальный мир. Рядом — растерянное бледное лицо Блетчера.

— И он сделал это здесь.

Видение начинает ослабевать, когда он произносит эти слова.

Зловоние горячей плоти тает в прохладном запахе дождя и влажной прошлогодней листвы.

Крики ужаса растворяются в шуме винта поискового вертолета, зависшего прямо над головой.

Фрэнк быстро вдохнул и выдохнул, пробуя февральский воздух на вкус.

Господи, будет ли конец этому кошмару?!

— Жертву подожгли здесь, в лесу.

Он устремился вниз по склону в поисках хоть каких-нибудь следов горения: обуглившихся листьев, одежды, белесой золы.

— Далеко до реки? — обернувшись, крикнул Блетчеру.

Старший детектив следовал за ним, по привычке печатая тяжелый шаг. Да, годы дают знать, Боб. Уже появилась одышка, а язык все чаще требует таблетку. Сердце, нервы... Награда для полицейского. Она нашла своего героя.

— Я спрашиваю, далеко ли до реки?

— Четверть мили.

— Они пришли оттуда.

Блетчер остановился, глядя вослед. Лучше стоять, чем бежать. И лучше сидеть, чем стоять...

— Кем этот парень себя воображает? — выплеснул копившуюся досаду один из детективов. — Шерлоком Холмсом?

— Не знаю, — пробормотал Блетчер. — Полагаю, мы скоро это поймем.

Он-таки припустил вниз по склону следом за Фрэнком, словно дородный колобок. Юбку колобку! Не надо юбку — и в пальто хорош. То есть плох... Кряхтя, сопя и ругаясь, путаясь в пальто, как в огромной черной юбке. Но все время, пока он скатывался, Боб прислушивался к ворчанию подчиненных. Перекликаясь за его спиной, они все-таки собирались последовать за ними. Невзирая на гонор чужака, эксперимент обещал быть интересным.

И тут рация Блетчера взорвалась сухим треском. А затем сквозь помехи — голос. Вертолетчики доложились:

— База! Я Воздух-один! Обнаружили кое-что у реки. Это может оказаться полезным.

— Вас понял, — мрачно ответил Блетчер и, отключив рацию, покатился дальше.

Фрэнка он нашел у кромки реки. Тут плотный лиственный ковер был слегка разворочен — на нем, а также на выступавшей из-под

него черной земле виднелись четкие отпечатки ног. Чуть поодаль — следы борьбы: вывернутые камни, сбитые грибы, еще сильнее разворошенная листва.

Фрэнк внимательно изучал место происшествия, продвигаясь к ближайшему кустарнику.

— Это случилось здесь, у реки. Жертва не ожидала нападения. Более того, она была настроена миролюбиво. Все произошло неожиданно. Но вместо того, чтобы сразу его убить, маньяк изощрялся в пытках.

— И чем они тут занимались?

— Пока не уверен, но... Скорее всего, жертва — гомосексуалист. Не забывай, неподалеку расположен Волонтир-Парк.

Блетчер пожал плечами:

— Тогда почему... При чем здесь та стриптизерша из клуба? Если маньяк имеет нестандартную сексуальную ориентацию, зачем ему убивать женщину?

— Еще вопрос, что по нынешним временам считать нестандартом... Ну-ну, я не о нас с тобой, дружище... Мое предположение: случай с Пандемией — особый. Тут не последнюю роль играет ее имя. Но я пока не понял, что оно значит для убийцы. Может быть, так звали его мать? Смерть Пандемии — центральная, вокруг нее будут в строгом порядке располагаться другие.

— И сколько их будет?

— Не знаю. Возможно, семь.

— Почему именно семь?

— Я сказал, возможно. Я пытаюсь понять его мотивы. Это не обычное преступление, Боб. Семь — мистическая цифра. Семь грехов, семь дней недели, которые сотворил Бог. Семь печатей, их сломали перед тем, как вострубили опять семь Ангелов. А после, как ты, наверное, помнишь, начался Апокалипсис.

Блетчер презрительно хрюкнул:

— Веришь в эту чепуху?

Фрэнк очень серьезно ответил:

— В великой книге Бытия, Блетч, не может быть чепухи. Там вся наша жизнь — до и после смерти. Другое дело, верить ли в это или нет. Вера — личное дело каждого.

Теологический спор прервал испуганный возглас:

— Сюда!

Они разом обернулись и увидели Гибелхауза и Камма, стоявших посреди небольшого березового островка и призывно махавших руками. У их ног ползали, разметая листву, двое облаченных в форму стражей порядка. Фрэнк, а за ним и Блетчер поспешили туда.

— Вот, смотрите, — один из полисменов, указав на находку, смачно выругался.

Ну? Что вы тут откопали?

Ого! Откопали, да...

Гроб. Самодельный. Грубо сколоченный из неструганых досок — щепки, точно перья,

торчащие отовсюду, поспешно забитые гвозди. На крышке гроба нацарапаны неровные и грубые буквы:

PESTE

Полисмены раскидывали листья, расчищая края крышки. Запах тлена усилился.

Вот! Вот только этого не хватало! Именно сегодня, именно сейчас! Фрэнк загодя потряс головой — вдруг опять заболели горло и глаза. Но жар, который он ранее ощущал у основания черепа, ушел; Фрэнк чувствовал себя покинутым всеми кораблем, навсегда запертым во льдах. М-да, чувство не ахти...

— Он пуст, — произнес Блэк севшим от холода и волнения голосом.

Скрип дерева, писк гвоздей, поддающихся натиску.

Крышка оторвалась.

И они увидели...

Ничего... Ничего они не увидели!

Несколько жухлых листьев упало на дно гроба, когда один из офицеров опустил на колени, внимательно, а точнее, туповато всматриваясь в...

Да нет там ничего! Совершенно ничего! За исключением ржавого пятна в одном из углов. И... кучки фекалий в другом. Фекалий, понятно? Дерьма, срань господня, дерьма!

Полисмен указал на внутреннюю сторону крышки:

— Смотрите, смотрите!

Было б на что! А впрочем...

Шершавая поверхность с рядом грубо выдолбленных отверстий покрыта... красно-коричневыми царапинами! Словно кто-то скреб крышку, пытаясь вырваться наружу. И скреб совсем недавно.

— Вот дерьмо! — сквозь зубы проконстатировал Блетчер. — Похоже, маньяку очень нравится это место.

Когда он поднял взгляд, то увидел, что Фрэнк идет прочь.

Блетчер поспешил вдогонку:

— Думаю, нам следует поговорить.

Фрэнк не ответил. Остаток пути до его «чероки» они прошли молча — вчерашние соратники, в одночасье ставшие яростными противниками. Серьезными противниками. Или как?

Фрэнк сел за руль.

Блетчер ждал.

Фрэнк не включал зажигания.

Блетчер ждал.

Наконец Фрэнк снизошел вежливой, но ни к чему не обязывающей фразой, если по большому-то счету:

— Садись. Подвезу обратно. До города. Или... Или ты на *своем* вертолете?

— Подвинься, умник!

— Я-то, положим, умник, а вот кое-кто...

— Кто — кое-кто?

— Кое-кто.

- Помолчи, а?
- Я-то, положим, помолчу, а вот кое-кто...
- Кое-кто тоже с удовольствием помолчит.
- О-о, мир сошел с ума!
- Мир таков, каков есть.

Они в полном безмолвии (на пари?) миновали сельские унылые, занесенные снегом окраины. Въехали в город.

Снова дождь. Еще один день, как две капли воды похожий на предыдущие. Холод, косящие стрелы по стеклу, хандра.

И ничего не сделаешь: все дело в климате. Скачки давления, ломота в суставах и желание то ли выпить, то ли наложить на себя руки.

Фрэнк вдруг поймал себя на мысли, что самые зверские преступления совершаются именно в такие дни. Не слишком оригинальная мысль, однако истина всегда тривиальна. Непогода обостряет нюх у всех сумасшедших, и они, словно звери с вирусом бешенства, выходят на охоту. Жертва всегда найдется, был бы охотник.

Но одно дело, когда убийство совершается продуманно. Тут полиции и карты в руки: связи, угрозы, улики, всегда найдется ниточка.

Совсем иной случай сейчас. Аффект, безумие. Кто предскажет дальнейшие действия сумасшедшего? Только такой же сумасшедший.

Беда в том, что именно Фрэнк и есть тот самый безумец, такой же... Пусть беда, а не вина. Легче стало, мистер Блэк? То-то и оно!

Машины на шоссе ползли медленно, как обычно в полуденные часы.

Фрэнк включил радиоприемник и покрутил ручку настройки, пока не поймал классическую музыку. Классика нейтральна. Успокаивает нервы. Это поняли даже фермеры, которые теперь в момент дойки коров включают им Вивальди. Надои растут, фермерские доходы тоже. Что ни говори, победила волшебная сила искусства.

В зеркале он поймал отражение Блетчера. Тот с повышенным интересом смотрел вперед, на череду автомобилей перед ними. Ой-ой, как интересно!

Стеклоочистители ритмично двигались из стороны в сторону, смахивая назойливые капли.

По приемнику — Бетховен. Пятая симфония. Любите ли вы Бетховена, как люблю его я? Когда судьба стучится в дверь. Па-па-па-пам! Па-па-па-пам!

Блетчер явно не любит. Терпел-терпел и дотянулся до кнопки, отключил-выключил.

— Не любишь Бетховена, Боб?

— Та-ак! «Старуха, дверь закрой!» Не люблю. Ему-то хорошо!..

— Кому?

— Бетховену! Глухая тетеря — сам не слышал, что писал, а мы тут дергайся!

— А ты не дергайся, Боб!

— Ага! Не дергайся тут... когда судьба стучится в дверь.

— Судьба? Все-таки веришь в судьбу, материалист ты наш?!

— Да как тебе сказать, Фрэнк...

— Не томи, старина. Что ты там припас на закуску?

— Ладно! Уговорил, речистый!.. В общем... Короче... Словом... Ай, да ну их всех и вся в задницу!.. Так вот! Один приятель был сегодня утром в анатомичке, осматривал труп. Парень по имени Уоттс. Знаешь такого?

Фрэнк приподнял бровь:

— Теперь знаю. По фамилии, во всяком случае. Благодаря тебе. Ты ее назвал. Более — никак.

— Ну-ну!

— Напрасно ты так настроен, Боб. Никто не собирается отнимать лавры у тебя или у твоих парней. Мы просто хотим помочь.

— Мы? Все-таки, значит, мы!

— Ну я! Так тебе больше нравится?

— Угу. От вас помощи... С ним беседовали мои парни. Он сказал, что входит в какую-то группу под названием «Миллениум».

— Миллениум, так, — бросил Фрэнк. Сама невозмутимость!

— Старина, это те, на кого ты работаешь?

— Допустим.

— Ну и... кто они?

— Да так, несколько парней. Занимаются обеспечением правопорядка. Несколько хоро-

ших парней... — тон ровный, почти небрежный. Почти.

— Они из ФБР?

— Некоторые, не все. Это и неважно, Боб, кто мы и откуда. Главное — цель и желание. Главное — помощь. Я устал тебе повторять — мы хотим найти убийцу.

Блетчер демонстративно изучал его лицо, похожее сейчас на маску майя. Паутина резких глубоких морщин, землистый, абсолютная непроницаемость. Лицо за семью печатями. Для любого другого человека будет непонятно, что за ним скрывается. Однако Роберт Блетчер знал Фрэнка Блэка достаточно давно, чтобы понять — тот о чем-то умалчивает. Сознательно умалчивает. Но вместе с тем Роберт Блетчер знал Фрэнка Блэка настолько хорошо, чтобы понять: ни угрозы, ни мольбы, ни нарочитое равнодушие не вынудят того говорить, если сам он того не пожелает. А он пока не желает. В силу каких-то особых причин.

Вереница стоявших перед ними машин медленно поползла к перекрестку, над которым в потоке дождя возвышалось здание окружного суда. «Чероки» тронулся с места.

Блетчер вздохнул и... теперь его голос прозвучал почти умоляюще:

— Мои парни хотят знать, зачем ты сюда приехал. Я все еще не знаю, что им ответить.

Фрэнк дотянулся до приемника и снова включил, покрутил верньер громкости.

«Кронос квартет» заполонил салон «чероки». «Черные ангелы» Георга Крамба. В тему, ничего не скажешь! Почище бетховенской «Судьбы»!

У следующего светофора Фрэнк повернулся к Блетчеру. Его тон уже не был столь уверенным, как несколько минут назад, в голосе слышалась мольба человека, который хочет только одного — чтобы его оставили в покое:

— Я приехал сюда, потому что у меня есть жена и дочь. И я хочу, чтобы они были в безопасности.

Блетчер ждал продолжения. Не дождавшись, вздохнул:

— Значит, так? Прежняя дружба для тебя, похоже, ничего не значит.

Фрэнк отвернулся, глядя на дождь, на армию черных зонтов, марширующих вдоль дороги. С каждой минутой армия разрасталась, на манер черного глянцевого паука, раскинувшего щупальца по всему городу.

Блетчер еще раз глубоко вздохнул, а затем осторожно спросил... Последняя попытка пробиться через броню:

— Ты не хочешь рассказать, что произошло? Почему ты ушел из ФБР?

— Нет. Не хочу.

«Чероки» резко тормознул перед зданием суда.

Блетчер обиженно поджал губы и открыл дверцу. Он уже вылез из машины, но вдруг просунул голову обратно в салон:

— А как это у тебя получается, Фрэнк?

Фрэнк холодно посмотрел на него. Молчал.

— Чертов фокусник! Ты чертов фокусник!

— Где-то я это уже слышал. От тебя же, нет?

Дверца захлопнулась... Фрэнк Блэк остался один, наблюдая за тем, как Блетчер продирается сквозь пелену дождя ко входу в здание. Он, Фрэнк Блэк, полжизни бы отдал, чтобы это были только фокусы — ловкость воображения и никакого мошенничества. Если бы...

13

Г Л А В А

Домой Фрэнк вернулся, когда уже стемнело. Припарковав «чероки», он несколько минут просто сидел в машине и любовался домом на краю аккуратной лужайки.

Там, в округе Колумбия, они с Кэтрин месяцами вспоминали Сиэтл. Кэтрин неизменно доставала альбомы со старыми фотографиями, и они с удовольствием разглядывали снимки — но тогда их интересовали не знакомые лица, а места, на фоне которых они были засняты, где происходили важные события: обручение, барбекю с жадными поцелуями на заднем сиденье автомобиля, веселые вечеринки, свадебные приемы и бейсбольные матчи. Они вновь и вновь рассматривали строгие особняки на Капитолийском

Холме, большие здания в стиле пост-модерн, прячущиеся между елей на берегу озера Вашингтон, дома более поздней постройки вдоль северной стороны Грин Лейк. Потом они приезжали сюда вместе с Джордан, чтобы подыскать себе жилье. Целых две недели просматривали объявления, колесили по округе вместе с агентами по недвижимости, проверяли состояние водопроводной системы и фундаментов, осматривали стены и деревянные полы.

Этого дома не было в их списке. Его заметила Джордан, когда в один из таких дней они вместе с агентом возвращались в отель.

— Вон там, папа! — закричала она, указывая на небольшой коттедж с открытым крыльцом, окруженный изгородью из азалий. — Вот дом! Наш дом! Пусть он будет нашим!

Фрэнк рассмеялся и повернулся к Кэтрин:

— Она совсем как та малышка из «Чуда на тридцать четвертой улице».

— На нем табличка «продается», — заметила Кэтрин. — Может быть, остановимся и посмотрим?

Агент — холеная уверенная дама средних лет — выглядела смущенной.

— Его нет в наших списках. Мы можем пока обойти его снаружи, а потом я узнаю, что можно сделать.

Они вернулись сюда на следующий день. И еще через день. Тогда же оформили все

необходимые бумаги. Дом был коричневым, а оконные ставни покрыты шелушащейся серо-зеленой краской. Однако Кэтрин и Джордан с самого начала решили, что он должен быть желтым.

— Ему так хочется быть желтым, — настаивала Джордан.

— Не могу спорить с домом, — соглашался Фрэнк.

Так что по возвращении на прежнее место жительства им пришлось не только упаковывать вещи, но и часами ходить по магазинам, рассматривая образцы красок. «Желтый подсолнух», «Парижское утро», «Лимонная мечта», «Пшеница» — кто бы знал, что существует такое множество оттенков желтого цвета? Но в конце концов Кэтрин и Джордан сделали свой выбор: «Одной ногой в раю», желтая латексная полуглянцевая краска от Бенджамина Моора, и яркая белая — для отделки.

Сейчас, сидя в машине, Фрэнк улыбался. Их маленький дом откровенно сиял в мягком свете уличного фонаря. Вокруг лампочки на крыльце порхали мотыльки. Окно спальни на втором этаже излучало легкое золотистое сияние, и, глядя на его граненые стекла, Фрэнк вспомнил сказку о пряничном домике с леденцовыми окнами.

«Если мы пока и не одной ногой в раю, — подумал Фрэнк, — то уж точно стоим в его дверях». Нет ничего лучше, как возвращаться

вечером ДОМОЙ. К любимым, к любящим тебя людям. Только тот, кто однажды уже почти потерял дом и семью, вернув их, может изо дня в день наслаждаться банальным вкусом счастья. Для таких людей он никогда не приедается, не набивает оскомины. Напротив, счастье на то оно и счастье, чтобы никогда не повторяться. Оно вечно, если умеешь его ценить. Фрэнк умел. Слишком дорогую цену он заплатил за него.

Блэк вышел из машины и направился к дому. Но...

...позади раздался повелительный хлопок автомобильной дверцы.

— Фрэнк Блэк?

Замер. Обернулся, инстинктивно сжимая кулаки.

С противоположной стороны дороги от припаркованной машины отделилась фигура и уверенно направилась через лужайку прямо к Фрэнку.

Фрэнк выжидал, чувствуя леденящую волну неконтролируемого страха. Ну, не страха, но опаски. Кто?

Высокий, мускулистый и бритоголовый мужчина. Где-то одного возраста с Фрэнком. Усы а ля морж, а ля Ватсон. (М-м, усы — особая примета, бросающаяся в глаза. И не исключено, что — накладные. У вас ус отклеился! Нет, пока нет...) Непромокаемый плащ и модные твидовые брюки. Ботинки, впрочем, как

и плащ, дорогие, но неприметные. Одежда, точеные черты лица, прямой взгляд — излучали силу и уверенность в себе.

— Я Питер Уоттс, — голос оказался низким и ровным. — Из группы. Я мог бы отправить вам факс, но решил представиться лично. Это облегчит впоследствии нашу совместную работу.

Фрэнк позволил себе приветливо улыбнуться и протянуть руку.

Рукопожатие — властное, требовательное. Брутальное рукопожатие.

— Вы уже осматривали тело. Нашли что-нибудь?

Уоттс протянул небольшой коричневый сверток.

— Несколько деталей, которые почему-то остались незамеченными. Незначительный, однако все же недосмотр...

— Фрэнк?

Мужчины синхронно обернулись на голос.

Кэтрин в проеме входной двери. Свет лампы на крыльце — будто ореол над головой. Одной рукой она придерживала ворот белого купального халата.

Фрэнк успокаивающе кивнул ей.

— Я сейчас, Кэтрин. Не волнуйся. Все в порядке.

Она еще мгновение задержалась в дверях, как бы ожидая объяснений. Но объяснений не последовало, и Кэтрин закрыла дверь.

Уоттс подождал, пока ее силуэт не появится в окне гостиной, а затем негромко продолжил:

— Жертве были нанесены тяжкие повреждения, так что эту деталь легко было пропустить. Но я обнаружил след укола на внутренней стороне бедра.

Фрэнк поднял брови:

— Шприц?

— Может быть. Никаких следов инъекции в прилежащих тканях... Насколько мне известно, они полагают, будто бы убийца черный, но...

Фрэнк согласно кивнул:

— Маловероятно. Почти исключено. Достаточно посмотреть статистические данные. Шанс один на тысячу, что это был негр.

— Вот-вот. Ампутация головы и пальцев выполнена очень аккуратно, профессионально. Догадываетесь, почему?

— Элементарно... — Фрэнк по инерции чуть не добавил: «...Ватсон». — Преступник заметал следы. Жертва могла укунить или поцарапать. Возможно, он пришел туда не затем, чтобы убить. Не исключено, что просто хотел поговорить о чем-то очень важном для него, но женщина закричала...

— Кстати, кухонный нож оказался весьма удобным орудием, — заметил Уоттс, — но будь у него что-то менее подходящее, он все равно работал бы со знанием дела. И чрезвычайно хладнокровно — судя по тому, как аккуратно все прибрал.

Фрэнк согласился и с этим.

— Девочка что-нибудь рассказала?

— Нет. Похоже, и не расскажет. Последствия шока оказались куда как серьезные. Вдобавок вы знаете, что она серьезно больна. Мать, кстати сказать, страдала тем же. Мы пытаемся установить, откуда приехала стриптизерша, но пока выяснили — за полгода она сменила несколько штатов. Иногда подрабатывала проституцией, документы — фальшивые.

— А что по поводу убийства думают в группе?

— Что ваши предположения верны. Убийца находится под воздействием какого-то внешнего фактора, вызывающего быстрый аффект. Он абсолютно не контролирует себя.

— А еще что думают в группе?

Уоттс теперь выглядел как главный тренер международной сборной, приветствующий только что пришедшего в команду знаменитого игрока. Они испытывали друг к другу уважение и растущую симпатию.

— А еще в группе думают, что вы, мистер Блэк, подходите для этого задания. И будете прекрасным дополнением к группе. Все наши ресурсы в вашем распоряжении.

Фрэнк кивнул, принимая скрытое в этих словах поздравление.

Уоттс прощально поднял руку и направился к своей машине.

Фрэнк ответно взмахнул рукой, дождался, пока автомобиль новоявленного соратника вывернул на магистраль. Затем подобрал утреннюю газету, завернутую в защитную пленку, и вошел в дом.

В доме — темно.

Он осторожно пробрался через вестибюль, все еще загроможденный пустыми коробками, ожидавшими отправления в пункт утилизации. Прошел на кухню.

Сладкий аромат коричневого сахара перебывал запахи свежей краски и древесной стружки. Как же, как же! Утром перед школой Джордан упрашивала мать испечь любимое лакомство — «смеющихся болванчиков». Кэтрин ей обещала. Теперь они, «болванчики», аккуратной кучкой лежали на кухонном столе, бережно укрытые чистым полотенцем.

Фрэнк приподнял край, достал одно печенье и проглотил его в один присест. Потом взял еще одно — для ровного счета и налил себе стакан молока. Глянул в окно на соседский участок. Как бишь зовут соседа? Мерedit, Джек Мерedit. Вроде неплохой человек. Может быть, у него есть внуки, ровесники Джордан. Это было бы хорошо. Не забыть выяснить у Кэтрин, говорила ли она с Мерeditом или его женой по поводу обеда. Он поставил стакан в мойку, подцепил еще одно печенье и направился в спальню.

Свет в спальне был выключен. Кэтрин лежала под одеялом, отвернувшись к стене. Он вслушался в ровное дыхание — спит или нет?

Не спит.

— Кто это был? — спросила, не поворачиваясь и не включая свет.

Фрэнк неловко сунул полученный сверток под мышку.

— Уоттс.

— Какой-такой Уоттс?

— Питер Уоттс. Передал мне кое-что.

— Что — кое-что?

— Да так, информацию.

— Он стоял у дома целый час. Мог бы зайти.

— Вероятно, не хотел тебя беспокоить. Природная деликатность.

Кэтрин резко села на постели, откинув одеяло:

— Я как-нибудь стерплю, когда меня беспокоят, Фрэнк! Но чего не могу стерпеть, это когда от меня что-то скрывают.

Да-а, тема не нова, не нова тема.

Он присел на краешек кровати:

— Я ничего не скрываю, Кэтрин. Я всегда готов рассказать тебе все что захочешь. Ты ведь знаешь.

— Думаешь, что защищаешь меня, Фрэнк. Но ты только делаешь все еще хуже! — та-ак, вот и слеза задрожала в голосе. Гнева нет, но — слеза. — Ты не можешь спрятать меня от ок-

ружающего мира. Ты не можешь требовать, чтобы я делала вид, будто не знаю, чем ты занимаешься.

Фрэнк дотянулся до тумбочки, положил на нее сверток и нагнулся к жене, нежно погладив ее руку:

— Все делают вид. Все притворяются. Мы тоже притворяемся. Люди, за которыми я охочусь, — они заставляют нас притворяться.

— Ты не прав. Так нельзя. У нас растет дочь, Фрэнк. Окружающий мир подступает все ближе, и ты не можешь этого остановить, даже если очень захочешь.

Он притянул ее к себе и поцеловал в лоб:

— А ты представь себе, что могу. Ну, пожалуйста. Хотя бы на эту ночь и еще завтрашний день. А потом мы снова что-нибудь придумаем. Случается только то, чего мы боимся по-настоящему. Поэтому ничего не бойся, Кэтрин. Я сумею защитить тебя и Джордан. Вы за моей спиной. Я не дам вас в обиду.

Кэтрин по-детски, жалобно, прильнула к нему. Он крепко обнял ее.

...И спустя минуты им действительно стало казаться, что они одни во всей Вселенной.

14

Г л а в а

Наконец она уснула...

Фрэнк поцеловал жену в щеку, поправил одеяло у нее на плечах. И поднялся.

Заглянул в комнату дочери. Джордан раскинулась в своей кроватке — уменьшенная копия матери. На коленке — свежая ссадина. Сорванец в юбке. За ней нужен глаз да глаз. То и дело попадает в передряги. Фрэнк утишил свое дыхание, чтобы слышать ее, — привычка, порожденная чередой тревожных бессонных ночей, когда казалось, что рассвет никогда не наступит. Затем он взял с тумбочки в спальне оставленный коричневый сверток и спустился вниз.

Тиканье часов в гостиной и спорадическое пощелкивание свежих досок на ступеньках лестницы. Он утянул с подноса в кухне

еще несколько печений, еще налил себе молока. Прихватил с собой свежую газету, сдернув с нее пластиковую обертку, и спустился в подвал, по пути проглядывая заголовки.

Подвал...

В одном углу — монотонно жужжащий осушитель воздуха.

В другом — булькающий новый паровой котел.

По центру — недостроенная стена из толстых брусьев, отмечающая границы его будущего кабинета. Здесь Фрэнк временно расквартировал свой штаб.

Квадратный кусок старого ковра на голом бетонном полу.

Пружинный, обитый тканью стул.

Несколько узких столов с оргтехникой — принтеры, факс, телефон, телевизор, видеомагнитофон.

Ряд книжных полок, вмещавших словари, большую энциклопедию, «справочник врача»...

На доске, прибитой к балкам стены, приколплены фотографии и вырезки из газет, относящиеся к убийству Пандемии.

Поверх отреставрированного дубового письменного стола — пентиум.

Фрэнк включил блок питания, и монитор засветился. Рядом — сканер и устройство для видеозаписи.

Фрэнк надел очки для чтения, лежавшие у монитора. Смахнул в сторону валявшиеся

на столе бумаги, водрузил на их место полученный от Питера Уоттса пакет. Щелкнул «мышкой» по одной из виртуальных папок.

Возникло окно с мерцающими буквами: Миллениум.

СВЯЗЬ С ГРУППОЙ «МИЛЛЕНИУМ».

Внутри — еще несколько папок.

В них — еще.

Бесконечное количество разветвленной и наработанной за многие годы информации.

Архив, фотографии, картотека.

Наиболее громкие, но подчас не раскрытые для широкой общественности преступления века.

Обширное досье на все тайные общества.

Имена самых «дорогих» преступников, разыскиваемых ФБР...

Он машинально щелкнул по последней папке. Вот она, горячая десятка. Молодые, старые, рядом с каждым — значок доллара и цена вознаграждения, объявленная за поимку.

К примеру, гроза Бостона — Джеймс Дж. Балгер. Особых примет нет. Типичная внешность. Один из лидеров организованной преступности Бостона. Отлично владеет ножом. На его совести не одно хладнокровное убийство. В свободное от жесткого бизнеса время посещает городские библиотеки, так как увлекается мировой историей. У Балгера большое сердце, поэтому он не пьет, не курит и регулярно занимается в оздоровительных клубах.

За его седовласую голову ФБР согласно выдать чек на 250 тысяч долларов.

Намного меньше Бюро предложило за убийцу одного из своих сотрудников — мексиканца Августина Васкеза-Мендоза. Всего 50 тысяч. Негусто.

Столько же дают за Джеймса Чарльза Коппа, родившегося в Пасадене, штат Калифорния. 23 октября 1998 года Копп лишил жизни и одновременно доходов руководителя легального абортария штата Нью-Йорк. С тех пор его след теряется. Сразу после этого преступления в группе кто-то пошутил, что, занимаясь жертва нелегальным бизнесом, на поступок Коппа посмотрели бы сквозь пальцы. К тому времени как раз поднялась очередная волна против аборт, так что Копп имел все шансы стать национальным героем. Не стал...

А вот очаровательный молодой человек. Любимец женщин. Светлые волосы, голубые глаза, мягкая интеллигентная улыбка. Чарльз Ломброзо, увидев это спокойное и доброе лицо, дал бы ему отменную характеристику и, как всегда, ошибся бы. Эрик Роберт Рудольф. Родился 19 сентября 1966 года в Меррит-Исланд, Флорида. Особых примет нет. Несколько лет разыскивается в связи со взрывом клиники здоровья в Бирмингеме, штат Алабама, со взрывом на олимпиаде в Атланте, с двойным взрывом в штабе строительного профсоюза все в той же Алабаме. Сумма

вознаграждения впечатляет — один миллион долларов.

Больше просят только за Усама Бен Ладена.

Так что же грозит преступникам, если, конечно, их обнаружат? Смертная казнь. Смертная казнь. Она существует столько же, сколько и дебаты о ее допустимости. Является ли смертная казнь высшей формой наказания? И что вообще можно считать высшей формой наказания? Кто выносит истинный приговор — Бог, суд или отдельный человек? Сложный философский вопрос. Кант, например, уверяет, что смертная казнь — не просто справедливое, но, в ряде случаев, и *наилучшее* наказание, особенно в применении к убийцам и к лицам, виновным в преступлениях против государства. Вольтер, напротив, выступал за отказ от смертной казни, «кроме одного случая, когда нет иного способа спасти жизнь большого числа людей, когда убивают и бешеную собаку».

Сколько их, этих бешеных собак? К примеру, Француз — это бешеная собака или нет?

Сторонником смертной казни был Гегель, считавший, что наказание есть право, «положенное в самом преступнике, то есть в его наличной сущей воле, в его поступке. Ибо в его поступке, как поступке разумного существа, заключено, что он нечто всеобщее, что им устанавливается закон, который преступник в

этом поступке признал для себя, под который он, следовательно, может быть подведен, как под свое право... Ибо так как жизнь составляет наличное бытие во всем его объеме, то наказание за убийство не может заключаться в некоей ценности, которой не существует, но также должно состоять только в лишении жизни».

Другие, напротив, всю жизнь боролись против смертной казни. Фрэнк вспомнил высказывание Камю, которое они заучивали в колледже: «Что же тогда смертная казнь, как не преднамеренное из убийств, с которым не сравнится никакое деяние преступника, каким бы преднамеренным оно ни было? Чтобы можно было поставить между ними знак равенства, смертной казни необходимо было бы подвергать преступника, предупредившего свою жертву о том, когда именно он предаст ее ужасной участи, и с этого же момента поместившего жертву на месяцы в заключение. Но такое чудовище в обычной жизни не встречается».

Но рассуждать о том, что негуманно предавать смерти преступника, можно лишь, когда это не коснулось лично тебя. Попробуй это сказать родителям, которые только что потеряли ребенка, мужу, рыдающему над телом жены. Попробуй это сказать в суде! Тебя линчуют. И будут правы, потому что бешеных собак надо пристреливать. Раскаяние? За свою жизнь Фрэнк посмотрелся столько, что уже

не верил в раскаяние. Разве Француз раскается? Нет, он убежден в своей правоте, как и всякий фанатик. Как и всякий, кто оправдывает собственное влечение божьей волей. Опять секс.

Фрэнк утомленно прикрыл глаза. Он не лукавил с Блетчером, говоря, что уже несколько лет занимается преступлениями, совершенными на сексуальной почве. Безусловно, международные террористы, члены банд, заслуживают справедливого наказания. И он совсем не против, чтобы те, кто их в конечном итоге отправит на электрический стул, получили бы за это денежное вознаграждение.

Однако наибольший ужас у обывателей всегда вызывают преступления, совершенные именно на сексуальной почве. Серийные. Трудность заключается в том, что имени маньяка не знает никто до тех пор, пока его не обнаружат. Обнаружить маньяка подчас очень не просто... Он припомнил нашумевшее дело в Вашингтоне, когда родители буквально обезумели от страха за своих детей. Припомнил расчлененные детские трупы. Серые от усталости лица полицейских, пытавшихся найти хотя бы одну зацепку. Вот тогда власти обратились к группе «Миллениум».

Группа оказала неоценимую помощь. И это не единичный случай. Не случайно время от времени в прессе появлялись пространные размышления газетчиков о больших затратах

США в области *пси-исследований*. Скептиков много, но голоса противников несколько поухили после удачного раскрытия дела йоркширского потрошителя в 1980 году, в котором принимали участие крупные американские экстрасенсы. Одной из них удалось назвать не только приблизительное место жительства маньяка, убивающего молодых женщин на протяжении нескольких лет, но и его имя и приметы. Все сошлось. Серийный убийца был арестован. Спустя пару лет нашлось еще одно дело для пси-специалистов. И они снова блестяще с ним справились. Потом началась негласная борьба с Советами — у кого лучше разработаны пси-факторы. Но в СССР эту область похоронили под железным занавесом. В США же она продолжала развиваться.

К середине 90-х научные пси-исследования, невзирая на повышенную секретность, если не процветали, то, по крайней мере, обрели второе дыхание. Пси-фактор стали использовать даже в сугубо практических целях — для обнаружения богатых месторождений. Но здесь он почему-то срабатывал редко. Однако, к счастью, в полицейских управлениях уже не раздражались гомерическим хохотом, когда поступало предложение пригласить экстрасенса. *Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.* Люди постепенно привыкали к тому, что с помощью подсознания иногда решаются самые запутанные

дела. Правда, иногда решаются бездоказательно, лишь на уровне интуиции. Американский закон, хоть и не самый гуманный в мире, но все же требует: аргументы и факты!

Фрэнк нередко задавался вопросом: почему лучше всего пси-фактор срабатывает тогда, когда пытаешься обнаружить серийного убийцу? И вскоре нашел ответ! Все беды человечества — в его подсознании. Сексуальная подоплека лежит почти в каждом преступлении. Никто не знает, когда взбунтуется его второе «я» и взбунтуется ли вообще. Однако в жизни даже самого благополучного и счастливого человека есть потаенные уголки, так называемые белые пятна. Зачастую обида, нанесенная ребенку в детстве раздраженной матерью, впоследствии перерастает в вереницу кровавых убийств. И поди вспомни тот день, с которого все началось. Нет, что ни говори, а старик Фрейд был во многом прав, хотя последователи и развратили учение о либидо, сведя все к примитивному сексуальному влечению. Но человеческая психика не ограничивается лишь сексом, она, скорее напоминает сложную разноцветную мозаику. Сегодня — этот кусочек идеально подходит к другому по форме и оттенку, а завтра — нет. Что-то происходит — резкое слово, эмоциональный толчок, запах, воспоминание — и все катится в тартарары. В каждом из нас есть черты и жертвы и преступ-

ника. Только одни люди почему-то становятся убийцами, а другие покорно ждут решения своей участи.

Но есть третьи, психологические оборотни, чей роковой дар может примерять на воспаленное сознание как личину маньяка, так и маску непосредственной жертвы. По очереди. Таким оборотнем был Фрэнк...

Его не зря называли легендой ФБР. Со стороны казалось, будто он щелкал нераскрытые дела, как орешки, виртуозно выслеживал преступников, получал очередное повышение и вновь и вновь разгадывал тайны следствия. Но это казалось со стороны. Только сам Фрэнк и Кэтрин знали, чего стоили ему уникальные способности, что значило для него проникать в мозг убийцы, превращаясь на время в слепой ужас. Он непроизвольно вздрогнул, вспомнив бурые пятна на подушке после очередного сна-видения. Кровь вместо слез.

Что бы ему ни говорили, но та же сексуальная подоплека кроется и во всех религиозных сектах. Основополагающий закон всех религиозных сект — так называемый «принцип стерильности». Для адепта не существует и не может существовать всего того, чего он в силу различных причин не способен понять. Все непонятное, как изначально зараженное «еретическим ядом», должно без всякого сожаления отбрасываться. Но именно поэтому

в больном мозгу члена секты могут спокойно уживаться два совершенно противоположных утверждения. Техниккой манипуляции многие из лидеров сект владеют в совершенстве. Им достаточно громко объявить о ложности ранее проповедуемого ими же самими религиозного догмата, чтобы все сектанты также громко и дружно выкрикнули «Аминь».

Фрэнк раскрыл папку с досье на секты. В поступках Француза, безусловно, есть некий религиозный подтекст. Может быть, он член одной из сект, этого уродливого, но все же живого организма. Каждая секта постоянно извергает из себя человеческий шлак. Тех, кого она сама окончательно духовно изуродовала. Люди-отбросы к моменту своей духовной смерти, как правило, уже утрачивают все социальные связи и ориентацию и поэтому становятся абсолютно ни на что не пригодны. С них даже взносов не получить. Поэтому от них всегда стараются избавляться. Человека можно привязать властью, деньгами, сексом, его можно привязать жаждой крови. В некоторых организациях он все это получает сполна.

Достаточно вспомнить последователей культа индийской богини Кали — тагов. Историки предполагают, что, по самым скромным подсчетам, это тайное общество в угоду своей богине уничтожило более миллиона человек. Все захваченные британцами таги при-

знавались в убийствах и не скрывали своих подвигов. Так, сто лет назад, один из приговоренных к казни заявил, что собственноручно удавил 931 человека. Официально — секта уничтожена. Однако в некоторых провинциях Индии, по некоторым данным, это сообщество действует и поныне.

Фрэнк саркастически хмыкнул. Еще бы ей не действовать! И не только в Индии. Религия не терпит географических расстояний. Два года назад в одном из городков штата Монтана стали исчезать молодые мужчины. Потом находили их расчлененные тела. Позже выяснилось, что все жертвы быстро и профессионально удушены шнурком. Экспертиза показала, что шнурок был натерт маслом и окроплен неуточненной жидкостью. В Индии с помощью таких шнурков члены тайного братства тагов приговаривали к смерти случайных путников. Как бы искореняли зло, на самом деле исполняя древний языческий обряд жертвоприношения.

Если бы не Фрэнк, убийцу никогда бы не нашли. Им оказался молодой парнишка лет семнадцати, служивший в местной гостинице посыльным. Он искренне верил в то, что, если человека во время жертвоприношения не умертвить, то из каждой капли его крови обязательно появится демон. В комнате молодого тага полиция обнаружила статую индийской богини смерти — Дурга, или Кали. На шее

Кали висело ожерелье из черепов, в двух руках — отрубленные человеческие головы. Две другие руки держали меч и жертвенный нож — кхадгу. Выразительной была и физиономия богини с широко разинутым ртом, свисающим языком, окрашенным кровью расчлененных жертв. Молодой таг оказался разговорчивым. Сверкая темными глазами фанатика, он подробно рассказывал Фрэнку о том, как убивал.

— Почему ты убивал только мужчин? — спросил тогда Фрэнк.

— Кали не разрешает трогать женщин и детей. Нельзя также убивать и больных и прокаженных, потому что те сами обречены. Она берет в жертву только мужчин. Она их любит.

После удушения, во время которого таг читал специальный наговор, привлекавший внимание богини Кали: «Кали! Кали! Богиня смерти! Железная богиня-людоедка! Рви зубами моего врага, выпей его кровь, победи его, мать Кали!» — он относил жертву в потайное место. И производил над ней жестокие и кровавые экзекуции. Выкалывал глаза, разрезал тело на части.

— Зачем?

В ответе арестованного удивительным образом переплелись европейский и восточный взгляды на проблему убийства. Новая философия нового поколения.

— Расчленение затрудняло опознание убитых, но главное, так было угодно богине.

Фрэнк не нашелся что ответить. Мальчик ни о чем не жалел, разве что его богиня осталась недовольна. Слишком мало людей он убил. Всего десять человек. Когда Блэк уходил, юный убийца вдруг сказал:

— А знаете, что мне больше всего при этом нравилось? Они были готовы на все, чтобы остаться жить. Даже заняться со мною любовью. И я иногда это пробовал. Кали была довольна...

И таких случаев в жизни Фрэнка было немало. Каждый из преступников решался на убийство, руководствуясь собственными мотивами и представлениями о ценности человеческой жизни. Однако гибель Пандемии действительно была особой. Блэк чувствовал, что в пакете, который ему принес Питер, находилась ниточка, дернув за которую, можно было бы раскрутить весь клубок.

Словно старый курильщик, хрипло заперхал модем, набирая номер. Убедившись в том, что соединение установлено, Фрэнк взял пакет и осторожно вскрыл, высыпав на стол его содержимое: фотографии, аудиокассета, видеокассета, факсы и несколько страниц печатного текста.

На мониторе высветилось всего два слова:
ПРИВЕТ, ФРЭНК

Ну-ну. И вам того же! Как говорится, давно не виделись.

Фрэнк вставил видеокассету в плейер. Развернул стул таким образом, чтобы видеть телеэкран, положил на колени блокнот. Взял в одну руку пульт дистанционного управления, а в другую — авторучку.

На экране проявились крупнозернистые черно-белые мерцающие изображения.

Фрэнк нахмурился: качество записи на редкость отвратительное! Не сразу и разберешь, что к чему.

Ага! Запись сделана камерой скрытого наблюдения в кабине «Рубинового коготка». Вид сверху, под большим углом — оттуда, где, собственно, и находилась камера. Справа на экране тускло мерцала некая наклонная поверхность — очевидно, стеклянная перегородка. За ней едва просматривалась темная фигура девушки. Соблазнительный танец превратился в едва различимые из-за помех блики на заднем плане. Большая часть экрана занята тенью, склоненной к стеклу. При пристальном рассмотрении и нескольких стоп-кадров тень — это силуэт мужчины в профиль. Черты лица почти полностью скрыты надвинутой на лоб бейсбольной кепкой. Сквозь ритмичную музыку, гремевшую из колонок, Фрэнку удалось различить и другой звук — мужской голос настойчиво шептал Пандемии какие-то слова.

Фрэнк придвинулся вплотную к экрану, перемотал пленку и пустил запись с начала.

Вслушиваясь и вслушиваясь, вглядываясь и вглядываясь.

...Кровавый занимается прилив... Кровавый поднимается прилив... И рождество... И торжество невинности...

«И торжество невинности»... Он застыл, пытаясь вспомнить. Очень знакомая фраза. Где же он ее слышал? Остановил видеозапись, прекратил писать. Слова о невинности эхом откликались в его памяти. Фрэнк закусил губу, повернулся к полке с книгами, потянул за корешок «Знакомые цитаты» Бартлетта. Открыв объемистый фолиант в самом конце, быстро пролистал, пока не наткнулся на:

Торжество, различные торжества, различающиеся по характеру, с. 101а : торжество невинности, с. 882а

Так! Страница 882. Ну?

«Второе пришествие» Йейтса, смутно знакомое со времен изучения английского в колледже:

«Сокольниковый никак не докричится, До сокола, взмывающего ввысь, Все выше, выше, выше по спирали; Нарушена былая связь вещей; Анархия открыто правит миром; Кровавый поднимается прилив, И торжество невинности в крови Повсюду тонет...»

Он пробежал глазами до конца стихотворения, остановившись на финальных строках:

«И что за грубый зверь, чей пробил час, Торопится родиться в Вифлееме?»

Вот оно! Точка отсчета!

«Страшная чума в городе у моря», — тем временем все громче кричал хриплый голос Француза. — «Живые брошены в озеро, горящее огнем и серою»...

Фрэнк захлопнул книгу и задумчиво посмотрел на приклепленные к стенду малоаппетитные фотографии. Снимки с места преступления, на которых запечатлены отдельные фрагменты изуродованного тела: вывернутая нога, скрещенные на окровавленной груди руки с отрезанными пальцами, отрезанные, спутанные пряди волос. Черный след на ковре... Видимо, мерзавец просто взял женскую голову за длинные волосы и потащил к выходу. И уже рядом с дверью положил ее в сумку. На трех висевших в ряд фотографиях — крупным планом фрагмент, покрытой синяками и пятнами крови, бледной плоти, принадлежавший непонятно к какой части тела. На одном из трех снимков, в центре круга, жирно обведенного красным маркером, отчетливое маленькое черное пятнышко.

«Но я обнаружил след от укола на внутренней стороне бедра...» — Питер Уоттс.

Что же случилось, Пандемия? Почему ты впустила его в дом? Кто сделал укол — ты или он? Почему он выбрал ТЕБЯ?

Фрэнк порывисто схватил пульт и вновь включил запись. Прислушиваясь к искаженному звуку, он взял стопку фотографий, ле-

жавшую подле клавиатуры, и еще раз просмотрел их, надеясь все-таки увидеть нечто. Нечто, помимо крови и обугленной плоти.

«Страшная чума в городе у моря», — зывал голос на пленке. — «Живые брошены в озеро, горящее огнем и серою»...

Итак, фотоснимки с места преступления, где он побывал сегодня утром. Развороченная листва. Мужские следы. Развороченная земля. Гроб. Крышка гроба, на которой, словно предупреждение, нацарапано одно-единственное слово:

PESTE

Все правильно! Цепь почти замкнулась!

Он отложил фотографии, перемотал кассету и просмотрел ее в последний раз.

Когда пленка закончилась, набрал на пентiumе несколько команд, нажал клавишу «ВВОД».

Рядом с мигающим курсором появились слова: «ПЕРЕДАЧА ВИДЕОИЗОБРАЖЕНИЙ».

Он набрал еще строку: «ПЕРЕДАЧА GIF ФАЙЛОВ — ФОТОГРАФИИ С МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ».

Затем — к сканеру. Снимки один за другим — под крышку аппарата, ослепительно вспыхивавшего при сканировании. Один за другим, один за другим... Наконец фотография крышки гроба...

Вот оно. Стоп! Вот оно. Страшная чума... Пандемия с дочерью были изначально обречены.

Это показал анализ крови. Чума. Наркотики... Нет, наркотики в данном случае ни при чем... Что еще? Господи, ну конечно! Как же он раньше не догадался!

Фрэнк достал газету, которую принес с собой, развернул на первой странице и прочел заголовок, пытаясь справиться с растущим возбуждением:

ПОЛИЦИЯ ПРИНИМАЕТ МЕРЫ ДЛЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ РАЗВРАТА

И фото местности, где, по сообщениям анонимных свидетелей, прошлой ночью в последний раз видели убитого. Участок леса у основания моста. В самом углу — бетонная опора, поперек которой ядовито-желтой краской из пульверизатора намалевано одно-единственное слово:

PESTE

15

Г Л А В А

Общество не любит гомосексуалистов. Оно их презирает. Это трюизм. И, как всякий трюизм, обсуждению не подлежит.

Гомосексуалистам приписывают все известные в мире грехи: кражи и убийства, похоть, наркотики, совращение малолетних. Голубые — изгои, и ни слова об эстетике этого сексуального меньшинства, их неоценимого вклада в искусство и безусловного влияния на современную жизнь.

Данные тезисы спокойно принимаются до той поры, пока не сталкиваешься с одним из представителей голубой молодежи. Неважно где. На вечеринке, на улице, в парке или даже офисе: «Вы не выпьете со мной стаканчик виски, сэр! Ой, вы та-акой брутальный!»

Какой будет реакция на столь вежливое приглашение?

Первая реакция — отнюдь не благодарность за возможность приобщиться к тайнам великих и избранных, первая реакция — кулак в рафинадные зубы. Брезгливость, отвращение.

Вот парадокс: к любви двух женщин то же общество относится более благожелательно. Что возьмешь с глупых созданий? Встретились, потерлись друг о друга, поболтали и разошлись. Да, лесби социум воспринимает если не положительно, то нейтрально. Однако мужчина, облаченный в узкие бархатные штаны, с подкрашенными губами и томлением в голосе — у, про-о-тивный! — у нормально ориентированных соплеменников вызывает гадливость.

И сколько бы демократы ни кричали о праве каждого свободного человека любить кого ему вздумается, — общество все равно будет ненавидеть гомосексуалистов, невзирая на эмоциональные призывы быть снисходительными. Причем ненависть эта иррациональна. Она первобытна. Эта ненависть возникает спонтанно, явно, нарочито. Недаром даже президент США в свое время высказался довольно резко: «В нашей армии геев нет и никогда не будет. Я хочу, чтобы каждый солдат спокойно поворачивался спиной к товарищу, не опасаясь непредвиденных последствий с задней стороны».

Изредка газеты подкидывают новую информацию, разжигая новый костер неприязни и отвращения:

**ИЗВРАЩЕНЦЫ ИЗ ИНТЕРНЕТА!
ВИРТУАЛЬНЫЕ ГЕИ НАСТУПАЮТ!**

ВИЧ-инфицированный растлил ребенка!

Высокопоставленный деятель от «Янкерс» и бывший работник «Пепсико», носитель ВИЧ, обвинены в двух несвязанных секс-нападениях на пятнадцатилетнего мальчика из Бостона, с которым они познакомились в Интернете. Большому деятелю «Янкерс» Джорджу Баллоку, 42-х лет, светит четыре года тюрьмы, но пока он — на руководящем посту. Второго, 45-летнего Винсента Камерона, обвиняют еще в одном преступлении. Камерон содомизировал мальчика, не предупредив его о том, что заражен. Во время сексуального контакта Камерон не использовал средств предохранения. Теперь ему грозит до семи лет тюрьмы.

Оба мужчины не признают своей вины, однако при очной ставке юноша подтвердил эти вопиющие факты. Они познакомились с мальчиком в «чат-рум» — виртуальной комнате для общения в Интернете. Они были выслежены полицейским наблюдателем бесед по Интернету (оказывается, существует и такой!) в ходе поиска других извращенцев. Недавно там же был пойман некто

Рэй Беллоу, тоже из «Янкерс», который подобрал через Интернет и предал растлению девятерых мальчиков. На Беллоу «висит» и одно убийство 12-летнего парнишки, чье полуразложившееся тело было недавно найдено в районе парка, где обычно встречаются гомосексуалисты.

Прокурор Бостона предупреждает, что Интернет дает удобную возможность для быстрого, анонимного и близкого знакомства с доверчивыми детьми. Дети не должны давать своих имен и адресов любому, с кем общаются по Интернету, и не соглашаться даже на одну реальную встречу, если не хотят неприятностей.

Однако возникает вопрос: доколе это будет продолжаться? Почему мы не можем защитить наших собственных детей от растления?!

Комментарии?

Без комментариев.

Сиэтл — не исключение. Педерастов здесь также ни на дух не выносят. Единственное место, где они могли собираться, — Волонтир-Парк, печально известный с начала 1970-х. Штаб сторонников нетрадиционной любви. Только в Парке старые и молодые геи встречались, общались, открыто занимались сексом и не испытывали по этому поводу никаких угрызений совести и страха. Другие

граждане здесь и не появлялись. Всякое может случиться, пока идешь по дорожкам навстречу неизвестности. Да, раньше здесь ужаса не испытывали. Он появился совсем недавно. Геи ощущали его интуитивно, как звери, на которых ни с того ни с сего началась охота. Один за другим исчезали вчерашние знакомые и любовники. Их трупы находили на окраинах Волонтир-Парка. Страшно? Страшно! Может быть поэтому желающих рискнуть собственной жизнью становилось все меньше и меньше. Голубые мальчики прятались по квартирам, желая пересидеть грозу. Любовь любовью, а пожить еще хочется. Очень хочется.

Как и всякий полицейский, Фрэнк слышал про Волонтир-Парк, но он никогда не бывал там ночью. Днем, да, случалось. Когда полицию вызвали, чтобы разнять очередную драку. Геи очень ревнивы и непредсказуемы. Он с трудом сдерживал омерзение от помойки, в которую превратилось это место. И использованные презервативы, окровавленные шприцы, обрывки непристойных картинок и зеленые потеки рвоты. Недаром его бывший напарник, добропорядочный муж и отец, каждый раз начинал грязно ругаться, когда они проезжали мимо Волонтир-Парка. За прошедшие годы парк стал еще гаже и сумрачнее.

Теперь Фрэнк внимательно изучал дорогу, ведущую к парку. Дорогу, изрезанную колеями

и щедро посыпанную трещавшими под колесами «чероки» гравием и битым стеклом.

Все вокруг выглядело заброшенным, между стволами чахлых деревьев клубился туман, а с высоких елей свисали клочья лишайника. Повсюду — разбитые бутылки и раздавленные пивные банки. Словно порождение ночного кошмара, из темноты проступила монолитная тень моста — огромная, темная, карающая длань. Под мостом расстился унылый лесной массив. Идеальное место для свиданий. Настоящая романтика! Правда, романтика не для слабонервных.

Лес не был безлюдным. Отнюдь. Вдоль узкой дороги извивалась плотная вереница автомобилей, из-за чего проезд к центру плотских наслаждений становился еще более рискованным мероприятием.

Фрэнк сбросил скорость, стиснутый со всех сторон машинами, которые по скорости могли поспорить разве что с черепахой.

Люди, сидевшие в салонах, бросали на него оценивающие взгляды.

Эх, кто на новенького?

Все! Все на новенького! Парень, ведь ты не на экскурсию сюда приехал? Муж-чи-на, не хотите расслабиться?

Похоже, желающих составить Блэку компанию на сегодняшний вечер нашлось бы немало. Каждый на свой манер оказывал ему знаки внимания. Вдруг клонет?

И-не клюнул. Обидно, да?

В конце концов Фрэнк нашел место, где можно припарковаться. Застегнув молнию на куртке, вышел из машины.

Пар, вырывавшийся изо рта белым облаком, тут же смешался с поднимавшимся от земли холодным туманом. Сверху, с моста, доносился тяжелый гул транспорта. Вокруг раздавались мужские голоса, приглушенные окрики, взрывы хриплого смеха.

Фрэнк осторожно переступил через ограждение и направился в глубину леса. Поплутав, он вышел на велосипедную дорожку, где бродило множество мужчин и юношей — поодиночке, парами, группами из трех-четырех человек. Сталкиваясь с Фрэнком, они мысленно ощупывали его: хорош, ох как он хорош! Но, поймав взгляд, цепкий, независимый и мужской, мгновенно отступали с тропинки в спасительную чащу леса. От греха подальше. Он не принадлежал к их сообществу. Он вообще никому не принадлежал, за исключением себя и той цели, которая его сюда привела.

Спустя четверть часа Фрэнк нашел то, что искал: широкую, утопанную тропинку. Она пролежала вдоль крутого берега по направлению к мосту. Он наполовину шел, наполовину бежал вверх по склону, не обращая внимания на удивленные, а иногда и откровенно враждебные взгляды псевдомужчин, привыкших вести себя в этих местах несколько иначе.

У гранитного основания моста собралось несколько молодых людей. В зазывных непристойных позах они дожидались, когда из окружающей темноты вынырнет очередная тень. Тень человека, желающего развлечься. Вспышки спичек и зажигалок, голубоватое мерцание бутылочного стекла. Дым марихуаны смешивался с ароматом дорогого одеколona, кисловатым запахом пота и разгоряченной плоти.

Фрэнк с трудом сдерживал приступ брезгливой злости. Хотелось схватить одного из мальчишек — такого юного, что поздний час нагонял на него зевоту, еще не испорченного пороком и наркотиками, — и крикнуть ему: «Ты что, сдурел? Что ты делаешь? Зачем?!»

Воистину, похоть остается похотью даже под тяжестью зверского убийства. Каждый сюда приходящий самонадеянно думает: это может случиться с другими, а я — заговоренный, меня уж точно минует чаша сия.

Господи, да чем заговоренный?! Серийный убийца, как правило, выбирает жертв спонтанно: 'От него трудно ожидать извращенной справедливости. Перед тем как выйти на очередную охоту, он не будет взвешивать на весах мироздания человеческие грехи и добрые поступки, наблюдая, что из них перевесит. Не будет. Да и не Бог он, чтобы решать.

Похоть остается похотью. Зверское преступление лишь обостряет ее и без того мер-

зкий вкус. Фрэнк вспомнил, о чем они с Кэтрин говорили всего несколько часов назад: все притворяются. Мы все притворяемся.

Он на рефлекс шагнул к тому зевающему мальчику, истомившемуся в ожидании интимного приглашения. Блэку хотелось... ну-ну, ржущие и хихикающие, расслабьтесь!.. Блэку хотелось, сказано уже, хоть как-то предостеречь...

Ан юнец истолковал порыв иначе. В мгновение ока поза стала еще более вызывающей: он провел рукой по небольшой выпуклости под кожаным ремнем, умильно осклабился и кивнул по направлению к лесу.

Фрэнк отшатнулся.

Юнец недоуменно пожал плечами, автоматически занимая прежнюю позицию. Напудренное и покрашенное лицо казалось в темноте лицом фарфоровой куклы.

Притворяться. Делать вид, будто бы все в порядке. Но что дальше? Оттого, что ты закрываешь на реальный мир глаза, он не становится лучше. Мир таков, каков есть. Твое дело — принимать его или не принимать.

Впрочем, кому нужны подобные сентенции на изломе ночи?

Гул транспорта становился все громче, все громче звучали голоса. Двое мужчин в строгих костюмах и дорогих плащах свободного покроя громко смеялись над какой-то пошлой шуткой. После тяжелого трудового дня можно

и отдохнуть. Главное, чтобы деловая репутация не пострадала. Они искоса окинули Фрэнка похотливыми взглядами, но на этот раз отвернулся сам Фрэнк.

Ноги заскользили по осыпающемуся склону, и он едва не потерял равновесия. Наконец вышел на вершину холма и перевел дыхание. Затем поднял голову и увидел то, что, собственно, и было целью спонтанного визита сюда, — ядовито-желтая надпись, плывущая высоко над размытыми тенями парка:

PESTE

Peste по-французски означает «чума» — еще один обрывок знаний, полученных когда-то в школе. Есть еще одно значение: «pestilence», это уже по-английски.

Кто обратил внимание на эту надпись? Так, чепуха, мало ли тут нацарапано всякой гадости. Но если бы нашелся знаток иностранных языков, то он сделал бы вполне очевидный вывод: обыкновенный бред какого-то религиозного фанатика, страдающего гомофобией. Фанатика, который на каждом углу кричит одно-единственное слово «педерасты», причем с французским акцентом.

Фрэнк не был ни знатоком, ни полиглотом, он даже не был полицейским. Но он чувствовал, что неизвестный ему религиозный фанатик задался страшной целью. Им, похоже, владела жажда убийства. А ее, как известно, можно утолить только одним — кровью. А

еще страхом. А еще криком. А еще предсмертной конвульсией.

Блэк снова прищурился, пристально глядя на одинокое слово на стене, до тех пор пока оно не начало расплываться. Пытаясь побороть внезапное головокружение, он заморгал. Отвернулся. Новая волна кошмара.

...Вокруг одни трупы. Медленно, они движутся прямо на него через залитое водой голое пространство. Спотыкаются, тянут к нему полуразложившиеся руки, но в последний момент растворяются в темноте, едва не заключив в объятия.

Позади деревья корчатся, словно от боли, и скребут по небу обнаженными ветвями. От деревьев и земли поднимаются клубы зеленых испарений.

Лицо Фрэнка искажается от нахлынувшего смрада нечистот и гниющей плоти. Он еще глубже засовывает руки в карманы и напряженно, точно в трансе, вглядывается в темноту.

Два человека идут к нему по тропинке, их движения неровные, прерывистые. Только когда они оказываются в нескольких шагах от него, Фрэнк различает обрывки плоти, свисающие с их лиц; кости рук, торчащие сквозь сожженную дочерна кожу на запястьях, — как обугленная бумага.

Задыхаясь от ужаса, он отступает на шаг назад. Потом еще на шаг.

Мертвецы не видят живого и неторопливо, как сомнамбулы, шествуют мимо. Изуродованные лица обращены к Фрэнку. Глаза их, зашитые тонкими хирургическими нитками. Разорванные уголки ртов. Шатаясь, нежить минует его, и Блэк с трудом переводит дух.

Что-то пульсирует внутри. Фрэнк не знает, что это: похоть, ярость, отвращение или неизъяснимый ужас, находящий свое отражение в трупах, бредущих сквозь проклятый лес. Он пытается дышать ровнее. Последним усилием заставляет собственное сердце биться ритмичнее, но, не выдержав, поворачивается вослед двум призрачным фигурам, растворяющимся в тумане ночи.

Тогда Фрэнк замечает *его*! Одинокая сгорбленная фигура, медленно, очень медленно бредущая по тропинке. Джинсы, неприметная спортивная куртка и темная бейсбольная кепка, надвинутая на лоб. Из-под козырька — маленькие, глубоко посаженные глаза, исподтишка оглядывающие все вокруг. *Он* тоже видит лесные трупы. В сбивчивом бормотании, которое и раньше донимало Фрэнка, теперь можно различить отдельные слова:

Кровавый поднимается прилив... И торжество невинности...

И снова жуткая картина. Горящий женский труп. Или не труп? Трупы безмолвны. А тут — крик, рвущий душу крик.

Пандемия? Вторник?

Нет, Пандемия.

Пока Блэк отмахивается от искр, другая человеческая фигура юркой змейкой прячется в тени, скрывая в темноте горькую усмешку. Мужчина в джинсах, темной куртке, бейсбольной кепке. Незаметный. Страшный. Жестокий.

Француз!

Фрэнк передернулся, стряхивая с себя клочья отступившего кошмара. Жадно глотнул воздуха запекшимся ртом. Прочь, видения! Реальность, сколь бы она поганой ни казалась, все равно лучше. М-м, реальнее... Парк, тьма, холод... Француз...

Француз! Фран-цуз! Здесь, в Волонтир-Парке, во тьме, в холоде. Не видение. Явь! Вот и не верь после этого в материализацию духов.

Я на зов явился!

Я звал тебя и рад, что вижу.

Дай руку.

Вот она...

Каким образом Француз узнал Фрэнка так же, как и Фрэнк узнал его?! Бог весть. Их глаза встретились, и между ними протянулась тонкая тугая нить. Словно двойники в зазеркалье — ага, Фрэнк и Француз, Француз и Фрэнк. Что в лоб, что по лбу. Лови отражение, впитывай каждую мелочь, каждую деталь.

Напряжение столь велико, что нить лопа-
ется черной струной, ударяя противников по
воспаленным зрачкам.

Француз разворачивается и бежит. Прочь.
Охотник становится жертвой. Роли меня-
ются.

Фрэнк устремился в погоню. Ветви хлес-
тали по лицу, он спотыкался о камни и битое
стекло. Фрэнк взбирался вверх по холму сле-
дом за тем, другим. Впереди раздались оскор-
бленные негодующие крики — Француз сбил
с ног кого-то, кто не успел убраться с его пути.
Прочь! Прочь, нежить!

Фрэнк по пятам следовал за ним сквозь
густые заросли терновника, не обращая вни-
мания на острые шипы, впивавшиеся в кожу
и разрывавшие ткань на рукавах куртки.

Очевидно, Француз знал здесь все тайные
тропки. Еще бы — это его территория, его зона.
Он лихо петлял, то бросался вверх по склону,
то исчезал из поля зрения, то вновь появлял-
ся. Словно дразнил преследователя, предла-
гая собственные правила игры. Вот он пере-
прыгнул через небольшой пешеходный мос-
тик и... споткнулся. Споткнулся!

Фрэнк рванул вперед, нагоняя и нагоняя.

Но преследуемый упруго вскочил на ноги,
взяв новый старт.

Теперь Француз был прямо под мостом.
Столпившиеся около бетонной опоры раскра-
шенные мужчины ошеломленно смотрели на

него. Часть из них предусмотрительно ретировалась в чащу леса.

Фрэнк мельком увидел спину Француза, упорно продиравшегося сквозь заросли как раз мимо последней из массивных бетонных опор. И — Француз исчез. Был и нету!

Фрэнк остановился, растерянно озираясь. Ага! Вот! Прямо над ним! На мосту! Успеть бы, господи, только бы успеть! Фрэнк не думал, что будет делать, когда догонит. Ни оружия, ни документов! Он также не владел никакими приемами восточных единоборств. Француз гораздо крупнее... Кто кого? Еще вопрос! Однако ответ — на потом. Сначала догнать и схватить.

Фрэнк выскочил наверх, перелез через перила моста и остановился на обочине шоссе. Мгновенно ослепил свет фар и фонарей, оглушил рев транспорта.

Француз бежал навстречу движению по узкой пешеходной дорожке.

Фрэнк рысью припустил следом. На галоп сил не осталось.

Француз оглянулся и... очертя голову кинулся в поток автомобилей, в самый центр. Яростно взревели гудки, завизжали тормоза.

Фрэнк замедлил бег, выискивая просвет в непрерывном потоке машин, а затем и сам ринулся на проезжую часть. М-да, с кем поведешься, так тебе и надо.

Француз уже лавировал между машинами на противоположной полосе. Фрэнк —

следом. Два идиота-камикадзе, решивших от нечего делать поиграть в кошки-мышки. Все бы ничего, если бы один из них не поставил на кон смерть. Чужую. И не одну. Впрочем, кроме них, об этом никто сейчас не знал.

Мост позади превратился в ревущий хаос: то там, то тут машины сворачивали в сторону, слышались гудки, крики, судорожные удары металла о металл. Водители орали. Тормоза визжали подколотой свиньей. Какой-то пикап, потеряв управление, вылетел на встречную полосу прямо перед носом у Фрэнка. Блэк, не удержав равновесия, покатился по асфальту, содрав кожу с ладоней. Пикапу удалось затормозить лишь в полудюйме от его лица. Прежде чем водитель успел прийти в себя, приткий прохожий был уже на ногах и мчался по разделительной полосе. Там он снова развил полную скорость, преследуя.

Француз времени не терял. Да и в смелке ему не откажешь. Он тоже выбежал на разделительную полосу и понесся вверх по мосту.

Фрэнку никак не удавалось догнать его.

И тут беглец опять устремился в поток транспорта. Вновь заревели сирены, зашипели шины, раздались проклятья. В суматохе Француз исчез из виду.

Машины начали тормозить, налетая друг на друга. Цепная реакция столкновений докатилась и до того места, где находился Фрэнк.

Пробираясь между остановившимися легко-
вушками и грузовиками, он перебежал на про-
тивоположную обочину дороги, остановился и
стал оглядываться, тщетно ища Француза. Вы-
ходи, игра еще не закончилась!

Исчез. Бесследно.

Фрэнк сплюнул и повернул назад. Проталкиваясь сквозь скопище гудящих машин, он пытался обнаружить хоть какой-нибудь след сбежавшего. Ничего. Вдруг какой-то муж-
чина вылез из грузовичка рядом с Фрэнком:

— Он прыгнул! Я видел его!

— Куда?!

Водитель указал на ограждение моста:

— Туда! Псих, ей богу! Сиганул вниз, че-
рез перила.

Фрэнк рванулся к ограждению. Псих и псих — итого два психа... Вцепившись в перила, он вперился вниз, в черный поток. Высоко. Очень высоко. Не смертельно, но достаточно опасно. Никакой здравомыслящий не стал бы прыгать — если, конечно, у него не было для того веских оснований.

Что ж, у Француза они были. А у Фрэн-
ка... Нет, все же он, Фрэнк Блэк, не псих.

Ни движения на темной воде. Вода и вода.

Фрэнк простоял еще несколько минут, не отрывая взгляда от бурного течения. Наконец сдался. Тело ныло от усталости, душа — от едва сдерживаемой ярости и разочарования. Упустил.

Побрел обратно через мост, сквозь гомонящую толпу водителей и пассажиров, скопище разбитых машин. Завывая, мимо пронеслась первая из спешащих к месту происшествия полицейских машин. Ее догоняли другие. Он дошел до ограждения, вяло перелез и направился через лес к оставленной машине.

А ведь тот, кого он искал, был совсем рядом. Фрэнк не мог разглядеть темную фигуру человека, висевшего на вытянутых руках под мостом. Человек вцепился в металлическую балку под пешеходной дорожкой и теперь раскачивался на ветру, словно темная тяжелая груша. Француз... Он следил сверху за одинокой фигурой, понуро бредущей по берегу прочь от моста — и ручеек крови стекал с разодранной ладони вниз по руке, пропадая за обшлагом разорванной куртки.

16

Г л а в а

Утро безжалостно. Оно всегда проявляет, как вы провели вечер накануне. Вечер, плавно переходящий в бессонную ночь. Проявляет ломотой в суставах, сухостью во рту, легкой тошнотой. Не от выпивки, от общей усталости. Как и всякий разумный организм, человеческое тело требует отдыха. Прошлой ночью тело Фрэнка такого отдыха не получило, поэтому, видимо, и решило немного побунтовать.

Он проснулся от шума дождя за окном. Зевнул, мельком посмотрев на будильник: 7:30. Постель рядом с ним пустовала — Кэтрин уже поднялась, дав ему возможность поспать подольше. Несколько минут он лежал в тишине, прислушиваясь к доносившимся снизу приглушенным звукам.

Джордан суетливо сновала взад и вперед, собираясь в школу.

Кэтрин накрывала стол к завтраку, сама она собиралась вскоре отправиться по делам.

Наконец он встал, отправился в ванную комнату. Там ожидал весьма неприятный сюрприз. Оказывается, что, помимо утра, безжалостным бывает и зеркало. Зеркало, в свою очередь, провело наглядную и очень жесткую агитацию с элементами пропаганды. Нечего бегать по ночам, разыскивая в лесу особо опасных преступников. Возраст уже не тот, Фрэнки! Стареешь! Фрэнк скорчил рожу своему отражению: а вот и нет! есть еще порох в пороховницах! Приняв душ, быстро оделся, затем спустился вниз, чтобы попрощаться с Джордан.

Та сидела за кухонным столом, лениво постукивая ногой по перекладине стула и жуя поджаренный хлеб — любимое блюдо на завтрак, если так можно назвать тост.

— Привет, папа!

Он чмокнул ее в щеку:

— Похоже, у тебя насморк.

— Угу, — кивнула Джордан и с надеждой посмотрела на мать — вдруг та разрешит остаться дома. В новой школе у девочки еще не было друзей, и она испытывала неловкость новичка, медленно вливающегося в чужой для себя коллектив.

— Директор школы говорит, что сейчас в городе ходит какая-то эпидемия: вчера не-

сколько детей не было на занятиях, — Кэтрин встала из-за стола. — Допивай сок, дорогая. Ты ведь не хочешь опоздать в школу в первую же неделю.

На лице дочери читалось именно это желание. Школа школой, но с родителями куда как интереснее. Тем более с началом школьных занятий автоматически отложился вопрос о щенке. Джордан боялась, что занятые ежедневными проблемами родители так и похоронят ее мечту о собаке. Ей очень хотелось остаться дома. Однако, получив дружеский щелчок по носу, Джордан покорно начала собирать рюкзачок.

— Я пошла! Пока-пока!

— Пока-пока!

Они с Кэтрин стояли в дверях, глядя, как их дочь идет к школьному автобусу. Ее розовый, как жевательная резинка, макинтош и такого же цвета зонтик ярко блестели под дождем. Автобус фыркнул облачком выхлопных газов и тронулся с места.

Кэтрин, поколебавшись, все-таки задала мучивший ее целый вопрос:

— Где ты был? Я проснулась в два, а тебя не было.

М-да, хочешь не хочешь, а придется сказать правду.

— Мне нужно было срочно съездить по одному делу. Не стал тебя будить. Ты так сладко спала.

— В два часа ночи? Срочное дело? Фрэнк, я думала, что мы вернулись сюда, чтобы избавиться от всего, что делало нашу жизнь постоянным кошмаром. Я думала, что когда мы переедем сюда, всему этому придет конец.

Фрэнк погладил ее по щеке:

— Знаю... Этому скоро придет конец. Обязательно. Обещаю.

Кэтрин вывернулась из объятий и вошла в дом. На минуту ей захотелось рассказать, что *та* машина вчера опять здесь была. Но... может быть, ей только показалось? У страха глаза велики.

Два часа спустя Фрэнк был в кабинете Боба Блетчера.

Хрестоматийная доска-табло донизу была исписана причудливыми фразами, обрывками стихов и отдельными словами с видеозаписи, которую принес Фрэнк.

Вокруг лейтенанта стояло более дюжины детективов и занятых в этом расследовании сотрудников других служб. Блетчер созвал их на совещание после того, как Фрэнк позвонил ему в середине ночи.

Рассказ о мужчине, которого Блэк преследовал на мосту, не произвел особого впечатления. Но все же Фрэнк уломал старшего детектива позволить ему публично рассказать о том, что знает. Блетчер неохотно согласился. Утром он обошел всех своих сотрудников.

Многие из них лишились теперь законного перерыва на чашечку кофе, а несколькими детективам, которые едва ли не круглосуточно работали над убийствами, пришлось даже оторваться от работы.

Неприятие Блетчером всей этой затеи усилилось еще больше. И не потому, что он сомневался в способностях и чутье Фрэнка (как-никак Боб — непосредственный свидетель блестящих расследований, которые сделали из Фрэнка легенду национального сыска). А именно потому, что он не сомневался. Блетчер хотел верить Фрэнку Блэку и даже на каком-то, возможно, подсознательном уровне знал, что верит ему. Абсолютно. Было что-то особенное в том, как Блэк заставлял собеседника фокусировать внимание на нужных деталях дела, выдвигать версии, которые потом и оказывались верными. Всего через пару минут собеседник, даже если и не был полностью согласен с Фрэнком, менял свое мнение. Фрэнк Блэк всегда был особенным. Не таким, как все. Он всегда оказывался прав. И это раздражало, выводило из себя других людей.

Фрэнк был профессионалом, асом, в его присутствии каждый чувствовал себя учеником мастера. Даже теперь, в наводненной людьми комнате, он выделялся из толпы — спокойный, стройный, мужественный человек. Он стоял немного в стороне и пристально

смотрел на доску. Казалось, что он обладал абсолютной плотностью существования, нежели остальные, в сравнении с ним все прочие казались бесплотными тенями.

Возмущенное фырканье, похожее на тьяканье шестимесечных щенят, вернуло Блетчера на землю. Он оглянулся и заметил, как пренебрежительно двое из его подчиненных смотрят на происходящее в центре комнаты. Они поглядывали на часы, демонстрируя чрезмерную занятость. Окрик Блетчера заставил их сесть на место.

Как раз в эту минуту Фрэнк направил пульт дистанционного управления на видеомонитор.

— Вот он!

На экране появилось большое и чрезвычайно зернистое изображение — масса черных и белых точек, которые при некотором визуальном напряжении складывались в мужской портрет, выполненный в импрессионистской манере. Скучное, поросячье лицо с расплывшимися чертами. На коже даже в импрессионистской трактовке экрана виднелись глубокие рубцы от прыщей. Тонкие губы медленно двигались, цедя редкие слова.

Фрэнк нажал на кнопку «Пауза». Изображение замерло. Он еще не включал звук. Блэк оглядел свою аудиторию: несколько агрессивно настроенных детективов, скрестивших руки на груди, лица скептиков. Скептик-полицейс-

кий — это уже серьезно, это почти неизлечимо. Преодолеть собственные стереотипы могут лишь немногие. Лишь у пары детективов на физиономиях читалась искренняя заинтересованность.

Эй, парень, покажи нам шоу, достань кролика из шляпы, открой дверь и представь маньяка.

Здравствуйте, я маньяк, дорогие мои! Браслеты на руки — и за решетку.

Вот это было бы настоящее шоу!

Но он не фокусник, хотя люди, собравшиеся здесь, упорно считали его шарлатаном, помешавшимся, к тому же, на мистике. В реальной жизни все они следовали удобному правилу: «Этого не может быть, потому что не может быть в принципе!». Преодолеть предубеждение оказалось непросто. Одно хорошо — его пока что слушали.

— Девицы из шоу называли его Французом, — начал Фрэнк, указывая на замершее изображение. — Он прижимал к стеклу листки со стихами на французском языке. Мне удалось увеличить изображение и усилить звук оригинала.

Изображение снова ожило. Голос Француза — глухой, искусственно усиленный голос, который скорее мог принадлежать роботу, а не человеку. Зато слова — четко:

— Я хочу увидеть, как ты танцуешь в кровавом приливе...

Фрэнк записывал следом за ним на доске:
**Я ХОЧУ УВИДЕТЬ, КАК ТЫ ТАНЦУ-
 ЕШЬ, ТАМ, ГДЕ КРОВАВЫЙ ПОДНИМА-
 ЕТСЯ ПРИЛИВ, И ТОРЖЕСТВО НЕВИН-
 НОСТИ В КРОВИ ПОВСЮДУ ТОНЕТ.**

И так далее, и так далее, и так далее...

Наконец остановил кассету. На него уставилась дюжина пар ошеломленных глаз.

Блетчер торжественно скрестил руки на груди. Сейчас он напоминал Будду в райском саду. Дородный, довольный весельчак, всего на несколько шагов приблизившийся к разгадке. Однако следовало указать Фрэнку место, чтобы тот не задавался. Впрочем, и собственный авторитет настойчиво требовал расстановки служебных акцентов. Босс — Блетчер. Фрэнк — добровольный, небесталаный помощник. Поэтому Боб сдержал эмоции:

— Что это значит? — спросил авторитарным, но отнюдь не враждебным тоном.

Фрэнк подчеркнул мелом некоторые слова:

— Это отрывок из стихотворения Уильяма Батлера Йейтса, оно называется «Второе пришествие».

Один-два человека утвердительно забормотали, услышав знакомое название. Сколько бы ни ругали американскую систему образования, она все же давала свои плоды. Даже спустя много лет после окончания колледжа. Даже в вопросах литературы, хотя, как извес-

тно, американская нация не является самой читающей в мире.

— Нарушена былая связь вещей. Анархия открыто правит миром. Кровавый поднимается прилив, и торжество невинности в крови повсюду тонет, — продекламировал Фрэнк.

Странные слова зацепились за рыхлое сознание людей. Заинтересованность полицейских стала явной, хотя сомнения в здравом рассудке Блэка у них не исчезли.

Фрэнк сознательно сделал паузу, чтобы все запомнили фразу. Затем добавил:

— Йейтс писал это об Апокалипсисе.

Он снова включил кассету, повернулся к доске и продолжил записывать то, что нарастев гнусавил Француз.

— ...и любодеев, и чародеев, и идолослужителей, и всех лжецов — участь в озере, горящем огнем и серою. Это — смерть вторая.

Блетчер исподтишка наблюдал за реакцией аудитории. Лица были сосредоточены, хотя и по-прежнему скептически.

Гибелхауз заерзал на стуле и нахмурился:

— Смерть вторая? Что за чертовщина?

Сидевший рядом с ним детектив Камм опередил Фрэнка:

— Это из Библии.

По его тону и выражению лица Блетчер заключил, что Камм, по крайней мере, не считал происходящее полным идиотизмом.

— Страшная чума в городе у моря, — Француз произносил слова нараспев, адским шепотом, — живые брошены в озеро, горящее огнем и серою...

Присутствующие интуитивно чувствовали, что Фрэнк не случайно так подробно остановился на поэтическом отрывке. Явно не из любви к искусству. В интонации Француза было что-то, внушающее первобытный страх. Страх, который испытывает разум, неожиданно столкнувшийся с безумием.

Когда запись закончилась, Фрэнк запустил кассету на перемотку.

— Это строки из Апокалипсиса: «И смерть и ад повержены в озеро огненное... Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов — участь в озере, горящем огнем и серою. Это — смерть вторая».

Блетчер уже не напоминал Будду. Он профессионально подобрался и напряженно слушал. Взгляды всех сидевших вокруг него тоже были направлены на Фрэнка. Теперь на смену недоверию пришел профессионализм. Детективы пытались уловить смысл действий преступника.

— И что он пытается этим сказать? — агрессивно встрял все тот же Гибелхауз.

— Он проповедует, — предположил Блетчер, пытаясь скрасить негативную реакцию своего подчиненного.

— Он пророчествует, — поправил Фрэнк. Гибелхауз вскинул голову. Тон его стал еще воинственнее: .

— Что пророчествует? Конец света?

Фрэнк мягко указал на две последние строки на доске:

— Великая чума в городе у моря... — сделал паузу, чтобы сказанное дошло до слушателей, а затем произнес по-французски: — *La grande peste de la cite maritime. Peste* — это слово было написано на крышке гроба.

Детективы непонимающе уставились на докладчика. Кое-кто забормотал, выражая откровенное недоверие. Слишком просто — списать все на безумие религиозного фанатика. Так не бывает. Должно существовать другое объяснение. Более обычное, понятное, простое.

— Эта фраза уже из Нострадамуса, — объяснил Фрэнк. — Французского пророка, писавшего о конце света еще в шестнадцатом веке. Он создал сотни строф — катрен, в которых предсказал многие события будущего. Большинство из них, по мнению исследователей, должно произойти в XX веке. Точнее, в конце XX века. Часть уже случилась. Эти пророчества сейчас очень популярны. Однако парадокс заключается в том, что их истинный смысл становится понятным только тогда, когда происходит очередная трагедия. Катастрофа, война, гибель знаменитых людей.

Детективы наморщили натруженные лбы, пытаясь уловить смысл.

Фрэнк почувствовал мстительное удовлетворение и решил дать дополнительную справку:

— Впервые книга «Пророчеств» увидела свет в 1555 году. Она состоит из двух частей: пары писем Мишеля Нострадамуса к сыну и королю Генриху II и рифмованных четверостиший — катренов, написанных на нескольких языках. Считается, что именно варварская смесь латыни, старофранцузского, итальянского и греческого языков и является секретом этой мудреной книги. Из-за многих неточностей написания, многочисленных переизданий, туманных полунамеков автора почти каждый катрен имеет двоякое, а то и множественное толкование. Вдобавок Нострадамус никогда не указывал в своих пророчествах дат, предпочитая обходиться лишь географическими названиями, именами и приблизительным описанием эпохи. В своем предисловии к книге Нострадамус писал: «Я мог бы прибавить к каждому четверостишию точное время, когда событие должно свершиться, но я это не сделаю. Кому приятно знать дату своего падения или смерти». Все четверостишия намеренно им перепутаны, возможно, это еще одна хитрость Нострадамуса, желавшего поставить будущих толкователей в интеллектуальный тупик. Судя по сохра-

нившимся документам, этот врач вообще был большим шутником и обожал давать людям различные головоломки и задачки для ума. Так, своему сыну Нострадамус оставил весьма своеобразное завещание не где-нибудь, а внутри восковой свечи. Возможность проникнуть в тайну француза существенно ограничивается и издержками перевода. При переводе смысл, который Нострадамус вкладывал в катрены, обычно теряется, поскольку большинство переводчиков предпочитают давать пророчества не в виде скрупулезного подстрочника, а — любительски рифмованных строк.

— Слушайте, а как он это делал, как он предсказывал будущее? — раздался голос из зала.

Фрэнк улыбнулся наивности вопроса.

— Перед смертью астролог раскрыл свой секрет. Он придерживался довольно известного в XVI веке гадания на магическом кристалле, иногда используя для этого прозрачный хрустальный шар, иногда серебряную чашу с родниковой водой. В полночь Нострадамус касался воды или шара жезлом чародея, шептал заклинания и погружался в транс, не отрывая взгляда от стеклянной поверхности. Спустя время вода или шар мутнели, и внутри появлялись видения будущего, порой очень четкие, порой — блеклые. Француз нередко терял сознание, не в силах созерцать

тех ужасов, которые должен был пережить мир. Сам Нострадамус считал, что его дар — не что иное, как божья милость, дарованная ему свыше, чтобы спасти человечество. То ли счастливое расположение звезд, то ли действительно божественная милость уберегли Нострадамуса от костра еретика. Церковь постоянно закрывала глаза на его оккультные опыты... Заметьте, девушки называли преступника Французом. Нострадамус также предпочитал это имя для себя. Не улавливаете связь?

Аудитория безмолвствовала.

— Кстати сказать, Нострадамусу удалось предсказать судьбы Марии-Антуанетты, Наполеона, семьи Романовых, Ленина. К числу его пророчеств относятся и предчувствие Французской и Октябрьской революций, Первой и Второй мировых войн, красного террора. И это только малое число загадок, которые можно считать раскрытыми. Он смог установить и дату грядущего Апокалипсиса. Это произойдет на стыке веков. Однако концу света будет предшествовать эпоха Благоденствия, эдакий рай для всех обездоленных и страждущих. Время без войн, экологических потрясений и политических смут. Увы, он продлится очень недолго. Нострадамус объясняет это тем, что люди психически и физически не могут находиться в состоянии покоя, и рано или поздно кто-нибудь обязательно захочет

глобальных перемен, которые и приведут человечество к катаклизму. Пророчества Нострадамуса — это своего рода предостережение, попытка предотвратить грядущие катастрофы. Возможно, кому-нибудь действительно удастся их вовремя расшифровать и тем самым избежать многих бед. Главное, чтобы не было поздно.

Выслушав спонтанную лекцию Блэка, все тот же Гибелхауз с наигранной убежденностью выдвинул антитезис:

— Ну да! Нострадамус, например, предсказал появление рэп-музыки. По крайней мере, все его катрены — очень хороший текст для рэпа. — И он в качестве примера начал отбивать ритм, цитируя «Ве-ли-кая чу-ма, оп-ля, оп-ля — в городе у моря».

Несколько человек нервозно рассмеялись, но большинство продолжали глядеть на Фрэнка со с трудом сдерживаемой враждебностью. Им казалось, что Фрэнк над ними издевается.

Блетчер нацепил маску «образцового копа». Эксперимент явно не удался, хотя они и получили возможность существенно поправить свое образование. Однако еще есть шанс все исправить.

— И ты думаешь, что убийца исполняет пророчество, взяв на себя миссию Нострадамуса? — спросил он, точно суфлер, подавая реплику Фрэнку.

Реплика принята. Спасибо, дружище!

— Страшная чума в городе у моря не прекратится, пока смерть не отмщена, — продекламировал Фрэнк. — Кровью праведника, взятого и осужденного без вины. Благородная дама оскорблена обманом.

Он всмотрелся в лица слушателей, ожидая хоть какой-нибудь реакции, чтобы понять, поверил ли ему хоть кто-нибудь.

Хотя бы один человек.

Хотя бы Боб Блетчер.

Но никто не поверил.

— Сиэтл, — продолжал он, стараясь говорить спокойно и бесстрастно. — Город у моря. Здесь наркоманы, проститутки, гомосексуалисты. Каждый из них является потенциальным переносчиком страшной болезни. СПИДА. СПИД — чума XX века. Смерть, отмщенная праведником, взятым и приговоренным без вины.

Детектив Камм, словно школьник, вскинул руку:

— Значит, убийца думает, что он безгрешен, что он и есть тот самый праведник.

— Именно!

Блетчер отвернулся к окну, незаметно меняя маску «хорошего полицейского» на личину адвоката. Адвоката дьявола.

— И кто эта благородная дама, и почему она оскорблена?

Фрэнк наградил его едва заметной улыбкой: в точку!

— Убийца находится в состоянии внутреннего конфликта с самим собой из-за своих, м-м, особых сексуальных наклонностей. Он чувствует себя виноватым, возможно, перед своей матерью. Она и есть «благородная дама». В попытке почувствовать себя «нормальным» мужчиной он ходит на стриптиз, пытаясь ощутить хоть что-то по отношению к женщинам — влечение, любовь, дружескую привязанность. Но единственное, что он чувствует — это гнев. Вдобавок случается непредвиденное — каким-то образом он узнает о том, что женщина, которую он выбрал, желая стать нормальным, тоже больна. Больна СПИДом. Вполне возможно, что в тот вечер он подвез ее до дома и напросился в гости. Там и произошел роковой разговор, во время которого Пандемия призналась в своем недуге. Француз впал в состояние аффекта. Он и сейчас испытывает гнев. Гнев, который щедро питает его расстроенную психику. Психика, в свою очередь, разрушает и искажает чувство реальности. Он видит настолько страшные картины, что его сознание не в силах справиться с кошмаром. Единственное, что он способен сейчас делать — это убивать. Убивать грешников, чтобы очистить город от скверны. И этим отсрочить Апокалипсис.

Камм тихо спросил:

— А кто, по-вашему, входит в группу риска?

— Прежде всего, гомосексуалисты и больные СПИДом.

Гибелхауз опять презрительно фыркнул:

— Гениально! Гнев настолько искажает его мировосприятие, что убийца не забывает приплести сюда какого-то чокнутого поэта? Да еще французского! Давайте придадим этим преступлениям интеллектуальный изыск, давайте будем цитировать Библию, Нострадамуса и прочих, спорить о судьбах Вселенной. А он тем временем будет продолжать убивать!

М-да, глупость и косность мышления — это неизлечимо, это навсегда. С этим невозможно бороться, только потеряешь время и силы. Но Фрэнк все же попытался:

— Убийца видит мир иначе, чем все остальные.

Повисла долгая пауза. Прервать ее рискнул Блетчер:

— И как он видит его?

Несколько секунд детектив глядел Фрэнку прямо в глаза, мысленно упрасывая того поделиться правдой, рассказать, что же он видел на самом деле.

Фрэнк также мысленно ответил отказом. Есть вещи, которые невозможно предать огласке. Тем более широкой.

Кабинет тем временем взорвался возбужденными голосами. Детективы, словно первоклашки, ерзали на стульях, перебрасываясь замечаниями и репликами.

— Мистер Блэк, скажите, как он видит его?

— Иначе.

— Подождите минуточку, — горячо запротестовал Гибелхауз. — Я не понимаю. Сначала вы говорите, что этот парень злится на женщин, что ему нравятся мальчишки. Затем он убивает этого Джона Доу, которого мы нашли обгоревшим в лесу. Что же получается? Что, черт возьми, это за маньяк? Да и маньяк ли?

— Он в большом замешательстве.

Гибелхауз фыркнул:

— Без сомнения.

— Он исполняет пророчество. Им движет стремление «отмстить» страшную чуму, которое, с одной стороны, смешивается с его собственными темными желаниями, а с другой — оправдывает оскорбление, наносимое матери. Именно потому он скрестил руки на груди убитой женщины. Из некоего извращенного уважения к ней.

Гибелхауз при молчаливой поддержке присутствующих вновь подал реплику:

— Меня эта версия не устраивает.

Сидевший рядом Камм нехотя кивнул:

— Звучит неплохо, но и меня это не устраивает. Нет доказательств. Никаких. А ваши рассуждения о возможных мотивах — всего лишь домыслы.

— Между прочим, те волосы, которые мы нашли на теле убитой женщины, принадлежали чернокожему мужчине, — вмешался в разговор Блетчер.

Впервые Фрэнк повысил голос:

— Известен всего один случай, когда серийным убийцей оказался чернокожий мужчина. Статистика... Изучайте статистику, она может пролить свет на многие загадки.

— Статистика! Так давайте просто сбросим важную улику со счетов, — начал было Гибелхауз.

Но Фрэнк перебил:

— То, что эти волосы — с головы убийцы, тоже пока не подтверждено. Они могли быть подброшены, могли попасть на тело до убийства, могли остаться в мешке, в котором хранилось тело. Я и раньше сталкивался с подобными случаями.

Гибелхауз насмешливо крикнул, а затем обратился к Блетчеру:

— Послушай, Боб. У нас тут не ФБР. У нас ограниченные ресурсы. Если мы пойдем по ложному следу, то это приведет к новым жертвам. Не думаю, что у нас есть возможность впустую тратить время. Что скажешь?

Блетчер молча оценивал происходящее. Он разглядывал лица своих подчиненных, в которых читалось оцепенение, раздражение, а порой и совершенно откровенная скука. Видел кошмарное зернистое лицо на экране, возвещавшее реки крови и искупление грехов. И Фрэнка Блэка, стоявшего на фоне всего этого безобразия, — подтянутую фигуру, открытое, но непреклонное выражение лица, и

пульт управления, словно клинок, зажатый в его руке.

Иногда очень трудно сделать выбор. И никто не знает, окажется ли твое решение верным. Счастливчики те, у кого хорошо развита интуиция. В пятидесяти процентах случаев она дает нужный результат. Но только в пятидесяти. Остальное — воля случая. Старший детектив медлил, не желая признаться себе, что он ждет, когда Фрэнк сам выступит в свою защиту и предложит какое-нибудь другое, более обстоятельное объяснение убийств. Более реальное. Хотя что может быть реальнее преступления! Конечно, слова сумасшедшего, возвещающего о дне страшного суда, выглядят так, как и должны, — полным бредом. А Фрэнк — идиотом. Скажи им, Фрэнк, скажи мне — что я должен сейчас ответить подчиненным, как мне закончить разговор?!

Но Фрэнк молчал и спокойно разглядывал остальных детективов. Копы с интересом просчитывали образовавшуюся комбинацию: Гибелхауз — Блэк — Блетчер. Делайте ваши ставки, господа! Нет, ставок не будет. Это не игра в рулетку или тотализатор, человеческая жизнь и смерть — вне игры. По крайней мере, здесь.

Наконец Фрэнк тоже взглянул на старшего детектива. Твой ход, Боб!

Блетчер еще помедлил, а затем произнес:

— Нет... — постарался вложить в слово весь свой авторитет, приобретенный за восемнадцать лет службы в полиции. — Нет. Мне очень жаль, Фрэнк. Но я солидарен с парнями.

Выбор сделан. Граница проведена: по одну сторону Блетчер, Гибелхауз и все остальные, а по другую — незванный гость.

Фрэнк молча развернулся, достал кассету из видеомэгнитофона и протянул ее Блетчеру.

— На нет и суда нет. Всего хорошего. Мне нужно возвращаться домой, к семье, — сказал он.

И вышел.

17

Г л а в а

Счастье — в незнании, в знании — горе. Однако случается и наоборот. Кэтрин поднесла чашку ко рту, но, передумав, отставила ее в сторону. От утреннего разговора с Фрэнком остался неприятный привкус, который кофе перебить не сможет. Они оба сорвались, впервые после переезда в Сиэтл. В Вашингтоне так уже бывало, они даже не разговаривали по несколько дней, но потом все всегда возвращалось на круги своя. Подруги убеждали Кэт, что все дело в возрастной разнице между ней и мужем. Фрэнк был значительно старше. Иногда она чувствовала себя рядом с ним совсем девчонкой. Юной, несмышленной. Старшей сестрой Джордан.

Нет, разница в возрасте здесь ни при чем. Любовь не ведает границ, и в этом браке

Кэтрин была счастлива, почти абсолютно счастлива. Если, конечно, не считать работу Фрэнка. Муж полагал, что она испытывает неприязнь к специальной группе, в которую он входил. Это было далеко не так. На самом деле, Кэтрин ненавидела «Миллениум». Ненавидела тайно, до слез и ярости, потому что группа — единственное, что может их разлучить. И однажды это едва не произошло. Однажды она чуть не потеряла Фрэнка. Ей приходилось сдерживаться изо всех сил, чтобы не выдать Фрэнку свои истинные чувства. Она не хотела причинять мужу боль. Ему и так доставалось.

Его приступы она иногда чувствовала заранее. Слишком быстро менялось любимое лицо, становясь бесстрастной маской. Глаза чернели, а на висках набухали вены. После видений он становился мрачным и грустным, запираясь от нее молчанием. Как она боялась этих молчаливых вечеров!

Возвращаясь в Сиэтл, они оба надеялись, что в родном городе будет намного легче и безопаснее. Но не успели они устроиться на новом месте — Фрэнк окунулся в новое исследование. Стал исчезать по ночам, а вернувшись, отправлялся в подвал — к компьютеру. К телефону. К сканеру. Закрывал дверь и работал допоздна.

Кэтрин колебалась. В правилах их семьи запрещено посягательство на личную свободу каждого. Они с самого начала абсолютно до-

веряли друг другу. Кэтрин старалась не задавать лишних вопросов, Фрэнк, в свою очередь, никогда не досаждал ей ненужными объяснениями. Однако сейчас она намеревалась нарушить эти правила. Она должна была знать, чем занимается ее муж.

Стиснув в ладони запасной ключ, Кэтрин спустилась в подвал. «Словно в убежище Си-ней бороды», — усмехнулась она, вспомнив любимую сказку Джордан.

Ключ тихо клацнул, провернувшись в скважине. Дверь с легким скрипом раскрылась.

Кэтрин с любопытством огляделась, включила компьютер, раскрыла папки с фотографиями.

Спустя несколько минут она горько рыдала от сознания того, что пришлось вынести Фрэнку в последние дни. В душе поднималось дополнительное раскаяние: она нарушила негласное правило и своим недоверием невольно предала Фрэнка. Выключив компьютер и сложив папки, она вытерла слезы и поднялась наверх.

Через полчаса она в новом костюме, со свежим макияжем, отправилась за Джордан в школу.

Они всегда забирали дочь сами, не доверяя школьным автобусам. Шесть лет — небольшой возраст для того, чтобы быть самостоятельной. Вдобавок после печальных событий в Вашингтоне Фрэнк строго-настрого

приказал ей никогда не отпускать девочку одну. Да, если честно, Кэтрин и самой этого не хотелось. Проезжая по тихим улицам, она подумала, что накануне нового века даже дети сходят с ума. За последние годы в школах США прокатилась волна зверских преступлений. Школьники безжалостно расстреливали сверстников и учителей. На вопрос, почему они это делали, юные убийцы ничего не могли ответить. Нация тупела и вырождалась. Кэтрин это особо остро чувствовала. Еще немного, и от великой многонациональной державы почти ничего не останется. Будет стадо жирных особей, жующих многослойные гамбургеры в ожидании любимого ток-шоу. Будут новые взрывы, новые преступления.

«Что с нами происходит, — подумала она, выруливая на школьную парковку, — дети порой не знают, как называется страна, в которой они живут!»

— Мама!

Звонкий голос Джордан встретил ее у входа в школу. Девочка выглядела бледнее, чем обычно.

— Мама, у меня появилась подружка. Ее зовут так же, как и тебя, — Кэтрин. Поехали скорее домой, я хочу показать папе свой новый рисунок.

Джордан устроилась на заднем сиденье машины, продолжая рассказывать матери о школьных новостях:

— Меня пока не спрашивали. У нас сегодня почти не было занятий. Слишком много детей заболели гриппом. А во время обеда приходил фотограф. Он приехал на машине. Сказал, что я очень красивая девочка и стал меня снимать. А других не захотел...

Кэтрин почувствовала, как возвращается прежний страх. Нет, не зря ей показалось, что *та* машина вернулась. И она была не права, что не рассказала обо всем Фрэнку. С такими вещами не шутят. Как только он вернется, она во всем ему признается. Во всем.

Вернувшись, она тщательно закрыла все двери в доме, отправив Джордан наверх поиграть перед обедом. В этом доме все хорошо, за исключением засовов. Впрочем, этим грешат почти все американские дома. Прозрачные хлипкие двери, запасной выход в подвал, второй выход на кухне, легко открывающиеся окна. Любой преступник войдет сюда, сочтя незапертую дверь за особое приглашение. Поэтому Кэтрин так не любила смотреть отечественные триллеры. После них она не могла заснуть, прислушиваясь к каждому шороху и вздрагивая от скрипа половиц. Сейчас она очень испугалась.

«Я схожу с ума, — подумала она и еще раз проверила засов. — Поскорее бы Фрэнк возвращался домой». Ей было страшно. За себя и за Джордан. Сейчас ее просто трясло

от иррационального ужаса, ныло под ложечкой. Хотелось схватить дочку и спрятаться с ней под одеяло. Детская уловка.

Так уже случалось в Вашингтоне, когда Фрэнк стал получать жуткие письма от анонима. Они оба не спали ночами, охраняя Джордан. Опасались выходить на улицу. Тогда она впервые и заметила ТУ САМУЮ машину. Она появлялась только тогда, когда Кэтрин была одна или с дочерью. Автомобиль следовал на почтенном расстоянии, не приближаясь, но от этого страх только увеличивался. Они перестали открывать дверь, поднимать трубку телефона, отключили автоответчик, перестали вскрывать почту. Теперь в каждом посыльном они видели врага.

Ой! Что это?! Тьфу!.. Стук в дверь. Кто? Кэтрин, преодолев нервную дрожь, подошла к крыльцу. За сеткой от москитов мелькало пухлое лицо соседа:

— Миссис Блэк! Это Джек Мередит.

Она открыла, впустив его на порог.

— Моя жена просила узнать, когда вы сможете прийти к нам на обед. Нам бы очень хотелось познакомиться с вами поближе. Живем мы уединенно, ни с кем не видимся, маемся от скуки. А тут новые лица. Ваша дочурка — просто прелесть.

Он замялся, комкая в руках кепку.

Кэтрин почувствовала прилив симпатии и смущенно попросила:

— Вы не посидите с нами, пока муж не вернулся? Мне почему-то не по себе.

Джек радостно согласился.

— Кофе, чай?

— Чай, пожалуйста.

Кэтрин принялась заваривать чай. Мельком она отметила, что Джордан как-то подозрительно притихла наверху. Надо бы подняться на второй этаж и проверить, как она там... Но в этот момент сосед отвлек ее расспросами.

Устроившись на кухне, они дружелюбно беседовали о том о сем, старательно обходя последние криминальные новости. Кэтрин — потому что не хотела привлекать к работе мужа лишнего внимания, Джек Мередит — по своим соображениям.

Она собиралась предложить соседу вторую чашку чая, когда наверху раздался истошный вопль Джордан:

— Мама!

— Джордан!

Звук — тяжелый стук.

18

Г Л А В А

Всегда найдутся люди, которые будут тебя любить. Всегда найдутся люди, которые будут тебя ненавидеть. Но обязательно будут и те, кто сразу же отвергнет тебя. Вне зависимости от твоих достоинств, чувств и эмоций. Просто вы в какой-то момент окажетесь полярными полюсами. Плюс и минус. Север и юг. За и против.

Внутренне Фрэнк был готов к подобной реакции на свое сообщение, но почему-то последняя сцена причинила ему боль. Задела. И дело было вовсе не в предательстве Блетчера. Какое может быть предательство, когда каждый выполняет свою работу. Дело было в ином. В сознательном отчуждении. Фрэнк снова, как когда-то, почувствовал себя чужаком. Изгоем.

Его не приняли лишь потому, что не хотели принимать изначально. Предоставь он сотню доказательств своей правоты, это сейчас ничего бы не изменило. Враждебно настроенная группка людей не желала слушать Фрэнка Блэка. Блетчер занял позицию большинства. Так проще. Так безопаснее. Так спокойнее.

Фрэнк добрался до «чероки», оставленного в подземном гараже, проскользнул в салон и захлопнул дверцу. Замкнутое пространство лишь обострило чувство обиды. Ощущая себя совершенно одиноким в искусственном полумраке, погребенный под несколькими тысячами тонн стали и бетона, он позволил себе на мгновение расслабиться. Только на мгновение.

Начни все с нуля. Представь то время, когда все было просто и ясно, когда он еще не был ни мужем Кэтрин, ни отцом Джордан, ни чистым белым листом, поверх которого зло пыталось начертать свое имя. Вспомни иную жизнь, когда ты был просто Фрэнком Блэком, не отягощенным ни чувством долга, ни губительным знанием. Просто человеком со своими радостями и желаниями, надеждами и страхом. Страх. Именно он и приковал Фрэнка к этому городу, к этому миру. Он дал ему силы противостоять злу, но отнял покой. Сейчас он липкой лентой опутывает сердце, вторгается в личную жизнь. Кэтрин. Джордан. Самые близкие, самые родные, любимые. Фрэнк интуитивно чувствовал, что над его домом нависла

опасность. Она, словно огромная сизая туча, нависла над маленьким раем, куда они уже почти ступили одной ногой. И эта туча сулила катастрофу. В любой момент она могла пролиться кровавым дождем. Что бы он ни говорил в минуты откровения Кэтрин, Фрэнк знал — он не сможет их защитить. Потому что зло — абсолютно, потому что он — часть этого зла.

Окружающий мир прижимался к стеклу, сплющив нос, он требовал внимания к себе. Что толку вспоминать прошлое, когда есть настоящее и иллюзия будущего. Кэтрин была права: никуда от этого не денешься, и, как ни притворяйся, это ничего не изменит. Если закроешь глаза, мир не станет лучше. Прими его таким, как есть, и постарайся сделать немного лучше. При мысли о Кэтрин тошнота и горечь поражения, теснившиеся в его груди, стали исчезать. Вслед за образом Кэтрин перед мысленным взором Фрэнка появилась Джордан, жмурившая глаза и пронзительно верещававшая от удовольствия. Он вновь увидел ее лицо, сиявшее между ним и Кэтрин, когда одним прекрасным воскресным утром она забралась к ним на кровать. И в это мгновение, глядя на них обеих, самых дорогих для него существ на этой земле, Фрэнк был настолько счастлив, что ему совершенно не требовалось притворяться. Когда любишь, тогда любишь.

Мимо него с резким шумом, усиленным пещерной акустикой подземного гаража, промчалась машина.

Фрэнк очнулся, отгоняя назойливые мысли и пытаясь выкинуть из головы переполнявшие ее образы: Джордан, Кэтрин, Блетчер, Француз. Впрочем, это сродни тому, как не думать о белой обезьяне. Единственный способ развеяться — действие. Неважно какое, главное — занять тело, а не душу. Он включил зажигание, тронулся с места и начал выруливать со стоянки.

Он почти уже выехал из гаража, щурясь от неожиданно яркого, хотя и серого дневного света, струившегося снаружи.

И тут чья-то массивная фигура выскочила прямо перед ним, едва не попав под колеса.

Фрэнк ударил по тормозам, шины закрипели.

Человек замолотил кулаками по капоту, не в силах справиться с яростью, а затем направился к водительской дверце.

Фрэнк плотно сжал губы — это был Блетчер.

Он опустил стекло. Дождь хлестал через открытые ворота гаража, пропитывая насквозь пиджак Блетчера, но тот не обращал на это никакого внимания.

— Скажи мне, почему я не прав! — прокричал он, вцепившись в кромку опущенного Фрэнком стекла. — Почему я должен слушать тебя?

Фрэнк постарался, чтобы голос оставался спокойным и не звучал осуждающе:

— Ты в сложном положении, Боб. У тебя есть подчиненные, которым тебе нужно что-то отвечать, есть отдел, которым надо руководить. Ты не можешь принимать ошибочных решений. Но от меня-то что ты сейчас хочешь?!

— Скажи мне, откуда ты это знаешь, почему ты так уверен! — голос Блетчера из настойчивого стал едва ли не умоляющим. — Как ты это делаешь, Фрэнк? Объясни мне, черт побери, как ты это делаешь!

Фрэнк молчал. Замолчал и Блетчер, но вскоре не выдержал.

— Ты все видишь, не так ли? — теперь он точно подстрекал Фрэнка. — Ты знаешь, как это происходит, что он чувствует, как он это делает! Ты знаешь! Так расскажи, чтобы я не чувствовал себя идиотом перед подчиненными, чтобы смог отстоять тебя, позволить принимать участие в этом расследовании! Мы уже несколько дней топчемся на месте, а ты приходишь и говоришь: маньяк тот-то и тот-то, он гомосексуалист, он не хочет убивать, но убивает. Фрэнк, так нечестно! Ты должен мне сказать, что происходит с тобой, как ты это делаешь!

Фрэнк вздохнул:

— Это сложно объяснить, Блетч.

— Ты все видишь, ведь так?

Фрэнк молчал. Потом, решившись, вышел из машины. Они стояли у входа в гараж.

Бывшие друзья. Сослуживцы. Противники. Дождь продолжал поливать их из небесного ковша, гулко стуча по ветровому стеклу и скатываясь по алому капоту. Эти капли навевали Фрэнку некоторые картины. Танец Пандемии в огне. Блуждающие трупы. Ну как объяснить это Блетчеру. Горькая ирония!.. Вот Француз бы его сразу понял. Современный и тот, что терял сознание четыреста лет тому назад от катастроф XX века.

Наконец Фрэнк ответил:

— Я вижу то, что видит убийца. И чувствую то, что чувствует жертва.

— Что? — Блетчер так резко отшатнулся, что едва не угодил в лужу. — Как это — видишь? Как это — чувствуешь? Ты — экстрасенс?

— Нет... — теперь Фрэнк так тщательно подбирал слова, будто объяснял дочери действие какого-нибудь замысловатого механизма. — Я залезаю к нему в голову. Я становлюсь тем, чего мы боимся больше всего на свете.

— Чем?

— Я становлюсь потенциальной возможностью. Становлюсь ужасом. Убийцей. Я знаю, как убивать, какие наносить удары. Слышу, как кричит жертва, чувствую ее кровь на своих руках. Вижу, как она агонизирует. А потом прихожу в себя, и мне хочется тоже умереть, потому что эту боль невозможно вынести, — слова Фрэнка падали на собеседника,

как холодные камни с вершины скалы. — Я становлюсь тем, о чем мы только смутно догадываемся, что прячется на дне наших душ, в потемках сознания. Это мой дар... и мое проклятие. И то, что заставило меня подать в отставку, — закончил он, впервые с начала монолога взглянув в напряженные, почти испуганные глаза Блетчера.

— Тогда что, черт возьми, ты делаешь здесь, Фрэнк? — прошептал детектив. — Уходи. Оставь это.

Фрэнк выглядел измученным:

— Я устал. Очень устал. И больше всего на свете мне хотелось бы жить с Кэтрин и Джордан, не вспоминая о прошлом кошмаре. Знать, что он никогда не вернется, что я не проснусь однажды ночью и не почувствую себя больным мозгом убийцы. Ты не знаешь, как тяжело день и ночь ощущать боль в глазах, предчувствуя новые картины из современного Апокалипсиса. Ты не знаешь, и это твое счастье. Но я не могу по собственному желанию взять и оставить это, понимаешь. Это зависит не от меня. От меня сейчас вообще ничего не зависит... Ничего. И это самое страшное.

— Что привело тебя сюда? — требовательно произнес Блетчер, мгновенно почувывший слабость противника. Теперь уже он был хозяином ситуации, задавая те вопросы, которые давно вертелись на языке. Полицейский — он и в Сиэтле полицейский. Дружба дружбой, а

показания изволь дать. Ты — ценный свидетель, твои слова могут пролить свет на это жуткое дело. Давай, Фрэнк, говори, тебе будет легче. Но он ошибался, явно переоценив свои возможности. Минутный порыв говорить пропал, и Фрэнк вновь замкнулся в себе, будто и не слышал заданного вопроса.

— Я спрашиваю тебя, зачем вы вернулись сюда?

Ответа Блетч не дождался. Фрэнк забрался в машину.

— Как-нибудь в другой раз, Боб. Потом.

Детектив хмуро наблюдал, как Фрэнк тронул «череки» с места и дождевая стена тотчас же поглотила его.

Вернувшись домой, Фрэнк не обнаружил в гараже машины Кэтрин.

Он глянул на часы — четвертый час, Джордан должна была уже вернуться из школы. Вновь нахлынуло беспокойство.

Он припарковал машину и под дождем побежал к крыльцу. И остановился.

Входная дверь была открыта. Открыта, а значит...

Ни единого звука не доносилось изнутри: ни веселой болтовни Джордан, рассказывающей о школьных впечатлениях и новых знакомствах, ни тихих вопросов Кэтрин, ни радио, ни бравурных аккордов телевизионного шоу «Уишбон», которое обожала его дочь.

НИЧЕГО. Он осторожно толкнул дверь и вошел.

— Кэтрин?

Ответа не было. НИЧЕГО. Коробки, которые Кэтрин собиралась сегодня сдать в утиль, по-прежнему стояли в коридоре. Газета лежала на том же месте, где Фрэнк оставил ее утром, — неп прочитанная, все еще завернутая в пленку.

— Кэтрин? Джордан?

В кухне тоже никого не было. Не было даже записки на столе. На автоответчике высвечивалась цифра «0» — сообщений нет. В центре кухни на полу валялся корешком вверх какой-то журнал.

Фрэнка встретила тишина, с каждой секундой она, словно гигантская ванна, наполнялась беспокойством и страшными предчувствиями. Душа Фрэнка черной губкой набухла, готовясь пролиться новой волной страха. Господи, только не это!

— Кэтрин!

Он бросился на второй этаж. Ворвался в спальню Джордан.

Постель прибрана, поверх нового розового покрывала на подушке сидел на страже игрушечный бульдог.

Он развернулся и бросился в другую спальню, по пути заглянув в ванную. Стоявшая там корзина для мусора перевернута, бумажные салфетки разлетелись по полу, а на

белой фарфоровой ванне, словно стоп-сигнал, алел отпечаток детской руки.

Кровь.

— Джордан... — мертво выдохнул Фрэнк.

Он вылетел из ванной и сбежал вниз по лестнице. Шаги гулким эхом разносились по опустевшему дому. Затем выскочил на улицу. Куда бежать? К кому? Где искать жену и дочь?!

Сердце бешено колотилось, дождь хлестал по лицу, отвешивая мокрые щеки. Он ничего не замечал, как безумный, мечась по опустевшему раю. Опустевший рай — это ад... Где они? Кто причинил им вред?

Почудилось, что за поворотом мелькнула машина. ТА САМАЯ, которой так боялась Кэтрин. Которой так боялся он. Или... не почудилось?

Господи, если тебе нужны их жизни, лучше возьми мою!

Где их искать? Фрэнк ринулся к машине. Сперва — в полицейское управление. Боб должен помочь. Потом в «Миллениум» — там тоже окажут помощь.

Уже на середине лужайки он услышал, как неподалеку хлопнула дверь.

— Фрэнк! Подождите, Фрэнк! Куда же вы?

Фрэнк резко обернулся и увидел своего соседа, Джека Мередита, бегущего к нему со всех ног.

— Фрэнк!

— Вы видели Кэтрин и мою дочь? — закричал Фрэнк, вцепившись в рукав соседа, словно в спасительный круг.

Мередит возбужденно кивнул. Он тяжело дышал, а круглое лицо покраснело от напряжения. Он успел лишь наполовину надеть плащ и теперь тщетно пытался натянуть капюшон. Потом оставил эти попытки, все равно уже промок.

— Я как раз шел к вам, чтобы оставить записку. Она не смогла разыскать вас и просила меня сделать это...

— Где они?

— Поехали в больницу.

— Что случилось?

Мередит сглотнул, тщетно пытаясь отдышаться:

— Ваша дочурка — у нее был какой-то приступ.

Но Фрэнк уже не слышал его. Джек Мередит остался один, стоя под проливным дождем и глядя вслед Фрэнку, рванувшему к машине. Мгновение спустя «череки» уже выворачивал на проезжую часть. Сосед молча помахал ему на прощание, а затем повернулся и побрел назад к дому.

19

Г л а в а

На протяжении своей жизни Фрэнку достаточно часто приходилось бывать в различных больницах, и лишь одно из этих посещений он любил вспоминать — ночь рождения Джордан, почти семь лет назад. Легкий успокаивающий запах дезинфицирующих веществ и кондиционеров, непрерывная череда звуков — передаваемые по системе оповещения объявления, сигнальные и телефонные звонки, тихое журчание голосов. Бледное лицо Кэтрин в перерывах между схватками, когда он гладил ее по руке, успокаивая: «Все хорошо, дорогая, все хорошо!» И потом — вопящий комок с завитками рыжих волос. Первый крик. И голос акушерки: «Ваша девочка родилась в рубашке!»

Джордан действительно родилась в рубашке, родилась вопреки всем прогнозам и пророчествам. Но иногда Фрэнку казалось, что за дочь он, сам того не зная, заплатил непомерную цену. И дело вовсе не в нем, а в ней, Джордан. Были симптомы, пугающие его, та же боль в висках, медленно сползающая к зрачкам, те же страшные картины, от которых девочка просыпалась с криком ужаса. Они никогда не говорили ОБ ЭТОМ с Кэтрин, но они оба знали печальную истину: их дочь НЕ ТАКАЯ, как все. И все же тот день, проведенный в больнице, он очень любил вспоминать.

Все остальные случаи были похожи друг на друга, и ничего, кроме боли и покалывания в глазах, не вызывали. Кровь, перепутанные трубки капельниц, ржавые присохшие к коже бинты, растерянное лицо врача, сообщющего дежурную фразу: «Мы пытались сделать все возможное, но...»

Сейчас, по дороге в госпиталь Сизтла, Фрэнк больше всего на свете боялся услышать эту фразу. «Все возможное»... Но когда речь идет о жизни ребенка, твоего единственного ребенка, она воспринимается циничной насмешкой. Сделайте невозможное, черт побери, ведь она — ребенок! Мой ребенок!

Когда Фрэнк влетел в отделение неотложной помощи, он походил на сумасшедшего. Мокрое, искажившееся от страха и волнения лицо, костюм весь в грязных дождевых поте-

ках. И надежда, переходящая в панику и отчаяние.

Все вокруг казалось ему неизъяснимо злобещим: врачи, стоявшие в коридоре и совещающиеся приглушенными голосами; стайка медсестер у главного поста; сновавшие туда-сюда лаборанты в зеленых халатах. Больные. Посетители. Каталки.

Фрэнк беспомощно стоял посередине коридора, не зная, к кому обратиться. И тут он увидел двух санитаров, толкавших по длинному извилистому коридору больничную каталку, на которой лежала маленькая фигурка, до самого подбородка укрытая простыней. Лицо ребенка закрывала кислородная маска, так что Фрэнк не мог разглядеть, Джордан это или нет. Следом за каталкой шел доктор, просматривавший медицинскую карту и на ходу делающий пометки. На халатах санитаров и на простыне, закрывавшей тело ребенка, виднелись следы крови.

— Джордан, — прошептал Фрэнк.

Как слепой, он бросился вслед за каталкой, едва не сбив с ног случайную медсестру — и тут же обратился к ней с вопросом:

— Моя дочь поступила сюда! Ее зовут Джордан Блэк.

Медсестра наморщила лоб:

— Джордан Блэк? — она меланхолично посмотрела на стопку бумаг у себя в руках. Чужое волнение ее не задевало. Женщина вяло

начала перебирать медицинские карточки в поисках карточки Джордан.

Прежде чем она успела что-либо ответить, Фрэнк услышал другой голос:

— Фрэнк!

— Кэтрин! — он поспешил к жене, стоявшей около входа в лифт, и отчаянно схватил ее за плечи: — Что с ней случилось?

Кэтрин отвернулась, пытаясь сдержать слезы. Потом заплакала.

— Я была на кухне. Услышала крик и глухой звук, будто что-то упало наверху. Я нашла ее на полу в ванной. В крови. Она потеряла сознание и ударилась головой о ванну. Сейчас врачи делают необходимые анализы. Пока они не могут сказать, с чем это связано...

— Где она?

Слабым движением Кэтрин указала на лифт:

— В отделении интенсивной терапии. Она сейчас спит. Ей дали снотворное. Она так еще и не приходила в сознание. Вдобавок у нее очень сильный жар. Фрэнк, я не знаю, что делать!

Она снова заплакала.

Двери открылись, и Фрэнк последовал за женой в кабину лифта, проталкиваясь сквозь медсестер и врачей, отпихнув локтем какую-то женщину, державшую в руках надутый гелием воздушный шар в форме сердца и плюшевого медвежонка.

Когда они вышли на нужном этаже, он оцепенело пошел следом за Кэтрин. Нарядные желтые стены, увешанные разноцветными плакатами и детскими рисунками, казались ему чудовищной насмешкой над теми бледными фигурами, которые ему удавалось мельком разглядеть внутри палат, мимо которых они проходили.

Вот тоненькая, как призрак, остриженная наголо девочка переключила телевизор.

Вот мужчина средних лет застыл на краю узкой больничной койки. На койке — маленькое страдающее существо.

Вот два маленьких мальчика ссорятся со своим старшим братом, дергая его за рукава больничной пижамы...

Его дар и здесь сыграл злую шутку. Ему, в отличие от остальных, было видно то, что не замечали другие. Он видел печать смерти. Смерть заранее оставляет отметину на лбах тех, кому суждено вскоре последовать за ней. Иногда, правда, она дает небольшую отсрочку. Год, два, пять лет. Кому как повезет. За кого как попросят. Но потом она возвращается. Она всегда возвращается за теми, кого выбрала. Уже после, перебирая фотографии близких, невольно задаешься вопросом, почему ничего не замечал раньше. Ведь вот оно — предупреждение... на лбу. Сеть морщинок или темное пятно, которые складываются в клеймо.

Сейчас Фрэнк машинально выделил из вереницы осунувшихся лиц несколько, отмеченных страшным клеймом. Одному осталось жить совсем немного — сутки. Другим чуть больше. Он чувствовал себя ангелом, явившимся сообщить смертным печальную новость.

И тут Фрэнк похолодел от мысли: а если и на лбу Джордан он заметит не видимую для других отметину? Для других, но не для него. Как можно жить, зная, что твой ребенок обречен, что вот-вот умрет?

Кэтрин заметила его волнение. Они давно уже общались на телепатическом уровне, скорее угадывая, нежели читая, мысли друг друга. Иногда Фрэнку было достаточно лишь взгляда, чтобы понять, о чем думает Кэтрин, и наоборот. Бывало, они даже шутили по этому поводу: «Слезь с волны! А то я даже не могу подумать о чем-нибудь секретном!» Хотя какие могут быть секреты у любящих людей? Разве что самые маленькие.

Сейчас Кэтрин интуитивно почувствовала состояние Фрэнка. Она провела холодной ладонью по его небритой щеке и твердо сказала:

— Нет, Фрэнк. Все будет хорошо. С ней ничего больше не случится.

Почему-то тихие слова жены успокоили Блэка. Он виновато улыбнулся:

— Извини. Минутная слабость.

— Сюда, — Кэтрин остановилась у палаты, дверь которой была приоткрыта. — Она здесь...

Фрэнку понадобилось некоторое время, чтобы разглядеть дочь среди мерцающих мониторов, прозрачных, свернувшихся кольцами капельниц и стальных перекладин больничной кровати.

Лицо Джордан было белым, как мел, ее кучеряшки спутались и разметались по подушке. На лбу белела повязка, скрывавшая уродливую шишку. К счастью, лишь шишку. Кэтрин оказалась права. К руке дочери, извиваясь, тянулась трубка от капельницы. Маленькая кисть торчала из-под одеяла, ладонь раскрыта, словно в немой просьбе.

Фрэнк положил руку на ее лоб.

— Миссис Блэк, можно вас на минутку? — в палату заглянул педиатр.

Кэтрин побледнела и вышла.

Фрэнк остался наедине с дочерью. Он пытался понять, что же произошло в ванной комнате, когда Джордан рухнула на кафельный пол. Внезапное головокружение? Сильная боль? Или что-то еще?

Под теплом его руки Джордан дышала ровнее и спокойнее, хрипы из ее маленькой груди, такие сильные еще несколько минут назад, поутихли. Жар начал спадать. Фрэнк не был экстрасенсом, но облегчить страдания дочери оказалось ему по силам. Пока он смог ее защитить. Пока.

Тем временем вернулась Кэтрин:

— Врачи совершенно уверены, что это просто очень сильная реакция на грипп. Доктор говорит, что при высокой температуре у детей часто бывают подобные приступы.

Фрэнк покачал головой. Горло его пересохло. Если бы это было так...

— Когда мы все узнаем точно?

— Они вызвали специалиста.

— Почему он еще не здесь?

— Скоро будет. Мне так сказали.

Фрэнк наклонился и легко коснулся губами щеки дочери.

— Она такая хрупкая. Беззащитная... — затем перевел взгляд на Кэтрин: — Тебе нужно отдохнуть, поезжай домой. Я останусь здесь.

Кэтрин представила холодный пустой дом и поехала:

— Мы оба останемся здесь. Дома я не смогу успокоиться, буду нервничать еще больше...

...Фрэнк уснул прямо на стуле, а когда проснулся, была уже ночь. Кто-то выключил верхний свет в палате. В педиатрическом отделении стало совсем тихо. Кэтрин спала на кушетке, поджав под себя ноги. Фрэнк встал и укрыл жену покрывалом. Кэтрин улыбнулась во сне. Джордан лежала совсем так же, как и раньше, ее положение не изменилось, за исключением того, что рот приоткрылся, а рука сжалась в кулачок. Какое-то время Фрэнк неподвижно сидел и наблюдал за дочерью.

Должно быть, он снова задремал. Его разбудил какой-то посторонний звук. Открыв глаза, он увидел, как мягкой, уверенной походкой в комнату вошла молодая медсестра. В руках у нее был контейнер с медицинскими принадлежностями.

Фрэнк смотрел, как она подошла к постели Джордан, поставила контейнер на тумбочку и приготовила инструменты для того, чтобы взять анализ крови. Взяв слабую вялую ручку Джордан, сестра протерла сгиб локтя ватным тампоном и осторожно ввела иглу с прикрепленной к ней тоненькой трубочкой.

Джордан пошевелилась, и медсестра зашептала ей что-то ласковое.

Несколько секунд спустя трубочка и пробирка потемнели, постепенно наполняясь венозной кровью.

Медсестра оглянулась на Фрэнка, который пристально смотрел на иглу в ее руке, а затем вновь склонилась над Джордан:

— Спи, малышка.

Он даже не услышал, как она вышла. Перед глазами стояла одна и та же картина — пробирка с кровью.

— Фрэнк?

Тихий голос Кэтрин донесся до него из другого конца комнаты. Она сонно потерла глаза, потом бросила быстрый взгляд на Джордан, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, и удивленно посмотрела на мужа.

Тот не шевелился.

— Что с тобой, Фрэнк?

Выражение лица Фрэнка напряженное, едва ли не алчное. В такие минуты Кэтрин очень боялась мужа — чужого, не похожего на ЕЕ Фрэнка.

— Он берет у них кровь!

Боль и новое видение...

Светлое помещение. Зеленый свет.

Испуганный парнишка, который трясется от страха. Глаза широко раскрыты. Сам он распят на столе.

Где-то журчит вода и играет французское танго.

Парень с ужасом смотрит в угол — там смутная фигура готовит медицинские инструменты. Скальпель, белые нитки... Чистая пробирка.

Убийца подходит к жертве и протирает сгиб локтя кусочком ваты. Осторожно и очень профессионально вводит иглу. Пробирка наполняется венозной кровью.

Убийца затыкает парню рот кляпом. Проводит рукой в резиновой перчатке по светлым волосам.

Скальпель и яркий свет.

Длинная хирургическая игла.

Он начинает сшивать веки.

Распятое тело трясется. На светлых джинсах проявляется мокрое пятно...

— Фрэнк? С тобой все в порядке?
Господи! Как больно!

Он видит, как в темноте около реки один человек тащит другого. Тот мычит от боли, но почему-то не может кричать. Где-то их ждет гроб. Гроб, который скоро закопают. С живым человеком внутри. Безмолвная жертва останется умирать в уединенном районе Волонтир-Парка.

— Он берет у них кровь!

— Кто?!

— Убийца! На его совести и другие жертвы. Он похоронил их заживо... Прости, но я должен идти.

— Иди. Иди, Фрэнк!

Он схватил куртку и бросился прочь из палаты.

20

Г Л А В А

Ему потребовалось двадцать минут, чтобы уговорить Блетчера собрать поисковую группу. До хрипоты орал в телефонную трубку, ругаясь и чуть не плача от бессилия:

— Ты понимаешь, Боб, что все они будут на твоей совести. Все, кто там похоронен живьем!

Боб не сразу, но поддался. Фотографии найденного гроба лежали у него на столе. Глубокие царапины — безмолвный крик о помощи. Сколько там закопано гробов? Об этом знает только убийца. Значит... Значит, Фрэнк прав, там действительно могут быть и другие. Блетч дал свое согласие.

Сложнее оказалось с детективами. При одном упоминании фамилии Блэка большин-

ство выразительно покрутили пальцем у виска. Очередные бредни сумасшедшего.

Однако на сей раз Блетчер был категоричен. Все в лес, и баста! Искать, пока не найдете!

Легко сказать — искать! Указанный радиус — немаленький. Темно. Холодно. Собаки устали. Люди тоже. Энтузиазма — ноль. Но они все равно шаг за шагом прочесывали местность, сбивая обувь о мерзлые коряги и изредка отогревая руки в карманах курток.

Когда Фрэнк прибыл на место, Блетчер вместе с подчиненными уже с час копошился в лесу.

Вереница служебных автомашин вдоль обочины безлюдной дороги. Отдаленный лай служебных собак.

Фрэнк рванул через мелколесье. Не снижая темпа, бежал до тех пор, пока светлячки электрических фонариков, шаривших в темноте, не замелькали сквозь чащу.

С реки дул ледяной ветер, принося с собой влажный запах камней и тающего снега.

Луна изредка проглядывала сквозь облака, и перед тем как вновь исчезнуть, серебрила ветки деревьев и опавшие листья.

Когда Фрэнк догнал поисковый отряд, до него донесся металлический треск радиоприемников и портативных раций, окончательно разрушивших ночное безмолвие лесной чащи.

Он нашел Блетчера, медленно шедшего позади всех. Как и остальные, тот был одет

с учетом холодной ночи. Тепло и удобно. Блетчер напоминал полководца накануне генерального сражения.

Завидев Фрэнка, Блетчер выкрикнул приветствие и тут же поднес к уху громко верещавшую рацию:

— Мы прочесали весь берег на милю к северу. Ничего.

Блетчер нахмурился.

— Прочешите еще раз. Они должны быть там.

Блетчер виновато потупился:.

— Я собираюсь отозвать людей, Фрэнк. Местная спасательно-поисковая группа находится здесь почти час, да и мои люди почти столько же. Эти поиски ни к чему не приведут. Мы ничего не нашли. Мы вернемся, когда будет светло.

Блэк будто не слышал, продолжая идти вперед. Словно гончая по горячему следу, то и дело оглядываясь, прислушиваясь к гомону февральской ночи, проводил руками по древесным стволам и верхушкам валунов, ощупывал кучи листьев.

— Фрэнк! Мы уходим. Ты с нами? — голос Блетчера потонул в новом взрыве раций и возбужденных голосов.

Блэк даже не оглянулся.

— К тому времени, когда вы вернетесь, они будут уже мертвы, — бросил он и побрел дальше.

Упрямец! Блетчер направился за ним. Тут к старшему детективу подтянулись Гибелха-

уз и Камм, вымазанные в грязи. Гибелхауз посмотрел на Фрэнка с откровенным недоверием:

— И о чем он только думает? — рассерженно процедил он, клацая зубами. — Что эти трупы хранятся здесь, как бутерброды в холодильнике? Ни один человек не выживет под землей столько времени.

Блетчер перебил его:

— А если выживет?

— Что он собирается делать? — недоуменно протянул в свою очередь Камм.

— Не имею ни малейшего представления, но, похоже, он будет их искать, пока не рухнет от усталости.

— Один?!

— Он не один! — осадил подчиненных Блетчер. — Фрэнк! погоди! Да погоди ты, стрекозел!

Блетчер перешел на бег, пытаясь догнать Фрэнка, спускавшегося по оленьей тропе вниз к реке.

Из-за сильных дождей последних дней река вышла из берегов. Черный поток разлился почти до самой кромки леса, сверкая под бессонной белой луной матовой чешуей. Поисковая группа остановилась здесь. На тот берег никто так и не рискнул перебраться. Слишком опасно. Темно. Холодно. Единственное, что делала в этих условиях команда, так это визуальное прочесывание окрестности. Здесь

им равных не было. Огоньки карманных фонариков, освещавшие противоположный берег, образовывали зловещее мигающее ограждение вдоль реки. Собаки скулили и натягивали поводки, нетерпеливо принюхиваясь к воде. Спасатели, ежась от холода и усталости, оттащивали их назад. Фонари нашли Блетчера, и он невольно прикрыл глаза от яркого света.

— Это все, Боб! Здесь ничего нет, — прокричал кто-то и закашлялся. — Может, мы повернем назад?

Блетчер зашагал к ним, стараясь найти в этой толпе Фрэнка. Но тут его остановил громкий всплеск. Блетчер с трудом разглядел в темноте худощавую фигуру Блэка, входящего в стремительно движущийся поток. Вода сразу же закрутилась вокруг щиколоток, подбираясь выше.

— Фрэнк! Что ты делаешь, черт тебя подери! Ты же закоченеешь!

Фрэнк продолжал медленно брести по воде.

Глядя, как омут затягивает друга-приятеля все глубже и глубже, Блетчер зло выругался. Апостол, упрямец, идиот!

Вода доходила Фрэнку уже до бедер.

— Брось, Фрэнк!

Спасатели изумленно взирали на одинокую фигуру. Впечатление — это привидение, которое своим действием выражает им немой упрек.

Дойдя до кромки воды, Боб остановился. Минуту-другую он мрачно глядел на удаляющийся силуэт бредущего через реку. Затем глубоко вздохнул и вошел в воду.

— О боже!

Холод обжег ноги так сильно, что в первое мгновение он не мог сдвинуться с места. Но вскоре ледяные иглы, покалывающие ступни и голень, стали привычными.

Блетчер с выражением мученичества на полном лице упорно брел по воде следом за Фрэнком. Остальные детективы и поисковая команда возбужденно зашумели за его спиной, оставаясь на прежнем месте.

— Ты что, спятил, Блетч?!

— Пусть катится!

— Ради всего святого, Боб!

Блетчер, задыхаясь от холода, продирался вперед, рискуя каждую минуту быть сметенным речным потоком. Вода поднялась сперва до щиколоток, затем до колен, а потом и выше... иным по пояс будет. Боб тихо ругнулся, представив все последствия своего ночного купания. Особенно волновал один вопрос относительно здоровья. Он его хрипло сформулировал только тогда, когда благополучно добрался до берега:

— Хорошо, что я уже обзавелся семьей, — пробурчал Блетчер, украдкой поглядывая на Фрэнка.

Тот шутку не принял, проигнорировал. Занят был. Фонарик дергался между стволов

и кустарников, нервно перескакивая от одной группы деревьев на другую.

— Фрэнк! Подожди! — прокричал Блетчер, шатающейся походкой выбираясь из воды. Как ни странно, но первое, о чем он подумал, забираясь в воду, был фонарик. Спрятанный в нагрудном кармане, он не пострадал. Спотыкаясь на скользкой, замерзшей земле, он побежал, чтобы заставить кровь циркулировать быстрее — впрочем, не только поэтому. Когда он достиг первых деревьев, бежать стало легче. Блетчер старался не выпускать из виду Фрэнка, фонарик которого порхал в темноте, словно светлячок.

— Фрэнк! — снова закричал он и... споткнулся.

Глухой, гулкий звук. Блетчер застыл на месте и уставился на землю. Послышалось? Снова с силой топнул по куче жухлых подгнивших листьев.

Звук повторился.

Внизу — что-то полое. Внизу — что-то живое.

— Фрэнк! — завопил он, упав на колени. — Фрэнк, сюда! Я нашел! Я нашел!

Фрэнк, задыхаясь, подбежал к нему и тоже опустился на колени.

Они яростно разметали землю, мусор. За считанные минуты место было расчищено.

Блетчер глянул — и остолбенел.

— Ого! Ого-го!

Из листвы показалась деревянная крышка еще одного гроба. В ней было просверлено несколько маленьких дырочек — очевидно, отверстия для воздуха. На шершавом дереве были нацарапаны кривые буквы:

LA GRANDE DAME

— Найди края! — вдруг заорал Фрэнк. — Колай там! — указал туда, где один из краев гроба выступал из-под земли.

Блетчер схватился за него и начал раскачивать, пытаясь выдернуть из земли. Тут-то из-под крышки донесся сдавленный звук ударов и нечеловеческие вопли. И снова удары, словно глухие тона сердца.

Блетчер в ужасе отшатнулся:

— Ого! Ого-го!!!

— Винты, Боб! Винты! Найди винты — у того гроба крышка была завинчена! — Фрэнк старался не терять самообладания, но голос выдавал волнение.

Он достал швейцарский армейский нож и просунул туда, куда указывал Блетчер, подцепив шляпку металлического винта.

Сдавленные крики из гроба усилились. Крышка дрожала, будто ТО, что находилось под ней, из последних сил стремилось вырваться наружу.

— Здесь! — закричал Блетчер, выхватывая нож у Фрэнка и пытаясь подцепить еще один винт. Но руки так сильно тряслись, что он выронил нож.

Фрэнк вновь подхватил его и резким движением вырвал винт.

Теперь гроб был открыт с одной стороны. Крики превратились в непрерывный вой. Вой не человека — существа, обезумевшего от страха, темноты и боли.

Фрэнк и Блетчер напряглись, пытаясь оторвать крышку гроба. Дерево затрещало, и наконец поддалось. Они отлетели назад и принялись ощупью искать свои фонарики.

В это мгновение из гроба выползла какая-то фигура.

Блетчер задохнулся от зловония экскрементов и разлагающейся плоти. Отпрянул назад, в ужас глядя на то, что выбиралось из земли у его ног.

Это был молодой парень, такой грязный, что невозможно было не только определить цвет его кожи, но и сказать, осталась ли на нем вообще кожа. Продолжая выть, он катался по земле.

Только теперь Блетчеру стало ясно, почему доносившиеся до них крики звучали так сдавленно: рот и глаза юноши зашиты. Кривыми грубыми стежками. Из швов сочились гной и кровь. Жутковатое зрелище. Да нет, жуткое! Да нет, жутчайшее!

Кисти рук также оказались сшиты — одна с другой. Грубые стежки стягивали их на запястьях, откуда свисали лохмотья кожи.

Почуввав движение, парень пополз к Блетчеру, жалобно поскуливая. Того сотрясала мел-

кая дрожь. Несмотря на долгие годы работы полицейским, с таким кошмаром он столкнулся впервые. Затем, точно очнувшись от шока, он хрипло что есть мочи заорал:

— Врача! Нам нужен врач! ВРАЧА!

С противоположного берега раздались ответные крики, а затем — громкий плеск. Поисково-спасательный отряд начал форсировать реку. Дошло наконец!

Завывающие всхлипывания юноши то усиливались, то затихали. Ему было очень плохо. Конвульсивно дрогнув, он потерял сознание.

Фрэнк бережно обнял спасенного и стал его поднимать. Блетчер, собрав мужество и волю в массивный кулак, с трудом встал на ноги. Его шатало. Вместе они перенесли жертву подальше от могилы. Кожа юноши влажная и ледяная на ощупь.

Ничего, парнишка! Все уже, уже все. Ночной кошмар закончился, и теперь все будет хорошо. Но хорошо не будет...

Фрэнк знал, что для некоторых людей этот кошмар никогда, никогда не заканчивается. Он чувствовал, что пройдет время, и убийца снова вернется сюда, волоча еще одну жертву. Потом еще одну. И все со слепой улыбкой спасителя. Лжеспасителя.

От реки стали появляться первые огоньки, быстро двигавшиеся сквозь темноту — это спешили к ним медики из поисковой группы.

В нескольких шагах от Фрэнка Блетчер низко склонился над самодельным гробом, пристально разглядывая его изнутри, одной рукой зажимая нос. Вдруг он резко выдохнул и очень осторожно потянулся вовнутрь.

Там, в дальнем углу, было что-то еще, оказавшееся полиэтиленовым мешком. Блетчер схватил его и вытащил наружу.

Мешок был тяжелым, а полиэтилен скользил и был измазан в чем-то вязком. Не опуская мешка, Блетчер осветил его фонариком.

Луч света прошел насквозь, и из-под мутной пластиковой оболочки на Блетчера уставилось чье-то лицо — полуразложившиеся глаза, серо-голубые щеки, обрамленные спутанными светлыми волосами. У основания шеи наружу выступали позвонки, покрытые обрывками землисто-серой плоти. Одно ухо почти полностью отрезано и болтается около челюсти, точно набухший плод. На лбу у женщины, словно клеймо, вырезано слово:

ТАЙНА

— Пандемия, — прошептал Блетчер.

Фрэнк застонал от боли и ярости. Боже, каким нужно быть чудовищем, чтобы придумать столь извращенную пытку и при этом считать себя правым. Он не испытывал к Французу ничего, кроме омерзения. Хотелось поскорее отыскать его. Отыскать и раздавить. Потому что это уже не человек.

На прогалину выбежали первые спасатели и в ужасе отшатнулись при виде старшего детектива, державшего свой жуткий трофей.

— Они пришли, чтобы помочь тебе, — прошептал Фрэнк молодому человеку. — Они тебе помогут. Все позади.

Он осторожно передал мальчика медикам, а затем выпрямился и обратился к остальным:

— Здесь могут быть и другие! Такие же! Живые. Еще живые, ясно!

Что ж, былого неприятия как не бывало. Ему безоговорочно поверили все. Есть многое на свете, недоступное пониманию. Ты либо принимаешь это, либо нет. Третьего не дано. Беспокойно залаяла одна из собак. Затем спасатели рассыпались по лесу и вновь приступили к поискам — на сей раз уже всерьез.

21

Г Л А В А

Почти рассвело, когда Фрэнк и Блетчер вернулись обратно. Сумрачный свет просачивался сквозь окна кабинета старшего детектива. Люди сновали взад и вперед, принося какие-то бумаги, отправленные факсы и картонные папки.

Фрэнк сидел в кресле, глаза закрыты, лицо — эдакая посмертная маска. Сказывалось нервное напряжение минувшей ночи.

Блетчер нервно раскачивался взад и вперед, не отрывая покрасневших глаз от телефона. Ждал результатов экспертизы, новой информации о пареньке.

В дверях появилась неслышная тень. Кто-то тихо подошел к Фрэнку и одобрительно похлопал по плечу.

Открыв глаза, тот узнал Гибелхауза. Вчерашний оппонент выглядел иначе. Недавние события отрезвили его, дав пищу для серьезных размышлений. Теперь он признавал правоту Фрэнка, коря себя за давешнюю намеренную грубость.

— Вот. Полагаю, вам это не помешает, — произнес Гибелхауз, протягивая Фрэнку чашку кофе.

— Спасибо!

Ты прощен, Гибелхауз. Иди и больше не греш.

Кофе был тайной слабостью Фрэнка Блэка еще со времен учебы в колледже. Вместе с другими кофеманами они собирались на дружеские посиделки и смаковали разные сорта. Он знал толк в кофе. За чашкой кофе они когда-то познакомились и с Кэтрин. Он вспомнил, как, набравшись смелости, Фрэнк тогда подошел к рыжеволосой красавице и попросил позволения присесть. Две чашки хорошего «Президента» положили начало новой истории любви. С тех пор в их доме пили исключительно этот сорт. Кофе, как и сигареты, действительно сближает. Чай — не то. В нем нет магического вкуса и горького аромата. Кофе быстрее остывает — тем самым напоминая о бренности человеческого существования. О бренности человеческого существования вообще.

В полицейском управлении Сиэтла кофе варить умели. И дело здесь даже не в хорошей

кофеварке или элитном сорте, дело в другом. Его здесь ценили. Порой только кофе спасал от сна после тяжелого дежурства, он помогал успокоить нервы и являлся замечательным поводом завязать беседу.

Заметив благодарную улыбку, Гибелхауз кивнул, точно извиняясь, и облокотился на стол:

— Нашли еще два гроба. Оба пустые.

— Им недолго бы пришлось оставаться пустыми.

Блетчер повесил телефонную трубку и повернулся к ним.

— Парень только что дал описание подозреваемого. Белый мужчина, около тридцати лет, на голове бейсбольная кепка. Они сейчас работают над фотороботом, — он многозначительно уел Гибелхауза взглядом: — Преступник взял у него кровь. И при этом сказал, что если анализ окажется положительным, он его убьет. Но, думаю, что он все равно бы его убил. Кстати сказать, они познакомились недалеко от Волонтир-Парка. Вчера утром. Парень голосовал, мужчина его подвез. Потом предложил выпить по стаканчику.

Гибелхауз помолчал и:

— Я был не прав. Пойду, передам новые данные в эфир... — поспешил прочь.

— Таким образом убийца выносит приговор, — произнес Фрэнк. В его голосе слышалась абсолютная уверенность. — Он, вероят-

но, отправляет кровь на анализ, а затем выносит несчастным смертные приговоры. Он избавляет город от чумы.

Блетчер развел руками.

— Чертов ассенизатор. Ну и как нам его поймать?

— Следите за местами преступлений. Убийцы всегда возвращаются туда снова и снова. Отправь в Волонтир-Парк на несколько дней всех, кого сможешь освободить. Сделайте фоторобот. Проверьте все медицинские учреждения, которые делают анализы крови. Должна быть какая-нибудь зацепка.

Блетчер вновь посмотрел на телефон.

— Хорошо. Мы уже направили соответствующие распоряжения во все лаборатории.

Фрэнк вздохнул и встал:

— Мне нужно позвонить Кэтрин. Она очень волнуется, я ведь сорвался посередине ночи.

Блетчер протянул ему телефонную трубку. Когда тот взял ее, Блетчер натянуто произнес:

— Я в полиции восемнадцать лет, Фрэнк. Но никогда не видел ничего более ужасного. Неужели мы действительно превращаемся в животных? Ведь ни один нормальный человек не додумается до этого.

— Он ненормальный.

— Знаешь, Фрэнк, сегодня ночью я понял, что это значит для тебя. ЧЕМ это было в твоей жизни и почему ты подал в отставку.

- Ну-ну, старина, ну-ну.
- Да нет, правда.
- Ну-ну.

Минувшая ночь расставила все по своим местам. Обида прошла, да в общем-то он не вправе обижаться на Боба. Блетчер так же, как и Фрэнк, выполнял свой служебный долг. Так, как считал нужным, по-своему. Но за это винить нельзя.

Фрэнк медленно положил телефонную трубку. Провел рукой по измученному лицу, собираясь с мыслями. Раньше он не думал, что придет минута, когда захочется рассказать. Не все, но многое. А Блетчер сейчас как никто другой мог понять мотивы и поступки Фрэнка...

— Это не сразу пришло. Жестокость, неопишуемые преступления — все это в какой-то момент стало для меня вполне обыденным делом, лишенным остроты и понимания. Я точно впал в оцепенение, — Фрэнк говорил, будто вспоминая заученные слова, которые произносил и раньше добрую сотню раз. Но оба знали, что это далеко не так. — Через некоторое время я как будто перестал вообще что-либо чувствовать. Лягушка в анабиозе.

— А что было потом?

Фрэнк вздохнул и облокотился на край его письменного стола.

— Я работал по делу о серии убийств в Миннесоте. Убийцу звали Эд Каффл. Убий-

ца с извращенным чувством юмора и особым восприятием жизни, если так, конечно, можно сказать о маньяке. Он мог выбрать любой соседский дом, подойти к двери — все совершенно случайно. Под влиянием импульса. При чем когда возникнет этот импульс, никто не знал. Если дверь оказывалась не запертой, он расценивал это как приглашение хозяев войти в дом. Как согласие быть убитыми. Им. Затем он фотографировал свои жертвы «Полароидом» и посылал снимки в полицию... Серийный убийца работает именно так — поэтому их и называют серийными. Сперва они ловят кайф от убийства, от насилия как такового. Крики, вопли только подстегивают их воображение, обостряют чувственность. Потом они ловят кайф уже оттого, что их не могут поймать. И тогда убивают снова и снова. Самый страшный вид зависимости, зависимости от убийства. Они убивают, а мы их в конце концов ловим. Потому что они не могут остановиться и не могут хоть раз да не оставить улики. Они играют с полицией, как кошка с мышью — их возбуждает опасность, возбуждает угроза быть пойманными... Существует два типа серийных убийц. Одни совершают преступления по четко продуманной схеме, в их поступках всегда есть логика. Вторые, напротив, импровизаторы. Каффла было очень сложно поймать — в его убийствах не было логики. Он выбирал свои жертвы абсолютно

случайно. Наша работа напоминала расшифровку кода, придуманного сумасшедшим. Мы занимались этим несколько месяцев и все же поймали его. Эд Каффл получил три пожизненных срока.

Он замолчал.

Блетчер терпеливо ждал продолжения. Не дождался и спросил:

— Значит, это случилось тогда?

Фрэнк поднял голову. Его глаза блеснули, как у безумца.

— Год спустя я забирал почту из ящика и обнаружил там адресованный мне конверт. Без обратного адреса. Внутри... внутри были фотографии Кэтрин. Кэтрин в супермаркете. Кэтрин в школе. И вдруг этот мой душевный наркоз испарился, и оцепенение превратилось в парализующий страх.

— Ты нашел того, кто послал тебе эти снимки?

— Нет. Я даже не находил в себе сил выйти из дома. Зачем ходить на работу, зачем защищать других, если не можешь защитить собственную семью? Джордан... Джордан была для нас настоящим чудом. Доктора говорили, что мы никогда не сумеем зачать ее. Как же я мог жить, зная, что она в опасности?

— Но ведь ты справился с этим, Фрэнк! Ты справился... Но как?

— На меня вышла группа мужчин и женщин, которые помогли мне понять природу

этого явления... — он помедлил. — Моего дара. Моего проклятия.

Блетчер кивнул, точно подбадривая его:

— Та самая группа, «Миллениум»?

— Да.

— И что, они действительно верят во всю эту чушь? В предсказания Нострадамуса, в Апокалипсис, в конец света?

— Они полагают, что нам не следует просто сидеть сложа руки и надеяться на счастливый конец. Тем более совершенно очевидно, что хэппи-энда у человечества не будет. Не заслужили мы хэппи-энд. Слишком много крови накопилось за тысячелетие, слишком много преступлений и открытий. Счастье, Блетч, в незнании. А мы, напротив, стремимся к ЗНАНИЮ. Каждый из нас сознательно идет к собственной гибели, тем самым приближая разрушение всей цивилизации. Известно пять цивилизаций, Боб, но наша будет последней. Однако при желании, при очень сильном желании, эту гибель можно отсрочить, дав шанс нашим детям исправить положение. Близится Миллениум. На стыке веков всегда происходят страшные трагедии и катастрофы. Конец каждого столетия — одновременно череда новых открытий и зверских преступлений, кровопролитных войн и гибели тысяч людей. Неважно, виноваты они в чем-то или нет. Смерть всех уравнивает. Но Миллениум страшен вдвойне. Это своеобразный экзамен

для всех, тест на выживаемость. Осилит ли мы еще одно тысячелетие? Иногда мне кажется, что нет. Мы слишком устали от самих себя. Силенок не хватает. Да, слишком много грехов и преступлений, слишком много крови и мало любви. И все же еще можно попытаться... Вдруг получится? Ведь даже в тексте Апокалипсиса, Откровения от Иоанна, есть надежда. Еще не снята седьмая печать. Большинство не верят в предсказания Нострадамуса и Апокалипсис. Только когда происходит очередная катастрофа, люди обращаются за помощью к мистике, психологически так легче пережить горе и страх. Каждый выбирает сам, верить ему в Бога, дьявола, судьбу или фатум. Списывать все неудачи на карму или же пытаться что-либо изменить. Каждый выбирает сам. Я выбрал. Принял решение. Признаться, это было нелегко. Людям из группы «Миллениум» — тоже. У каждого из них свой дар и свое проклятие. Однако мы хотим хотя бы немного очистить мир от скверны, в которую он погружается. Это — как очистить Авгиевы конюшни. Блетчер, я хочу только одного, чтобы моя дочь никогда не испытала на себе той боли и грязи, которые пришлось на мою жизнь. Она заслуживает лучшего. И ради этого я готов на очень многое.

Он снова дотянулся до телефонной трубки и стал набирать номер больницы. Тем

самым показывая, что разговор закончен. Он немного жалел об этой импровизированной исповеди, а с другой стороны — понимал: это необходимо. Но достаточно. Достаточно, Боб, дружище!

Осознав, что продолжения не последует, Блетчер на цыпочках вышел из кабинета.

Фрэнк посмотрел ему вслед и нахмурился: из трубки донеслись короткие гудки. Он нажал на рычаг, собираясь перезвонить еще раз, но не успел — телефон тут же зазвонил.

— Кабинет Боба Блетчера, — произнес Фрэнк, взглянув на дверь: не появится ли старший детектив, привлеченный звуком раздраженного телефона.

— Боб? — спросил мужской голос.

— Нет, он только что вышел.

Звонивший крикнул от досады.

— Вы не могли бы передать ему информацию от меня? Это срочно.

Фрэнк протянул руку, шаря по столу Блетчера в поисках чистого листка бумаги.

— Подождите, я возьму ручку. Записываю.

— Мы проследили те образцы крови, которые он искал. Все они были отправлены в лабораторию, которой пользуется полицейское управление центральной части Сиэтла.

У Фрэнка зазвенело в ушах. Казалось, что голос на другом конце линии стал тише. Он судорожно сглотнул — во рту опять привкус желчи и меди.

— Откуда они были отправлены? — спросил он.

— В этом-то все и дело, — в голосе абонента слышалось не то что бы разочарование, а скорее замешательство. — Они были отправлены по обычным каналам полицейского управления. С тем же курьером. Внутриведомственной почтой.

— Внутриведомственной...

Фрэнк положил трубку и, шатаясь, встал. Казалось, что комната начала расплываться: стулья, столы и книжные полки стали терять свои очертания, сливаясь в унылый пейзаж затопленного леса; становясь полусгнившими пристанями и грязными переулками города, затопляемого приливом, столь стремительным и неотвратимым, что можно было смотреть на него в благоговейном страхе-ужасе, осознавая, что так начинается истинный конец света. Смрад нечистот, запах горящего бензина, тлеющих волос и паленого мяса заполнил комнату. Частицы пыли, медленно кружившиеся над настольной лампой Блетчера, начали сливаться в силуэт соблазнительно извивающейся женщины, или нет: в обезглавленный труп, упакованный в черный пластик.

— Боб!

Голос Фрэнка хрипло прозвенел в пустом кабинете. Он выбежал в коридор, тщетно оглядываясь по сторонам.

— Боб!

Ответа не было.

Он побежал по коридору к грузовому лифту. Сердце гулко стучало в груди.

Лифт прибыл лишь через пару минут. Невыносимо медленно тяжелые двери расползлись.

Он прыгнул в кабину, яростно давя на кнопку до тех пор, пока двери вновь не закрылись.

Лифт поехал вниз — еще более медленно и вяло. Прыжок в преисподнюю. Прыжок на встречу смерти в обличье человека.

Фрэнк прислонился к стенке кабины, следя за прыгающими надписями на дисплее: «3», «2», «вестибюль», «гараж».

Тихие щелчки, грохот канатов, приглушенные голоса.

«3», «2», «вестибюль», «гараж».

И наконец на экране яркими красными буквами высветился последний пункт назначения:

МОРГ

22

Г Л А В А

...Вначале была боль. И дьявол сказал: это хорошо.

Сдавленные крики, тяжелое дыхание, багровые волны, плещущиеся у ног.

И был день первый.

Покинув лифт, Фрэнк Блэк быстро пошел по пустынному коридору без единого окна. Шаги гулко застучали по холодной плитке пола.

Дойдя до помещения морга, он проскользнул через двойную дверь, игнорируя предупредительные знаки: *«Посторонним вход воспрещен! Биологическая опасность! Пожалуйста, соблюдайте все правила безопасности!»*

...Вначале был страх. И дьявол сказал: пусть будет так.

Багровые волны накатывали, подбираясь все выше и выше — к пульсирующей опухоли в паху.

И был день второй.

В захлестнувшем его потоке ледяного воздуха чувствовался сладкий привкус лактозы и формальдегида, запах спирта и дезинфицирующих веществ, а еще — слабый, но едкий и всепроникающий смрад разложения. Запах смерти.

Омерзительный архипелаг выстроенных вдоль стен стальных каталок, наваленные на них трупы и мешки с телами — некое подобие безымянных возвышенностей.

...Вначале был грех. И дьявол сказал: пользуйтесь тем, что есть.

Прикосновения чьих-то губ и языка. Взрыв сознания. Горечь наслаждения.

И был день третий.

Кафельный пол, прорезанный сетью сточных канавок, ведущих к анатомическим столам у противоположной стены.

Около одного из столов — человек в белом халате, склоненный над сверкающей грудой скальпелей, увеличительных стекол и хирургических ножей.

...Вначале была жажда. И дьявол сказал: пей, пока не утолишь ее, пей до тех пор, пока во рту не появится привкус крови, желчи и меди.

И был день четвертый.

На столе же — обнаженное, вздущееся и посиневшее тело. Грудная клетка вскрыта, и из нее, точно корабельные рангоуты, — торчащие ребра.

...Вначале была ненависть. И дьявол сказал: отпусти ее, ибо она обратная сторона любви, а любовь разрушает.

И был день пятый.

С видом исследователя, делающего научное открытие, живой методично потрошил покойника.

Покойник, естественно, не сопротивлялся, лишь изредка поскрипывал, когда скальпель касался хлипкой плоти или костей.

...Вначале был огонь. И дьявол сказал: да пожрет пламя всех невинных и праведных, грешников и блудниц... но ты останешься.

И был день шестой.

В день шестой кровь сочилась из глазниц.

И хотя голос, который он слышал, всегда был его голосом, а крики — его криками, кровь принадлежала чужим.

Так всегда начиналось. Так всегда заканчивалось.

Задыхаясь, он оставался на берегу скорби; прилив шел на убыль, смывая боль и страх, после — ничего не оставалось, кроме этого привкуса во рту и пятен крови на его ладонях.

— Простите, я ищу главного патологоанатома — Мэсси, Курта Мэсси.

— Его здесь нет... — погруженный в свое занятие человек едва взглянул на Фрэнка. — Можете оставить записку. Я передам, что вы заходили.

Записку? Э-э нет!

Память стремительно выбросила на поверхность восприятия другой голос, с другой интонацией. Голос вновь и вновь повторял хриплым шепотом: «Я хочу увидеть, как ты танцуешь, я хочу увидеть, как ты танцуешь в кровавом приливе»...

Длинная цепь жутких событий, спаянная смертью и страхом, неожиданно замкнулась. Ее замочек, державший все звенья, находился здесь. В море.

Фрэнк пожирал глазами фигуру в белом халате, склонившуюся над бескровным телом. На руках — резиновые перчатки.

— Вы зря ждете, я же сказал!

Взгляды встретились, как тогда, на тропинке в Волонтир-Парке.

В этих в его расширенных глазах Фрэнк увидел, как мечется в огне девушка по имени Вторник; увидел тело Пандемии с аккуратно скрещенными руками на пропитанной кровью груди; увидел обгоревшее, застывшее в невыразимом ужасе лицо другого трупа, заколоченного в грубый гроб. Он видел все это столь же ясно, как и внутренние органы трупа, который сейчас препарировал убийца.

А еще в этих глазах Фрэнк увидел себя — собственное лицо, отражавшееся в зрачках убийцы, увидел таким, каким оно в это мгновение представало перед Французом: лицо худощавого ангела-мстителя, пришедшего за кровавым пророком. Все пророки рано или поздно умирают. Таков закон. Сегодня — очередь Француза.

Так всегда начиналось. Так всегда заканчивалось.

Задыхаясь, он оставался на берегу скорби; прилив шел на убыль, смывая боль и страх, после — ничего не оставалось, кроме этого привкуса во рту и пятен крови на его ладонях.

...Ничего, кроме жажды. Жажды смерти.

И тогда наступал День Седьмой.

— Нет! — закричал Француз.

Мучительное осознание, что все кончилось... Откровение, причинившее боль.

Однако он не собирался сдаваться. Стремительным движением санитар схватил со стола нож — длинный, с зазубренными краями, предназначенный для распиливания костей и мускульных тканей.

Фрэнк увернулся, отступив за одну из каталок с трупом, и со всей силы толкнул ее на Француза.

Тот снова размахнулся, перегнувшись через мертвое тело, и нож прошел в опасной близости от лица Фрэнка, успевшего отшатнуться в сторону.

Фрэнк толкнул каталку еще раз, вынудив Француза отступить назад, к металлическому столу.

— Кто ты такой, чтобы судить меня?! — завопил Француз. От напряжения в его глазах лопнули сосуды, лицо побагровело, следы оспин налились синюшным цветом.

— Положи нож, и мы с тобой поговорим, — ответил Фрэнк, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно.

Вместо ответа Француз сделал новый выпад. Теперь нож прошел в дюйме от груди.

Фрэнк всем весом навалился на каталку так, что Француз оказался придавленным к столу.

Маньяк, словно жирный червь, начал извиваться, тщетно пытаясь освободиться.

— Они виновны! — вопил он. — Ты знаешь это! Они все виновны и должны быть наказаны. У меня особая миссия: — я должен

спасти этот город от чумы. Сиэтл — единственное, что я люблю!

— Положи нож.

— Я взял на себя ответственность! Кто-то должен был это сделать! Покарать их, погрязших в разврате там, где Сатана воздвиг свой трон! Это пришла страшная чума! Кто-то должен это сделать! Кто-то должен взять на себя ответственность!

— Положи нож.

Фрэнк старался предугадать следующее движение убийцы. До двери было далеко. Все оружие, а точнее все анатомические инструменты находились на столе около Француза. Фрэнк прикидывал, удастся ли дотянуться до какого-нибудь из них, когда Француз вновь сделал выпад.

Фрэнк инстинктивно отшатнулся и по инерции отступил назад.

Француз толкнул каталку, которая покадилась на Блэка, сбив его с ног. Рухнув на пол, Фрэнк увидел, как каталка начинает крениться и падать прямо на него. Он попытался увернуться, но — слишком поздно: каталка страшным грузом придавила к полу. Каталка плюс ее содержимое, то есть труп. Тяжесть неподъемная. Придавило трупом.

В ту же секунду Француз склонился над ним, приставив нож к горлу:

— Так гласит пророчество! — прошипел он. — Близится Апокалипсис, все грешники будут гореть в кровавом пламени!

Теперь лишь труп, как последний бастион, отделял их друг от друга.

— Это приговор — и это победа! Моя победа! Так все закончится. Но ты ведь и сам знаешь, ты ведь все видел, не так ли? Ты видел то же, что и я. Стену, за которой прячутся ОНИ! Блудниц в горящем озере! Ты все видел. Какое право ты имеешь судить меня?! Что сделал ты, чтобы прекратить великую чуму?!

Фрэнк понимал — в словах Француза есть горькая правда. Каким-то звериным чутьем Француз догадался обо всем. Догадался, кто он, этот Фрэнк Блэк. Распознал его дар. Убийца видел его насквозь, как и Фрэнк убийцу. На мгновение не стало преступника и полицейского: вместо них появился новый человек, отягощенный вереницей преступлений. Он с трудом шагал по реке крови, увязая в черных сгустках разорванных сосудов. В одной его руке был острый нож, другая плетью висела вдоль туловища. Он шел и понимал, что скоро придет конец. И НИЧЕГО УЖЕ НЕЛЬЗЯ ИСПРАВИТЬ!

— Ты знаешь, что грядет конец! — кричал Француз. — Прошла тысяча лет, и придет новая тысяча! Миллениум!

Неожиданно прервав свою проповедь, Француз попытался вонзить нож в горло Фрэнка.

Тяжело дыша, Фрэнк оттолкнул мертвое тело, и оно безропотно приняло удар. Затем

он пинком отшвырнул труп в сторону и попытался откатиться. Но не успел.

Француз быстро выдернул нож из тела и кинулся к Фрэнку, занося руку для последнего, смертельного удара.

— Ты думаешь, ты тот, кто остановит это?! — закричал он. — Ты думаешь, что это можно остановить?!

Теперь Француз направил на противника лезвие, целя в сердце.

Борясь из последних сил, Фрэнк отчаянно старался избежать удара, понимая, что еще чуть-чуть — и произойдет непоправимое.

И оно произошло.

Раскат грома потряс комнату. Склоненное над ним лицо содрогнулось, и Француза волной отбросило назад. Он с грохотом упал на пол, из груди хлынула кровь.

Фрэнк поднялся на локте и увидел Боба Блетчера в дверном проеме. В руке дымился пистолет, все еще нацеленный на упавшего человека.

— Фрэнк! Старина! Тебя нельзя оставить ни на минуту. Вечно ты вляпываешься в историю!

Фрэнк слабо улыбнулся:

— Не вляпываюсь, а вхожу. В историю. Судьба у меня такая, Боб.

— Не судьба, а голова. Доверяй людям, Фрэнк, это иногда бывает даже полезно.

Они оба приблизились к Французу. Тот свернулся жалким клубком на полу, зажимая

побелевшими пальцами рану на груди. Кровь текла по белому халату, медленно сочилась изо рта. Он смотрел на Фрэнка странным, напряженным взглядом — ни злости, ни огня. Только внезапное понимание ИСТИНЫ, открывшейся на пороге вечной ночи.

— Ты не сможешь этого остановить, — про-
бормотал он слабеющим голосом.

Еще на одно мгновение, в последний раз, их взгляды встретились. В стеклянных глазах Француза — предупреждение:

— Ты... не сможешь... остановить...

23

Г Л А В А

Было уже три часа дня, когда они подъехали к дому Француза.

Бедный, но чистенький квартал. Аккуратные домики.

Во дворе альпийская лужайка. Чисто и красиво.

На двери — тяжелый крест. Француз вырос в очень религиозной семье.

Прежде чем войти, Блетчер и Фрэнк долго сидели в машине.

Блетчер нервно курил.

Фрэнк устало молчал. Если ты побывал на краю бездны, то сначала солнечный свет покажется слишком ярким. Надо привыкнуть к нему. Недаром древние говорили, что каждому новому состоянию предшествует смерть.

Физическая. Духовная. Символическая. Умирая, мы рождаемся в другом обличье.

Теперь новый Фрэнк Блэк сидел в салоне собственного «чероки» и думал о Французе. Мистическая связь между ними наконец прервалась, почти полностью освободив сознание Фрэнка. Однако память скрупулезно подобрала увиденные ранее картинки и уложила на дно души.

Отныне сны Фрэнка пополнятся новыми кошмарами. И с этим ничего не поделаешь.

— До сих пор не верится, — произнес наконец Блетчер. — Если бы не случайность, он продолжал бы убивать. Прими мои извинения. Я был не прав. Я должен прислушиваться к советам, тем более если это советы друзей.

Фрэнк хмыкнул, заключая перемирие:

— Как ни банально это звучит, Блетч, но в каждой случайности есть своя закономерность. У тебя действительно работают профессионалы, но им не хватает воображения. Они мыслят узко и стереотипно. Преступники, как и техника, идут вперед. Они меняются быстрее нас. Люди перестают удивляться крови и жестокости. Вспомни, несколько лет назад серия подобных убийств вызвала бы в обществе настоящий шок. А сейчас пройдет два-три дня, и все забудется. Так уже бывало. Даже террористические акты, даже массовые расстрелы и изощренные казни

многих оставляют равнодушными. Человека всегда интересовал только он сам, другие — постольку-поскольку. Но, уверяю тебя, если бы Француз остался жить; газеты пестрели бы сенсационными заголовками. Со временем подробности канут в Лету и, не удивлюсь, если бы его неожиданно назвали новым Иоанном Крестителем, который боролся с массовым развратом и чумой. У Француза обязательно нашлись бы последователи. А обывателей больше всего волновало бы, посадят его на электрический стул или нет. Как известно, существует великое множество способов умертвить человека. Но, пожалуй, самым изощренным является электрический стул. Снова бы обсуждались биологические особенности этой казни, ее процедура. Помнишь последние публикации на эту тему?

Фрэнк намекал на серию заказных статей, в которых сладострастно обсуждались подробности казни одного из потрошителей. Журналисты взахлеб описывали, как осужденного привязали к специальному креслу, а исполнитель закрепил влажные медные электроды на его голове и ноге. На короткий промежуток времени был подан электроток большой силы. При этом температура тела приговоренного возросла до 138 градусов по Фаренгейту. Смерть наступила в результате остановки сердца и паралича дыхания. Свидетели были в восторге.

Фрэнк поморщился. В человеке на генетическом уровне заложено желание уничтожить себе подобного. Со времен Каина люди истребляют друг друга. Многообразие видов казней — лишнее тому подтверждение. Прорастающий сквозь тело бамбук, дыба, кол, гильотина и уж конечно электрический стул. Но почему-то мало кто помнит, что при казни электротоком происходит: мгновенно обугливаются внутренние органы; часто после включения рубильника обреченные, сдерживаемые ремнями, бросаются вперед; может иметь место дефекация, мочеиспускание, рвота кровью. Очевидцы казни всегда отмечают запах жженого мяса. Кроме того, вскипают глазные яблоки, и поэтому обычно на приговоренного надевают маску, чтобы не шокировать свидетелей казни. Впрочем, свидетели, как правило, бывают очень недовольны, если не видят лица осужденного. Может быть, он и не прав, считая, что новое Тысячелетие подарит человечеству надежду на спасение. Какое уж тут спасение?

— Ну что, пойдём?

Блетчер тяжело вздохнул и без особого энтузиазма вышел из «чероки».

— Пойдем. У нас не так уж и много времени.

Дверь открыла пожилая женщина. Мать? Его мать. Мать Француза.

Они уже многое знали о Французе. Его настоящее имя, полные имена обоих родителей,

знали, где он учился, даже то, почему и как попал на работу в морг. Они не знали лишь одного — что послужило первым толчком. Из-за чего он стал убивать.

Француза воспитывала мать.

Он скрывал от нее все. Растущее пристрастие к мальчишкам, ночные визиты в «Рубиновый коготок» и даже место основной работы. Она оставалась в блаженном неведении. Для мамочки Француз был примерным и хорошим мальчиком. Таким, каким она его воспитывала, с твердыми религиозными убеждениями.

Теперь она сидела на кухне перед ворохом газет с застывшими фотографиями Пандемии и потерянно повторяла:

— Как же так получилось?

Смерть сына она восприняла намного спокойнее, чем известие о том, что ей предшествовало. Похоже, до сознания этой женщины так и не дошло, что теперь она осталась совсем одна. Гораздо больше ее волновало, что скажут соседи, что скажет община. Что скажет Бог.

Но Бог в этот день почему-то молчал.

Фрэнк вошел в комнату, где еще сегодня утром Француз досматривал последние в своей жизни сны.

Комната походила на узкую келью. Тот же ворох газет, теологические брошюры, катрены Нострадамуса, потрепанный томик Библии. Все

то, что он и ожидал увидеть в этой комнате, лишенной всякой индивидуальности. Полиция сейчас обследовала подвал, в котором Француз проводил все свободное время. Вот там-то и была индивидуальность, а здесь — смазанные мысли, противоречивые чувства и желания. Здесь нет ничего, кроме книг. Библия сама раскрылась на зачитанной странице. Откровение от Иоанна. Апокалипсис.

И голос, который я слышал с неба, опять стал говорить со мной и сказал: пойди, возьми раскрытую книжку из руки Ангела, стоящего на море и на земле.

И я пошел к Ангелу и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих она будет сладка, как мед.

И взял я книжку из руки Ангела и съел ее, и она в устах моих была сладка, как мед; когда съел ее, то горько стало во чреве моём.

И сказал он мне: тебе надлежит опять пророчествовать о народах и племенах и языках и царях многих...

— Фрэнк...

Плеча коснулась ледяная рука Блетчера.

— Фрэнк, мы нашли подвал. Там... Просто в голове не укладывается...

Блэк, не оглядываясь, глухо ответил:

— Я знаю, что ТАМ. Только не понимаю одного, почему она ничего не слышала и не видела.

— Мы слепы к грехам своих детей, предпочитаем их не замечать. Когда он приводил туда украдкой очередного мальчика, она включала музыку погромче. Когда он зашивал им глаза и рот, она уходила в церковь на службу. К ее возвращению обычно все заканчивалось. Он очень боялся, что она узнает обо всем...

Фрэнк положил Библию на полку и вышел на кухню, где по-прежнему, поскуливая от боли, раскачивалась старая женщина.

Поистине странна любовь человеческая. Мы слепы к грехам своих детей, но мы также слепы к грехам родителей.

Он подошел и сел рядом, желая пробиться сквозь стену недоверия и шока. Он хотел задать один-единственный вопрос:

— Почему?

И вместе с ним этот вопрос мертвыми призраками задавали Пандемия и ее маленькая дочь, сожженный Джо и еще несколько изуродованных мальчиков, чья вина была лишь в том, что они повстречались на пути нежити, которая хотела стать человеком. Но в каждой случайности есть своя закономерность. Француз ощущал себя другим, и в этом была его ошибка.

— Почему?

Из-под пластмассовых дешевых очков взглянули выцветшие от старости глаза Француза:

— Ты... ничего... не сможешь... остановить...

Прочь отсюда! Прочь из дома, насквозь пропахшего безумием и разложением человеческой плоти и духа.

Они вышли, Блэк и Блетчер.

— Слава богу, Фрэнк, ВСЕ наконец закончилось. У меня опять будет тридцать четыре убийства в год и хорошая раскрываемость. А мои парни поедут домой и выспятся.

— Ты не прав, Боб, ты опять не прав. ВСЕ только начинается. На пороге — Тысячелетие. Знаешь, что говорится в Библии по этому поводу: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее, пожелают умереть, но смерть убежит от них».

Так что все еще начинается...

...И когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе....

24

Г Л А В А

Прошло несколько дней. Газетная шумиха, как и предсказывал Фрэнк, благополучно улеглась. Итоги расследования были подведены. Боб Блетчер награжден. В Сиэтле вновь активизировалось общество свободных журналистов, которое мгновенно потребовало защиты чести и достоинства для каждого приверженца свободной любви. Гомосексуалистов поддержали лесбиянки, сестры по пороку. Так что начало весны обещало быть на редкость интересным и неожиданным. Добропорядочные граждане, смаковавшие подробности зверских убийств, переключились на другие события, благо их в большом городе каждый день случается немало. Удаленные кварталы вздохнули с облегчением. Некоторое время можно было спать спокойно — до

нового маньяка и новых жертв. Их тоже бывает немало на улицах Сиэтла, в котором все продается и все покупается.

Кэтрин стояла в кухне, торопливо допивая утренний кофе. Фрэнк ушел из дома совсем рано, сославшись на какое-то срочное задание и оставив ее одну с Джордан, которую днем раньше выписали из больницы. Они все еще ждали результатов обследования. Было проведено огромное количество анализов, но при этом врач заверил Кэтрин и Фрэнка, что в настоящий момент Джордан ничто не грозит.

— С детьми такое иногда случается, — сказал им врач при последней встрече. — И я знаю, как это ужасно для родителей: наблюдать подобный приступ, его последствия. Но если это связано с чем-то конкретным — например, с высокой температурой, — приступ подобного рода не является серьезным основанием для беспокойства. Тем не менее мы дождемся результатов анализов, чтобы убедиться в том, что ничего опасного нет.

Джордан вернулась домой.

А на следующее утро у Кэтрин было назначено собеседование по поводу устройства на работу — собеседование, которое она могла пропустить, если Фрэнк не вернется вовремя.

Она поставила кофейную чашку, в сотый раз поправила юбку и пригладила волосы, аккуратно заплетенные в непривычную для нее косу. Уверенная в себе молодая женщина.

Настоящая бизнес-вумен. М-да, домохозяйка из Кэтрин, конечно, хорошая, но она не хотела сидеть дома, вздрагивая от звонков и шагов на крыльце. На работе — этого не замечаешь. Там все гораздо спокойнее.

Кэтрин взяла со стола золотые сережки, лежавшие рядом с копиями ее резюме и теми материалами о будущей работе, которые рекрутинговое агентство направило ей, когда они еще жили на прежнем месте, в округе Колумбия.

— Кэтрин!

Она обернулась и увидела Фрэнка, просунувшего голову в дверь, которая вела в столовую. Вид у него был веселый и заговорщицкий.

Она улыбнулась.

— Я рада, что ты вернулся, — я опаздываю на собеседование.

Она вдела сережки в уши и оглянулась на мужа.

Фрэнк продолжал стоять на том же самом месте, так что ей была видна только его голова. Выражение облегчения на ее лице сменилось любопытством.

— Ты что там делаешь, Фрэнк?

— Где Джордан? — прошептал он в ответ.

— Она наверху, в своей комнате. А почему шепотом? Что случилось, Фрэнк?

Убедившись в том, что путь свободен, он распахнул дверь и вошел в кухню. Из-под куртки выглядывал маленький рыже-белый клубок шерсти.

— О боже! — Кэтрин восхищенно всплеснула руками и бросилась к мужу, выхватывая у него из рук очаровательного щенка.

Щенок заскулил и потянулся к ней, норовя слизать тщательно наложенную косметику.

— Это колли. Говорят, они все произошли от бассетов. Как ты и хотела.

Он взял щенка из ее рук и жестом показал, чтобы она шла наверх первой. Дойдя до верхней ступеньки, он услышал возбужденный голос Джордан:

— Что это? Ну, мама, ну, скажи мне! Что за сюрприз?

— Закрой глазки, дорогая, давай-давай. Это специальный подарок для нашей девочки за то, что она так храбро себя вела.

Притаившийся за дверью Фрэнк заглянул внутрь, чтобы убедиться, что Джордан закрыла глаза.

Девочка сидела в постели, все еще в пижаме и с игрушечным бульдогом на коленях. Глаза плотно зажмурены.

Стоявшая возле кровати Кэтрин кивнула Фрэнку.

Он вошел.

— Мне кажется, что кто-то подглядывает, — пожурела дочь Кэтрин.

— Что, что это? — задыхаясь от волнения, закричала Джордан.

Фрэнк неслышно пересек комнату и положил щенка ей на колени.

Глаза Джордан широко распахнулись. Она завизжала от восторга, когда щенок устремился к ней, пытаясь лизнуть в лицо:

— Ой, папочка!!!

Фрэнк присел на кровать и улыбнулся:

— Только у него пока нет имени.

— А можно мне дать ему имя?

— Конечно! Он же теперь твой, не так ли?

Щенок свернулся у Джордан на руках. Она счастливо вздохнула:

— Ах, папа, я уже так сильно его люблю!

Кэтрин с деланным недовольством буркнула:

— Это слишком для моей косметики! Тушь поползла... Я сейчас.

Фрэнк остался в спальне дочери. Сквозь окно под косым углом падал солнечный свет. По дому растекался запах свежего кофе. И Фрэнк почувствовал себя совершенно счастливым человеком.

— Ну, я думаю, что надо оставить вас вдвоем, — произнес он, и глаза его непроизвольно увлажнились, как и у Кэтрин.

Он потрепал Джордан по ноге, взъерошил щенячью шерстку и вышел. Заглянул в ванную, где Кэтрин поправляла макияж:

— Удачи на собеседовании. Ты справишься. Ты же знаешь главный секрет женских побед, не так ли, дорогая?

— Спасибо. Все ведь действительно будет хорошо, правда, Фрэнк? Ведь все это... — она

развела руки, точно обнимая и Фрэнка, и маленькую девочку в спальне с таявшащим щенком, и этот райский желтый дом, — ...все это только начало?

— Полагаю, ты права!

Спустившись по лестнице, он остановился, чтобы собрать валявшуюся на полу у входной двери почту. Перебирая рекламные листовки, журналы, плакаты и счета, которые продолжали пересылать с прежнего места жительства, вдруг запнулся, наткнувшись на *нечто*.

Это — письмо, адресованное ему. Имя аккуратно напечатано на конверте вместе с их почтовым адресом:

Фрэнк Блэк, 1910 Эзекиль Драйв.

Без обратного адреса.

Сердце бешено заколотилось, когда он вскрыл конверт и нащупал внутри знакомую скользкую поверхность: там были фотографии.

Прежде чем он успел достать их, по лестнице быстро сбежала Кэтрин.

— Я полагаю, тебе будет чем заняться — там, наверху, — объявила она, кивая в сторону второго этажа.

— Хорошо, — оцепенело произнес Фрэнк.

Кэтрин подхватила свою сумочку и портфель:

— Пожелай мне удачи! — и осеклась: — Что-то случилось?

— Ничего... Будь осторожна, хорошо?

— Буду!

Когда ее машина отъехала, он снова опустил глаза на конверт. Достал фотографии...

Это были снимки Кэтрин и Джордан.

Вот они обе на заднем сидении «чероки».

Вот Джордан в детском сидении.

Вот Кэтрин, немного не в фокусе, входит куда-то сквозь вращающуюся дверь, спеша укрыться от дождя.

Вот расплывчатый снимок головы Джордан.

И вот последняя фотография: Кэтрин и Джордан сняты на улице, через просвет в плотной колонне машин. Они держатся за руки, дожидаясь зеленого сигнала светофора.

Фрэнк почувствовал знакомое давление в основании черепа. Прерывисто дыша, дрожащими руками поднес фотографию к самым глазам.

И увидел...

Позади хрупких фигур жены и дочери, на заднем плане — ярко-желтая автомашина, дверца которой украшена оптимистической рекламой:

«Служба такси Сиэтла:

Мы всегда найдем Вас, Где бы Вы ни были!»

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с издателями.

Серия «Millennium»

Литературно-художественное издание

Хэнд Элизабет
Француз

Ответственный редактор Я.С. Ашмарина

Выпускающий редактор С.Н. Абовская

Редактор Е.А. Пасечник

Художественные редакторы О.Н. Адашкина, А.Е. Нечаев

Технический редактор А.Е. Молочников

Корректоры Г.В. Ефимцева, А.А. Сурнин

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»

Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.

674460, Читинская область, Агинский район,

п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома «Корвус».

Лицензия ЛР № 066477. 190121,

Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».

Электронные адреса: WWW.TF.RU

E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8

ФРАНЦУЗ

M I L L E N N I U M

Это — «ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ».

Новый сериал Криса Картера — создателя уникальных
«Секретных материалов».

Это — «ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ».

История самой таинственной, самой секретной группы на
Земле. Группы, которая борется не просто со злом, но
с Силами Тьмы, все чаще находящими путь в наш мир.

Группы, в которой люди, обладающие паранормальными
способностями, расследуют преступления, носящие —
явно ли, нет ли — ПАРАНОРМАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР. Группы,
лучшим из агентов которой считается телепат Франк Блэк...
Читайте новеллизацию нового суперпроекта Криса Картера!

Это — первое дело «Тысячелетия».

Одержимостью идеей «спасти наш мир от порока»
страдают многие безумцы и фанатики, и многие — слишком
многие! — из них ОПАСНЫ.

Но... преступник, который совершает убийство за
убийством теперь, — не просто маньяк, но — человек,
и вправду уверенный в своей Миссии. Миссии странной,
страшной и — великой.

Чтобы найти ТАКОГО убийцу, Франку Блэку придется
ПОНЯТЬ ЕГО. ПОНЯТЬ любой ценой...

ISBN 5-17-007128-0

9 785170 071289

На основе телесериала
КРИСА КАРТЕРА
- M I L L E N N I U M -